

**Д Ъ Т И
А Б Б А Т С Т В А ,
А Г Л И Н С К О Й Р О М А Н Ъ .**

Переведено съ Французскаго
М. Я.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .

М О С К В А , 1 8 0 2 .
Въ Унивѣрситетской Типографіи,
у Луби , Гарля и Полова.

**Съ дозволенія Московской
Цензуры.**

Д Ъ Т И

А Б Б А Т С Т В А.

Г Л А В А I.

Не правдали, Гнѣ. Полковникѣ, сказалѣ Оскарѣ: мнѣ воображаешся, что Генералѣ имѣлѣ съ вами рѣчь касающуюся до меня, и я надѣюсь, что вы ничего не скроете отѣ меня изѣ разговора, вѣ копоромѣ честь моя учасш-вуешѣ? — А! сказалѣ Полковникѣ, обрадуясь, что могѣ начать исполненіе своего умоначерпанія; онѣ мнѣ сдѣлалѣ на васѣ нѣкошорыя жалобы. Онѣ соглашаешся, что вы храброй молодой чело-вѣкѣ, но что онѣ никакѣ не можетѣ рѣшилься вознаградишь до-

елюиство ваше, даруя вамъ дочь
 свою и богатство его. — Небо мнѣ
 въ помѣ свидѣтель, вскричалъ до-
 вѣрчивый. Оскаръ, что я нико-
 гда не дерзалъ льститься ни пѣмъ
 ни другимъ; что привязанность
 моя къ его дочери хотя весьма
 нѣжливѣйшая, но всегда была без-
 надежная, и почтеніе мое къ ней
 шоль же безкорыстно, сколь и
 искренно. Я бы легче согласил-
 ся умереть, нежели, объявивъ
 дочери его внушаемая ею мнѣ
 чувства, употребить во зло до-
 вѣренность, копорую онъ имѣлъ
 ко мнѣ; вижу себя ошныиъ не-
 щасливѣйше изгнаннаго изъ Вод-
 Лавна. — Нѣшъ, нѣшъ! сказалъ
 Полковникъ: только убѣгайте
 бышь на единъ съ Аделию. Я
 думаю право, что она болѣе шще-
 славна, нежели чувствительна.
 Совѣшую вамъ въ первое ваше
 посѣщеніе, копорое бы я для сего
 желалъ, чинобъ вы поскорѣ сдѣ-

лали, объяснитъся ей свободнымъ видомъ, что вы имѣли привязанность еще до прїѣзда вашего въ Ирландію. Сіе объясненіе поправишь все вразсужденіи Генерала, кошорой не будетъ васъ болѣе спрашивать для своей дочери; вы не перестанете быть, такъ какъ и всегда, хорошо приняты въ Вуд-Лавнѣ, и наслаждашься во время вашего еще въ сей землѣ пребыванія бесѣдою, къ кошорой вы сполько прїобыкли. — Нѣтъ, сказалъ Оскаръ, я не скажу споль великой несправедливости. — Любезное дитя мое! перехватилъ Полковникъ, слишкомъ жестоки ваши сомнѣнія; для Бога! оставьше романическія свои воображенія; я бы никогда не присовѣщовалъ вамъ сказать какуюнибудь ложь, естлибъ чрезъ шо кому либо вредъ могъ произойти; но нѣтъ ни одного Христї-

анскаго священника, копорой бы не разрѣшилъ васъ на ту, какую я теперь внушаю вамъ.

Положимъ, сказалъ Фитзланъ, что я бы послѣдовалъ вашему совѣту; но какое же бы ошъ того было для меня послѣдствіе, какъ не то, чтобъ еще болѣе опягчить цѣпи, удручающія сердце мое, и усовершить бѣдствія мои?

По чесши, сказалъ Полковникъ, по вашимъ рѣчамъ и ша-кимъ опасеніямъ я вижу, что вы еще не входили въ любовныя дѣла съ молодыми пригожими дѣвушками сего государства, до того, какъ съ сею вспрѣпились. Но разсудите прилѣжно, сколь прискорбно вамъ будетъ лишиться дружбы Генерала, и пріятной бесѣды, копорую вы находите въ Вод-Лавнѣ! Сіе весьма спранно покажешся всѣмъ, кои извѣстны были о вашей кѣ нему

приверженности; — да я вамъ еще болѣе скажу: вы обязаны, какъ честной человекъ, исполнить требуемое мною отъ васъ; ибо ежели бы дочь его была сколько неблагоразумна, чтобъ возмущивала къ вамъ нѣкую привязанность, то предлагаемый мною совѣтъ прервалъ бы оную, для того что честолюбіе ея надмѣру велико, чтобъ могла она хотя мало сохранить оной, какъ скоро только узнаете, что имѣете соперницу, и чрезъ то вы совершенно сошлѣиствовали бы дѣше намѣреніямъ Генерала.

Любезный мой Полковникъ! сказалъ Оскаръ живѣйшимъ тономъ и съ сверкающими глазами: думаете ли вы находить ее сколько неблагоразумною, чтобъ возвѣщать ей ко мнѣ нѣкошорую склонность?

Я не могу много васъ въ томъ увѣрять, прервалъ Полков-

никъ ; это такое дѣло , о которомъ никогда не лзя имѣть довольнаго подтвержденія . Однако ешлы вы хошите знать мое мнѣнїе , то по веселому и свободному ея съ вами обращенію я бы думалъ , что сердце ея не шроушо .

Я дѣйствительнo думаю , что нѣтъ ! вздыхая сказалъ Оскаръ ; но на что же я сдѣлаюсь виновникомъ во лжи для такой особы , которая ко мнѣ равнодушна ? — Я вамъ сказалъ мое мнѣнїе , съ холодностію прервалъ Полковникъ , а вамъ остается взять ваши мѣры . . . Нѣсколько времени пробыли они , не говоря ни слова . Но скоро о томъ же началась рѣчь , и съ обѣихъ сторонъ многія разсужденія предлагались . Сердце Оскарово втайнѣ одобряло расположение Полковника . Предпринимая оное , онъ не лишался бесѣды Аделиной . Не могъ сне-

спи шой мысли, чшобъ бышь на всегда изгнаннымъ изъ Вод-Лавна. Разсудокъ его усшуилъ жестокости спрасши его, и онъ упалъ въ сбиши, разспавленныя въроломсшвомъ Бельграва, дабы однимъ призракомъ правды опняшь благополучіе, пригошовляемое ему благошворительнымъ Провидѣніемъ.

О души, прямо справедливыя! не попускайте вести себя спезями лжи; не надѣйшесь никогда доспигнуть благополучія виновными средсшвами! Надежда, льсшящая вамъ досшавишь оное чрезъ сей пушь, походишь на шѣ обманчивые огни, кошорые вмѣсто того, чшобъ сопроводишь въ ночи пушешеспвенника, служашъ ему только къ вящшей потерѣ испиинной спези.

Скоро послѣ сего пагубнаго Полковнику обѣщанія, несчастная жершва, сама на заколеніе иду-

щая, отправился въ Вуд-Лавнъ съ своимъ пѣроломнымъ совѣшникомъ. Мисъ Гоней-Вудъ была въ саду, когда они прѣехали. Трепещущій Оскаръ пошелъ туда ее сыскашь, и нашелъ въ бесѣдкѣ изъ цвѣтовъ. Никогда она ему споль прелестною не казалась: жаръ оживлялъ румянецъ щекъ ея, освѣяемыя кудрявыми развѣвающимися волосами ея. Въ минушу, когда увидѣла Оскара, глаза ея блистали сладчайшею вѣжвостію и плѣнительнѣйшею чувствительностію. Любезный Фитзаланъ! сказала она ему, бросая держимую ею книгу и проплывивая къ нему руку: какъ я рада, увидя васъ! и надѣюсь, что вы на нѣсколькихъ дней въ Вуд-Лавнъ расположитесь. — Вы надѣетесь? печально сказалъ ей Оскаръ. — Конечно, отвѣчала она ему. Да что же это значить? вы такъ блѣдны

въ совсѣмъ на себя не похожи ;
 у васъ видъ опчаяннаго пасту-
 ха , которой на первой встрѣ-
 шившейся ему ивѣ гошовъ повѣ-
 сисься. — Я въ самомъ дѣлѣ не-
 щасливъ , отвѣчалъ Оскаръ , и
 вы тому не будете удивляться ,
 когда открою вамъ положеніе
 души моей. — Ну , скажите же ,
 прервала Аделія ; желаю быть
 вашею повѣренною ; и лукаво
 усмѣхаясь продолжала : желаю
 знать причины , къ опчаянію васъ
 побуждающія. — Охотно сообщу
 вамъ ихъ , сказалъ Оскаръ. Мнѣ
 должно повѣдать вамъ мою исто-
 рію. Но ивѣ , не могу того
 исполнить ; пускай же сей лю-
 безный и драгоценный залогъ ,
 сказалъ онъ вынимая изъ за па-
 зухи миниатурной портретъ се-
 сшры своей , вамъ скажетъ за
 меня , возможно ли любящему
 сей предметъ когда либо разлу-
 чаться съ шѣмъ , кого онъ лю-

бить! — Аделія грубо взяла изъ рукъ его портретъ, и невольное шрепешаніе измѣнило чрезмѣрному ея удивленію. Слова не могутъ выразишь ощущаемаго ею движенія при видѣ прелестныхъ чертъ ея мнимой соперницы. И такъ Оскаръ, сей обожаемый ею Оскаръ, кошорому она уповала соспавишь щастіе, и кошорому предлагала соединеніе судьбы своей — Оскаръ вѣ испинну любилъ другую, а не ее. Увы! доказательство шому она вѣ рукахъ своихъ имѣла; вновь разсмашривала портретъ, и мнила видѣшь на ономъ изображеніе гораздо ея превосходнѣйшей красоты. Поблѣднѣли розы на щекахъ ея, мракъ распроширшился на глазахъ, и она уронила изъ руки портретъ. Оскаръ шоялъ вѣ бесѣдки, дабы скрышь смущеніе свое. Она вышла, и не говоря ни слова, указала ему

пальцомъ на мѣсто, гдѣ упалъ поршреть, и спѣшила уйти домой. Оскаръ, поднявъ его, вскричалъ: любезнѣйшій образъ! на какое горестное послужилъ ты мнѣ употребленіе! Увы! все для меня окончилось. Аделія, моя Аделія! на всегда ее перяю! О Боже! да имѣли ли я когда либо надежду обладать ею? Ахъ, нѣтъ! я никогда не дерзалъ представлять себѣ возможнымъ такое блаженство... Аделія возвращаясь нашла своего отца въ залѣ, въ копорую изъ саду былъ ходъ. Ну! неблагодарная малюшка, не достоинъ ли я поцѣлуя за то, что не хотѣлъ пошревожишь вашу бесѣду на единѣ съ этимъ клушишкой (Фипзаланомъ)? — Прошу васъ, сказала ему Аделія, не имѣя возможности удержавъ слезы свои, убѣдительно прошу васъ, не говорите мнѣ о немъ болѣе;

уже и такъ слишкомъ много говорено было.

Любезное дитя мое! вскричалъ Генералъ, взирая на нее съ великимъ удивленіемъ: прошу тебя, останови вздохи и слезы твои; скажи мнѣ, что это значитъ? — Я оскорблена, сказала она ему ослабѣвающимъ голосомъ, шѣмъ, что сшолько говорено вразсужденіи меня Фитзалану, кошораго я не иначе, какъ просшымъ знакомствомъ должна счишашь. — Полковникъ, нарочно дожидаящійся въ лѣсочкѣ, вошелъ въ сію минуту. Аделія запрелешала и ушла чрезъ другую дверь. Я праворадъ, любезный мой Полковникъ, что вы пожаловали сюда, сказалъ шарикъ; небольшое междуусобіе зашѣялось у моей дочери съ молодымъ человѣкомъ. Я полагаю, что сія ссора, какъ обыкновенно случающіа въ любви, при-

мирениемъ окончишся ; но скажи-
те мнѣ, какъ онъ принялъ сооб-
щенное вами доброе для него из-
вѣстiе?

Весьма оскорбительно для
здраваго разсудка, сядясь ска-
залъ Полковникъ швердымъ голо-
сомъ, и внутренно радуясь о
успѣхѣ своей хитрости — видѣшь
людей, не знаю какимъ — по зло-
щасшiемъ влекомыхъ, отвергаешь
предлагаемое имъ благо для того,
кошораго они достигнуть не мо-
гутъ; и какъ дѣшей, бросавшихъ
и теряющихъ игрушки, дабы до-
гнашь издѣвающуюся надъ ними
пшицу. — Эшо великая справедли-
вость, сказалъ Генералъ, и пра-
во такъ хорошо сказано, что я
сомнѣваюсь, чшобъ и священникъ
полковой когда либо лучше ска-
залъ. Но, любезный Полковникъ,
говорилъ онъ ему, ударивъ Бель-
грава по колѣну, чшо же сва-
залъ молодой человекъ? Я очень

досадую, Господинъ Генералъ, бышь
обязаннымъ признашься вамъ,
что начашое мною разсужденіе
совершенно къ нему опносилось.
Онъ признаешъ доспоинство ва-
шей дочери, превозносишь вели-
кодушіе ваше; но отказывается
принять предлагаемое вами, по
причинъ давнешней его привязан-
ности, кошорой онъ не въ силахъ
осшавишь, кошя ни малаго не
можетъ надбяться успѣха.

Какая дьявольщина! онъ от-
казываетъ? вскричалъ Генералъ
шопчасъ, какъ бѣшенство и уди-
вленіе позволили ему обьяснять-
ся. Безумецъ! дурачишка! неблаго-
дарной! другая привязанность!
отказашъ моей дочери! моей
Адели, кошорая возбуждаешъ
исканія шоль многихъ,
гораздо болѣе его спюю-
щихъ людей! И я увижу во всей
спранѣ нашей произшествіе сіе
обнародованнымъ; вездѣ услышу

переговоры, что дочери моей показано; и ошъ кого? ошъ ма-
люшки Прапорщика, кошораго
все богатство состоишъ въ шпа-
жонкѣ его Изрядную право
свигралъ я игру! Но ежели без-
умецъ сей ошворишъ рощъ обь
ономъ, шо пускай порохъ ядомъ
миѣ послужишъ, ежели не извле-
ку онымъ полного себѣ мщениа! —
Любезный Генералъ! сказалъ Пол-
ковникъ, вы можете бышь увѣ-
рены, что онъ для собѣшвенной
своей чести замолчишъ о семъ
дѣлѣ; но положимъ, чтообъ онъ
и вздумалъ говоришь о немъ, вы
знаете, что онъ не въ силахъ по-
вредишь добруму имени Миссы
Гоней - Водъ, сполько любезной,
сполько совершенной, и нако-
нецъ одаренной всѣми изящнѣй-
шими качествами. Я знаю лю-
дей, или по крайности одного
человѣка знашной природы и съ
великимъ богатствомъ, кошорой

бы обнаружилъ свои къ ней чувства, ешьлибъ хотя малѣйшее получилъ онымъ одобреніе. — Ну! сказалъ Генераль, съ трудомъ еще переводя духъ: мы о томъ поговоримъ въ другое время; ибо я рѣшился дочь мою скорѣе отдать за мужъ; но хочу отдать ее не прошивъ склонности.

Оскаръ и Аделія уже къ обѣду появились; и пошъ и другая прилагали щаніе ободрить себя и успокоить; но бѣдный Оскаръ гораздо менѣе успѣвалъ въ томъ, не пошому однакожь, чшобъ чувства Аделіи не столь какъ его были нѣжны, ибо спросъ ея была глубоко вкорененна; она льспилась вдохнуть подобную и въ грудь Оскара. Предвѣщала себѣ, что взаимная любовь сія, одобренная ея родителемъ, сосшавила бы и ушвердила блаженство на всю жизнь ея. Съ великодушнымъ удовольствіемъ зара-

нѣ видѣла она любезнаго своего Фишзалана чрезъ нее возведеннаго въ блаженное и независимое сословіе. Въ первый разъ обманушая въ надеждѣ своей, сердце ея было снѣсно, и пріятнѣйшія размышленія юнаго воображенія ея вдругъ уступили мѣсто мрачному унынію. Но честолюбіе ея равнялось съ ея чувствительностію, и она твердо рѣшилась не подавать Оскару поводъ къ шоржесству, показавшись ему печальною и унылою. И такъ старалась уничтожить въ глазахъ своихъ всякой признакъ слезъ, и удерживала щепотные вздохи, стремящіеся вылетать изъ глубины сердца ея; нарядилась съ наибольшимъ щаніемъ. Однако же удрученные глаза ея и поблѣднѣвшія щеки измѣняли чувствамъ ея: за споломъ пробовала казаться веселою, но не успѣвала въ томъ. Кромѣ

ее за онымъ никакой другой женщины не было; и такъ когда приняли снапершь, она шопчасъ удалилась по обынновенію.

Генералъ чуждъ былъ всякаго припворсшва; не оказывалъ болѣе Оскару шой нѣжности, кошорой уже шолько не имѣлъ къ нему. Когда онъ вошелъ блѣденъ и смушенъ, онъ принялъ его суровымъ и едва учпивымъ видомъ. Смущеніе Оскарово симъ умножилось; вся душа его переобразилась; онъ не любилъ уже сообщесшва, какъ прежде. Благополучіе и веселость другихъ шрогашельнѣйшую составляли шрошивность его нещасію и увынію. Онъ зрѣлъ себя злополучнымъ изгнанникомъ, осужденнымъ впредь на горесшь и зависимость; горячія слезы изъ глазъ шекли на шарелку его. Самъ себя проклиналъ за свою слабосшь, кошорая по щасію не была при-

мѣчаема. Не обращая на себя вниманія Генерала, не привлекалъ онаго и отъ другихъ гостей; положеніе его спановилось споль шягоспшо, что онъ не могъ болѣе сносить онаго. Не бывъ оспанавливаемъ, онъ вышелъ, и какимъ-шо пайнымъ побужденіемъ проведенъ былъ въ гостиную комнату. Тамъ нашелъ онъ Аделью, которая ушомленна и измученна сраженіями цѣлаго ушра, заснула бросившись на софу. Оскаръ, тихо къ ней приближась, взиралъ на нее съ нѣжностію матери, охраняющей спящее дитя свое. Щека ея, поддерживаемая прекрасною рукою, освѣнялась удареніемъ солнечныхъ лучей въ занавѣсы окошекъ кармазиннаго цѣвша. На оной ясно видима была изспекшая слеза. Оскаръ, преклонясь къ нему прогашельному зрѣлищу и сжимая руки, говорилъ: Нѣшъ!

никогда щеки Аделіи никакими не должны бытъ омочены слезами, кромѣ шѣхъ, кои изящная чувствительность ея заставляешъ проливать изъ состраданія къ несчастіямъ другихъ. Да будетъ благополучіе ея столь же, какъ и благосъ ея, совершенно! Высочайшее Могущество, пещеея о невинности, да сохранишь ей навсегда дары свои, которыми она наслаждается! О Аделія! шощъ, кто возсылаешъ о тебѣ мольбу сію, навсегда будетъ имѣшь тебѣ присущивую въ мысли его; образъ швой останеся у него въ сердцѣ, дабы улаждашь горести онаго; и въ шягосномъ пущи, ошынѣ подлежащемъ ему, часто станешъ обращать глаза свои назадъ, чщобъ обрѣсти шамъ нѣсколько сладчайшихъ минушь... Тушь Аделія сдѣлала нѣкошорыя движенія, и произнесла нѣсколько невразумитель-

ныхъ словъ ; сидя: приподняла голову, и видящъ Оскара неподвижно предъ нею стоящаго. Съ надменностію взглянула на него, спрашивала, чшо онъ шуть дѣлалъ, и за чемъ пришелъ въ шумную комнату ? — Я не ожидалъ васъ здѣсь найти, отвѣчалъ онъ ; но увидя васъ, я остался шуть, не имѣя силы удалитъ себя отсюда. Жалостный голосъ, какимъ произнесъ онъ слова сіи, пронуль сердце Аделин; она вздохнула, и отшорошась пошла сбшь къ окну. Оскаръ послѣдовалъ за нею, забылъ выдерживать предсшавленіе лица, къ которому утромъ обязался, и взявъ ея руку, шико прижалъ къ своему сердцу. Въ сію сладостную минушу, когда симпатія двухъ сердець, одно къ другому преклоня, готовилась возпоржествованъ надъ растортающею ихъ хитроспшію, растворяюща двери и показывается

Полковникъ Бельгравъ. Въ пошъ часъ, когда оставилъ Оскаръ столовую комнату, Бельгравъ былъ на ногахъ: сколько онъ желалъ слѣдовать за нимъ, дабы предупредить слѣдствія опаснаго для него ихъ разговора наединѣ! Вся компанія за нимъ же вошла.

Оскаръ рѣшился не оставаясь ночевать въ Вуд-Лавнѣ, и далъ знать о своемъ намѣреніи, спрашивая у Полковника, не имѣешь ли онъ какихъ приказаній препоручить ему въ Эннискелленъ, куда онъ сей часъ отправляется.

За чѣмъ вы такъ спѣшите? сказалъ Генералъ сквозь зубы. Оставшись до сихъ поръ, вы можете и ночевать здѣсь; тучи надъ озеромъ собираются и предвѣщаютъ бурю. — Нѣтъ, милостивый государь, сказалъ Оскаръ покраснѣвъ, и явно оказывая свое смущеніе — нѣтъ такой бури, ко-

шорая бы могла останоѵить меня. . . Аделія вздыкала, но честолюбіе заграждало уста ея. Фишзаланъ подошелъ къ ней. Миссъ Гоней-Вудъ! сказалъ онъ ей; а чшобъ продолжашъ, недосшало у него голоса. Аделія, равно вспревоженная, не могла иначе, какъ шолько крошкимъ взглядомъ обдришь его. Сомнѣваясь, продолжалъ онъ, имѣшъ когда либѣ щастіе увидѣшъ ошашъ Вуд - Ливнъ, не могу оставить оный, не убриѵъ васъ, что оказанныя мнѣ въ ономъ благосклонности никогда изъ памяти моеи не выдушъ, и что наиживѣйшая горесшь, кошорую могло возчувстввовашъ сердце мое, происходишъ ошъ мысли, что я лишенъ дружбы, кошорой удсшожвали меня вы и почтенный родитель вашъ. — Аделія опушшила голову, а Оскаръ видя, что она не хотѣла, или не могла ничего сказашь, поклонилъ.

ся Генералу: и вышелъ изъ комнаты. Слезы его, до сихъ поръ съ великимъ усиленіемъ удерживаемыя, изобильно полились, и внизу лѣсшвицы: принужденъ былъ поддерживаться, облокотясь на перилы. Тогда, какъ обращалъ глаза вокругъ себя какъ бы для того, чтобъ сдѣлать печальное прощаніе съ мѣстами, гдѣ вкушалъ онъ блаженство, услышалъ кого-то къ нему идущаго; это былъ клѣшникъ, старинной слуга, приближенный къ Оскару, и повариха его въ рыбной ловлѣ и охотѣ; онъ, подавая чай, услышалъ, что Оскаръ возвѣстивъ о своемъ отъѣздѣ, пришелъ объявить ему о томъ свое удивленіе и прискорбіе. Ахъ, Боже мой! за что же Г. Филізалавъ такъ сурово оставляетъ насъ? Но ежели вы уже непремѣнно рѣшились сего вечера возвратиться въ Эпискекленъ, такъ подождите, я велю вамъ

лошадь осѣдлашь. Оскаръ съ иѣ-
котораго времени располагалъ
всею конюшнею Генерала; но за
неприспойное почиалъ, поше-
рливъ дружбу хозяина дома,
пользовался шюю же свободою,
на которую самое сіе дружество
до сихъ поръ давало ему право.
Пожалъ руку доброхошшвующаго
ему глянника, и скрылся изъ
дома. Сначала шелъ онъ съ
великою скоростію до того, какъ
доспигъ шропинки, проложенной
въ гору, и продолжающейся
вдоль береговъ озера, гдѣ онъ хо-
дилъ часто съ Аделіей. Ахъ!
никогда, сказалъ онъ ударивъ
себя въ лобъ рукою, никогда
я опяшь не увижу ее здѣсь. О
ноя любезная Аделія! швей не-
щасный Фипзаланъ никогда
не будешъ наслаждашься симъ
пріятнымъ зрѣлищемъ. Ахъ!
сколь благополучіе мое было
квашковременно!

Часть II.

В

Испощенный движеніемъ души, облокотясь сѣлъ противъ горы. Ошъ приближенія бури ночь спановилась шемнѣе, холодный и жестокій вѣтръ колебалъ деревья горъ и воды озера; дождь и градъ начиналъ идти, а Фишзаланъ, погруженный въ печаль свою, едва шо примѣчалъ; онъ не слышалъ и не видалъ ничего, кромѣ Аделіа. Шумъ, произведенный нѣсколькими рыбаками, спарающимися привести суда въ безопасное мѣсто, вывелъ его изъ задумчивости, и онъ скрылся въ лѣсъ, пока буря перешанещѣ. Наконецъ время спало лучше, и луна, проникая сквозь облака, освѣщала окружающіе его предмеши.

Сія часть лѣса была противъ той стороны дома, гдѣ находилась комната Аделіа. Оскаръ увидѣлъ нѣмъ огонь. Моя Аделіа! вскричалъ онъ, просни-

рая руки, какъ будто бы она слышала его и могла прибѣжать къ нему, и потомъ опускала ихъ; увы! сказалъ онъ, она болѣе не помышляетъ о такомъ несчастномъ, какъ я. О! какое бы было облегченіе для бѣдной разсвоенной головы моей, если бы я могъ хотя на одну минуту для успокоенія приклонить голову къ ней, и слыть сладчайшаго голоса ея хотя нѣсколько словъ состраданія о мученіяхъ сердца моего!... Утомленный скрѣблю своею, приблизился къ избушкѣ, построенной въ лѣсу, гдѣ часто ошдыхали они вмѣстѣ съ Аделіей. Ахъ! сказалъ онъ укрываясь въ оную, сколько есть добрыхъ людей, лучше сего жилища не имѣющихъ, и которыхъ Богъ покровительствуетъ и утѣшаетъ!... Тутъ заснулъ онъ печальнымъ и возмущаемымъ сномъ. Напослѣдокъ, при разсвѣтѣ дня,

возбужденъ былъ прїемъ птицъ , и спѣшилъ поскорѣе выратсь на дорогу, опасаясь, чтобъ не увидѣлъ его кто изъ людей Гоней-Воода. Не столько рано онъ достигъ Эннискеллена, чтобъ не встрѣвшись со многими Офицерами, которые съ великимъ удивленіемъ на него взирали. Мундиръ его былъ весь измаранъ, волосы безъ пудры и висяшъ по плечамъ, султанъ въ шляпѣ его переломленъ, и столь же великой безпорядокъ во всемъ его видѣ и пошупкахъ. На вопросы ихъ смущеннымъ образомъ отвѣщивалъ, что онъ упалъ; не безъ пруда однако же укрылся ошъ ихъ любопытства.

Въ пашнадаши миляхъ отъ Эннискеллена, въ одномъ скаредномъ городкѣ шоялъ отрядъ ихъ полку. Офицеръ, командовавший онымъ, весьма скучалъ тамъ; но какъ Оскару всякое сообще-

ство становилось несносно, но на сей разъ прилично ему было оное пребываніе, и онъ легко испросилъ замѣнить своего шоварища. Испытанныя имъ мученія духа, и прешерпѣнная буря, надмѣру жестокіе были для него удары, чшѣбъ не поспрадашь ошѣ оныхъ здоровью его. По переѣздѣ на новую квартиру, обѣяшѣ былѣ жестокою лихорадкой; другой Офицерѣ приславѣ былѣ на его мѣсто для отправленія должности его. Весьма долгое время прошло въ попеченіяхъ о немъ; но шѣ, кон прилагали оное, не видѣли ни малѣйшаго знака, которой бы могѣ подавать надежду о его выздоровленія. Какѣ скоро шолько въ силахъ былѣ приподняншѣ, шо разсудили за полезное перевести его въ Эннискелленѣ, дабы онѣ былѣ на глазахъ у главшаго полковаго Лѣкаря.

Коляска бжала: весьма шихо;
Оскаръ вь пріяншійшемъ нахо-
дился удивленіи, признавая садъ
Миссриссы Марловъ. Не могъ
онъ, прошившись желанію ея уви-
дѣть, и: получишь чрезъ нее ка-
кое либо, извѣстіе о: жишеляхъ
Вод-Лавна. Къ: Госпожѣ сей:
онъ: ощущалъ: нѣжное и искрен-
нее: дружество;: женщина: сія:
была: съ: достоинствами: и: наи-
лучшаго: расположенія; большею:
частію. ей: обязана: была Аделія:
украшающими: ея: дарованіями и:
пріянностями, и. вь: домѣ. ея:
Оскаръ: множесво: сладчайшихъ:
минушъ: препроводилъ съ Аделіей.

Тогда было около вечера, какъ
Оскаръ: находяся. вь: сосѣдствѣ:
Миссриссы. Марловъ. Облоко-
щаясь на руку: слуги: своего, по-
пиконьку: взобрався: на: пригорокъ.
Не болѣе бы: удивило: старую: Гос-
пожу: привидѣніе, представившееся:
ей, какъ блѣдный и: измѣнившій-

ся видѣ молодого ея друга. Со-
всею нѣжностію машери она сжи-
мала руки Оскаровы въ своихъ;
посадила его подлѣ огня, велѣла
принести ему нѣкошорыхъ про-
хладишельностей, кои, ерисоеди-
нясь къ желаемому имѣ разгово-
ру, скоро ободрили духъ его. Въ
сію минушу предспало мысли
его первое сдѣланное имѣ Мис-
сприссѣ Марловѣ посвѣщеніе. На-
дѣюсь, сказалъ онѣ, что наши
друзья въ Вуд-Лавнѣ . . . и
оспановилса; глаза его извѣсня-
ли вопросы, кошорые языкъ произ-
нести не мѣгѣ. — Они здоровы,
сказала ему Миссприссѣ Марловѣ;
вы безѣ сомѣннѣ извѣстны обо
всемѣ тамѣ происшедшемѣ. Нѣшѣ,
я ничего не знаю, ошвѣчалъ Ос-
карѣ; вы видѣше меня изѣ гро-
ба выходящаго. Прежде нежели
расскажу вамѣ о томѣ, прервала
Миссприссѣ Марловѣ, хочу извѣ-
стѣишь вамѣ мою похвалу, мое

удивленіе благородному и безкорыстному расположенію вашему, кошорое побудило васъ ошказаться ошъ предлагаемаго вамъ щассія, дабы сохранишь обязашельства сердца вашего. Какое жь это — спросилъ Оскаръ, взирая на Мисприссъ Марловъ съ видомъ замѣщашельства — какое же это щассіе, ошъ кошораго я ошказался? — То, каксвое Генералъ предлагалъ вамъ, сказала Мисприссъ Марловъ. — Генералъ? вскричалъ Оскаръ. — Да, Генералъ, о намѣреніяхъ кошораго сообщилъ вамъ Полковникъ Бельгравъ. — О Небо! вскричалъ Оскаръ, всшавъ съ креселъ, не взирая на слабосшь свою; шакъ Генералъ, говорите вы, имѣлъ шаковыя намѣренія, и Бельграву препоручено было извѣспить меня о нихъ? . . . И шакъ Бельгравъ обманулъ меня? Онъ миѣ сказалъ напрошивъ, что мои усерд-

ныя отношенія къ Миссѣ Гоней-Бродѣ не нравились Генералу, и пронзая смертельнымъ ударомъ сердце мое, заспавилъ упопрѣбишь ложь, кошорая изгнала меня изъ мысли Аделии и ея родителля. — О чудовище! вскричала Мистриссѣ Марловѣ: вы были жершвою вѣроломства его. — Ахъ! прервалъ Оскаръ, я брошусь къ ногамъ Генерала, открою ему всю душу мою, изъясню ему, какъ ложныя мифныя чесши заблуждали меня до того, что я выдумалъ привязанность, кошорой никогда не имѣлъ ни къ кому, кромѣ любезной Аделии; испрошу мое прощенье, и Аделия. . . Увы! дитя мое! сказала Мистриссѣ Марловѣ оспанавливая его: уже то поздно; Аделия не можетьъ быть вашею: она за мужемъ, и супруга Бельграва. Оскаръ пошатнулся на ногахъ своихъ, и спустился въ глубокое

степаніе, и упалъ безъ чувствъ. Мисприссѣ Марловъ позвала на помощь Оскарова слугу и своихъ людей; положили еіо въ постелью, гдѣ долго пробылъ онъ въ безпамятствѣ; наконецъ, открывая глаза и испуская тяжельй вздохъ, что уже кончено! вскричалъ онъ, она навсегда для меня пошеряна!

Отпустили слугу, и добрая Мисприссѣ Марловъ сѣла подлѣ его постели и говорила ему: о другъ мой! сердце мое страдаетъ съ вашимъ; но отважность ваша, а не состраданіе мое можетъ подать вамъ силы прощившись несчастіямъ вашимъ. — Ахъ, дражайшая и почтеннѣйшая моя! сказалъ онъ ей: какъ ужасно помыслишь, что я держалъ въ рукахъ своихъ и близко ко устамъ чашу благополучія, которую самъ отвергнулъ прочь отъ себя! Увы! сказала Мисприссѣ Марловъ, столь шро-

нутая' спраданіями молодого дру-
га ея, какъ бы они были ея соб-
ственныи: увы! люди часто са-
ми себя лишаютъ своимъ не-
благоразуміемъ и: глупостію
благодѣній, низпосылаемыхъ имъ
пекущимсл. о благополучіи ихъ
Провидѣніемъ. О душа мое, рож-
денный' съ: споль искреннею и
великою душою, какова твоя! ни-
когда не унижай ее ни до малѣйша-
го пришворства. — Ахъ! сказалъ
Оскаръ, не умножайте спрада-
ній моихъ воспоминаніемъ же-
спокой вины моей. — Нѣшъ, мой
другъ, сказала она ему, очень
удалена: я ошъ сего безчеловѣ-
чія; но никогда полезное насша-
вленіе споль глубоко не вкоре-
няется въ душу, какъ напечаш-
лѣваясь въ оной нещаспіемъ. Вы
любезны и еще молоды,
жизнь ваша конечно общаетъ
вамъ многія наслажденія, кошо-
рыми вы будете умѣль восполь-

зоваться и лучше оцѣнить послѣ
спрогихъ уроковъ бѣдспрія. —
Увы! сказалъ Оскаръ, какія могушъ
ошмынѣ бышь для меня въ жиз-
ни пріятноснѣ? — Всѣ шѣ, сказала
Мисприссѣ Марловъ, которыя
еще въ рукахъ вашихъ : спокой-
ствіе души, благополучіе, сопро-
вождаемое доставляемымъ ею сви-
дѣтельствомъ въ исполненіи дол-
жностей своихъ, и возвышеніемъ
черезъ шерпѣнїе и бодрость пре-
выше испытаній, коимъ она под-
вергается. — Не думаете ли вы,
сказалъ Оскаръ прерывая ее, чшобъ
я могъ ненаказаннымъ оспавить
предательство Бельграва? Нѣшѣ,
продолжалъ онъ, просягивая ру-
ку къ шпагѣ, которая близъ его
находилась. -- А что же вы хоти-
те сдѣлать? сказала ему Ми-
сприссѣ Марловъ, взявъ его за
руку. Безразсудный молодой че-
ловѣкъ! какая цѣль швоя? не
хотите ли излечь вокругъ себя

смерть и опчаяніе? Найдете ли благополучіе, когда удовлетворите мщенію? Не думаете ли вы, чпобѣ Аделія, воспитанная въ благоприспойности и добродѣшелн, могла видѣшь убійцу мужа своего? или чпобѣ сшарый Гене-ралъ, кошорой съ такою благо-сшію пригошовлялъ вамъ ща-спливую жизнь, просшилъ вновь изліинныя вами на семейство его несчастія, хотя бы онъ ихъ и пережишь могъ? Шпага выпала изъ рукъ Оскара. Я виновникъ, сказалъ онъ, отдаваясь тако-вымъ изсшупленіямъ. Но сколь несчастіе мое велико! Чпо ка-саешся до жизни моей, шо безъ Аделіи она уже не заслуживаетъ болѣе, чпобѣ я прилагаю оп-нынъ какое либо сшараніе со-храняшь ее.

Мисшриссѣ Марловъ воспользо-валась сею минушою умягче-ніа его, чпобѣ говоритъ ему язы-

комъ разсудка, Она соединяла свои слезы съ проливаемыми молодымъ человекомъ при подробномъ объясненіи вѣроломства Бельграва, помышляя, что дражайшій предметъ ея попеченій и нѣжности, милая Аделія, была также жертвою онаго. Твердо увѣряла его о необходимости скрывать злощастную шайну сію. Ощущаемое Оскаромъ движеніе ошѣ всею произшествіямъ сего возвратило ему лихорадку, и онъ никакъ не былъ въ состояніи продолжать путь свой въ Дивискелленъ. Мисприсъ Марловъ велѣла ему приготовить постелью, надѣясь скорого выздоровленія его. Но не взирая на всѣ прилагаемыя ею о немъ попеченія, (ибо она поступала съ нимъ со всею нѣжностію машери) болѣзни его продолжались, и сей двѣшодъ, поврежденный жосою

длуга , казался бышь навсегда поблекшимъ.

Генералъ до глубины пронупъ былъ, видя опринушыми шакія предложенія, копорыя справедливо починалъ онъ долженствующими упоить Оскара радосшію и благодарносшію ; никогда чесполюбіе его не вкушало споль жестюкаго о скорбленія, никогда не казался онъ споль униженнымъ въ собспвенныхъ глазахъ своихъ. Полковникъ однако же шонкими ласкапельсшвами и усердными угожденіями скоро успѣлъ опдалилъ сіи мушпельныя размышленія. Онъ увѣрлялъ Генерала, что поступокъ его всѣми одобряемъ былъ, хотя обманчивыя, но примиряющія насъ самыхъ съ собою рѣши всегда бывають намъ приняты. Полковникъ мало по малу шанъвился любимцемъ Генерала ; и когда онъ въ первый разъ говорилъ ему

● привязанности своей къ Аделии, Гоней - Воодъ увбрялъ его, что онъ сбвеличайшимъ участіемъ поговоритъ о помъ дочери своей. Желаніе Генерала при-спроитъ ее было болбе, нежели когда нибудъ. Во встрбтившемся ему опказб онъ мвилб обрб-пашъ для самого себя и для нее нбчто споль унижающее, что иногда внб себя приходилб опбшого. Полковникъ обладалъ великимъ богатствомъ, но сія выгода мало обольщала Генерала, безкорыстіе кошораго намъ уже извбстно, а еще менбс дочь его. При первомъ опкрышіи, учиненномъ ей опб опца о намбреніяхъ Бельграва, она просила его не говорить о помъ болбе. Жестко обманушой вб прежнихъ увазіяхъ своихъ, ей нужно было время для излбченія раны сердца ея. Она скрывала свою, но слабые глаза ея и блбдными

цески возвѣщали спраданіе ея; она убѣгала сообщества, бродила безпрестанно по пропинкамъ, коихъ нѣкогда съ Оскаромъ пробѣгала; тамъ помышляла она о немъ болѣе, нежели когда нибудь; укоряла себя въ грубомъ прошивъ него поступкѣ; зрѣла его добычею печали, и удаляла его однако же съ опшалкивающей холодностію; сія же самая холодность, споль скоропосшижно ему оказавшая, не преминула дашь мысль Оскару, что горько было ей видѣшь себя имъ оставленною; и мнѣніе сіе вдругъ оскорбляло и чесшлюбіе и нѣжность ея. Она бы ничего на себѣ не пожалѣла, чтобъ шолько уѣришь Оскара, что она не иначе, какъ дружески на него взираала. Полковникъ не давалъ себѣ унывать опъ холодности Аделиной; онъ привыкъ борощься со всякими предшшвїями. Иногда

удавалось ему, въ уединенныхъ
 ея прогулкахъ, какъ будто со-
 провождаясь нечаянношю, соеди-
 няясь съ нею; разговоръ его
 всегда бывалъ забавный, и въ
 ономъ держался предѣловъ, Аде-
 лію ему предписанныхъ; но воз-
 рами своими изъяснялъ мученіе,
 коего воздержность сія ему спой-
 ла, и посшупокъ его не проши-
 венъ былъ Миссѣ Гоней - Вудъ,
 кѣпорая чрезъ оной мвила ви-
 дѣшь въ Полковникъ поворносшь
 валъ ея.

Нѣсколько недѣль прошло
 послѣ того, какъ Оскаръ само-
 произвольно изгналъ себя изъ
 Вуд-Лавна; и сколько ни каза-
 лись вѣрными упованія Бельгравы,
 не думалъ однако же, чшобъ мо-
 гли оныя сбышься, или по край-
 ности шафъ скоро, какъ бы онъ
 желалъ. Безъ употребленія какой
 либо военной хшпросши; и зоби-
 ленъ будучи въ вымыслахъ, пош-

часъ соорудилъ планъ свой. Въ одно утро преслѣдовалъ Аделію въ саду, и нашелъ ее чашающую въ бесѣдкѣ. При входѣ его она оставила книгу, и разговаривали о различныхъ предметахъ. Приходящій слуга Полковника съ большимъ пакетомъ писемъ. Бельгравъ представилъ, что не читая хочетъ ихъ положить въ карманъ. Тутъ Аделія говоритъ ему: на что такая церемонія, Полковникъ? я опять примусь за мою книгу, пока вы будете читать ваши письма. Черезъ минуту слышитъ она, что онъ съ великимъ движеніемъ вскричалъ: какая дерзость! и потомъ изображая, будто вспоминая, что онъ въ присутствіи Адели, оказывалъ нѣкоторое смущеніе, проворчалъ нѣсколько словъ, и взялъ опять свое письмо. Прочитавъ оное, сдѣлавъ видъ, что хочетъ положить его въ

карманъ, уронилъ къ ногамъ своимъ; пошомъ пробѣжалъ глазами осташокъ писемъ своихъ, и вспавая извинялся предъ Аделіей, что такъ грубо оставилъ ее. Спѣшу, говоришь онъ, сдѣлашь въкошорые, опсрочки нешерпящіе опшѣшы. Лишь полко онъ вышелъ, Аделія увидѣла на полу опскрышое письмо; она подняла оное въ намѣреніи опнести его домой, но бросилось ей въ глаза имя ея, означенное большими лишерями, и которыя казались бышь руки Фишзалана. Вся она зашрепешала. Пылкое возчувшвовала желаніе узнать, какъ говорено было о ней въ перепискъ между Оскаромъ и Бельгравомъ. Невольно обращались глаза ея на сіе пагубное писаніе. Она обозрѣла нѣсколько словъ, которыя еще болѣе возбудили ея любопытство; напоследокъ не могла далѣе про-

пивишься покушснїю, взяла письмо и чицала :

Полковнику Бельгрову.

„Вы укоряете меня вчувствительностїю, какъ вы то называете, къ несрашненнымъ прелестямъ Адели. Согласенъ и я въ ономъ, но не назову справедливыми укоризны ваши; ибо чтожь дѣлать, когда я былъ съ лишкомъ сильно побѣжденъ прїятносшями другой особы, которая въ глазахъ моихъ, правда что вполненыхъ присрашїемъ влюбленнаго, кажутся гораздо превосходнѣйшими? Предложеніе Генерала конечно было великодушнѣйшее и лестнѣйшее въ свѣтѣ, и оно удовольствовало всю нѣжностъ души моей, доставляя случай на олшарѣ любви принести въ жертву богатство и любочестіе. Безкорыстїе мое въ семъ случаѣ болѣе ушверди-

ло мнѣ всю приверженность любезной сердцу моему, кошорой непосредственно лестно было уведомленіе мое обв одержанной ею надв Аделіей побѣдѣ: чувство весьма естественное, и таковымъ оно покажется всѣмъ тѣмъ, кои узнающъ предметъ, кошорому я предпочелъ ее. Усердно желаю, чшобъ Генералъ склонился на ваши исканія; весьма буду обрадованъ, увидя моего перваго и лучшаго друга обладашемъ сокровища, о коемъ онъ споль долгое время вздыхаешъ. Ожидаю отъ васъ брани за шо, чшо попускаю обнаруживашься моему съ Аделіей приключенію; но право никакъ не могъ запрешить себѣ сообщить оно моей любезной. Дай Боже, чшобъ она была скромна; а безъ шого предвижу, чшо должно будешъ подрашъся съ престарѣлымъ Генераломъ. Прощайте. Вѣрьше,

мой любезной Полковникъ, что я навсегда вамъ преданъ.

Оскаръ Фитзаланъ.,.

Мерзавецъ!! воскричала, Аделія въ чрезмѣрномъ движеніи, и уронивъ изъ рукъ своихъ письмо, въ кошоромъ весьма искусно поддѣлались подъ руку Оскара. Такъ-то воздаешъ онъ за попеченія родителя моего и мои о утверженіи благоденствія его! Обезчеловѣчный Фитзаланъ! не уже ли шу, Аделию, кошорая находила себя сшоль любезнымъ, кошорая тогда шолько полагала цѣну богашству, когда чрезъ оное видѣла средство учинишъ себя щасливымъ — не уже ли, говорю, шу Аделию дерзаешъ спараться обратиться въ посмѣшище и въ шоржештво швоему шщеславію? Чесшлюбіе и нѣжностъ, еще не угасшая, сражались въ груди ея; она унала ошашъ на

скамью, и поддерживая голову рукою, предавалась рыданію и слезамъ. То хотѣла дашь знашь Фашизлану, что она была извѣстна о подлости посшупка его, и произишь сердце онаго жесточайшими укоризнами; но рѣшилась на презрительное молчаніе. Въ то время, какъ духъ ея былъ шоль колеблемъ, шико вошелъ Полковникъ. Въ тогдашнемъ смущеніи ея она забыла, что всякую минушу надлежало ожидать его возвращенія, и увидя его шипрепешала. Ясно было ей, что онъ могъ подозрѣвать ее въ прочтеніи письма; она наклонила голову и красѣла. Какой я вѣщреной! сказалъ Полковникъ поднимая свое письмо, и оказывая, будто шолько хвашился его; это изъ всѣхъ моихъ писемъ шакое, прочтеніе котораго мнѣ бы болѣе досадно было. Слова сіи еще подшвердили Аделии, что

онъ подозрѣвалъ ее въ томъ. При мысли сей она блѣднѣла и онышъ упала на свое мѣсто, не въ силахъ будучи выдержашъ укоризну, кою рую она сама себѣ дѣлала въ такой неоспорожности.

Бельгравъ прибѣжалъ ее подержашъ. О налюбезнѣйшая изъ женщинъ! сказалъ онъ ей самымъ вѣжливѣйшимъ тономъ, какой только могъ предсавить: что значить сіе смущеніе? — Я не знаю, сказала она, это ничего; и приходишь сколько въ себя, говорила, чтобъ домой возвратишься. — И такъ, прервалъ Полковникъ, вы всегда меня убѣгаете! Знаю, Миссъ, что я не имѣю никакова права и никакой привлекательности, копорыя бы могли удерживашъ васъ; однако же, продолжалъ онъ, призывая къ себѣ на помощь, и выпаскивая, такъ сказахъ, изъ глазъ своихъ одну

или двѣ слезы, будьте увѣрены, что вы никогда не найдете сердца, которое бы столь нѣжно, какъ мое, къ вамъ привержено было. Но я вижу, что я безпокою васъ, и шакъ восприму налагаемое вами молчаніе. О дражайшая и любезнѣйшая изъ женщинъ! есѣли уже не возможно мнѣ льсшился другимъ правомъ, болѣе драгоценнымъ и болѣе лестнымъ, то по крайности удосшойше меня и мени друга вашего. — Ошъ всего моего сердца, сказала она ему, шронувшись обманчивыми поступками его. Ошъ смущенія своего она нѣсколько оправилась. Онъ упросилъ ее немного прогуляться, вмѣсто того чшобъ возвратиться домой; уловлялъ ее своими угожденіями; льсшивая похвала произнекала изъ коварныхъ устъ его; по градусамъ опшлекалъ ее ошъ мучительныхъ воспоминаній;

льспилъ честполюбію ея оказы-
ваемымъ ей уваженіемъ. Пріят-
на ей была досада его на Фиш-
залана, кошорую онъ далъ ей за-
мѣнить при случаѣ письма. На-
конецъ обратила къ нему почше-
ніе и уваженіе въ тоже время,
какъ досаду и презрѣніе къ Ос-
кару. Проницаніе Полковника
слишкомъ велико было, чшобъ не
догадаться о сей перемѣнѣ и
не употребить ее въ пользу
свою. Аделія, предавшись сво-
имъ истиннымъ и укоренившим-
ся въ ней чувствамъ, воспроши-
вилась бы всякому предложенію
брака; но оскорбленное честполю-
біе шеперь побуждало ее къ по-
шупку, кошорой бы доказалъ
Фишзалану ея къ нему равноду-
шіе. Генералъ получилъ ея со-
гласіе въ пользу Полковника; и
обѣщаніе ихъ, чшобъ на нѣсколь-
ко времени не оставяшь его.
Сдѣлали къ свадьбѣ великолѣц-

ныя приугощовленія. Хотя до-
сада Аделии прошивъ Оскара была
все таже, но скоро познала она,
что слишкомъ поспѣшила сво-
имъ повиновеніемъ. Невольное
ощущала опвращеніе къ заклю-
чаемому ею союзу, и охотно бы
отказалась навсегда отъ онаго
безъ обязательствъ, которое сдѣ-
лала въ томъ опцу своему. Въ
сія несносная минушы добрая ея
пріятельница, Мисприссѣ Мар-
ловъ, поддерживала бодрость ея,
и злосчастный день насталъ, въ
которой Аделия дала руку свою
вѣроломному Беллраву.

Около пашнадаши днѣй
прошло послѣ ея брака, какъ
услышала нѣкоторые Офице-
ровъ того полку, разговариваю-
щихъ о болѣзни Оскара. При-
мени семъ она покрасѣла. По-
исшиня, сказалъ одинъ изъ нихъ,
Мисприссѣ Марловъ предобродѣ-
тельная особа! Оскаръ очень ца-

сплавъ, что напелъ споль хоро-
шій покровъ: онъ бы погибъ во
всякомъ другомъ мѣсцѣ. Бѣдной
малой! сказала Аделія, испуская
вдохъ самой себѣ непримѣш-
нымъ образомъ. Бельгравъ вспрѣ-
вился въ ея глаза, обративъ
на нее своя. Взоръ Полковника
былъ мрачный и сурогій, и на-
залось хотѣлъ проникнуть даже
въ изгибы сердца Аделіи. Она
защепешала, и въ первой разъ
возчувствововала жестокость дан-
наго самою себѣ властителя.
Какъ Мисприссъ Марловъ не увѣ-
домила ее, что Оскаръ ею былъ
принятъ, по она и не хотѣла
къ ней писать о помѣ; много-
кратно посылала ее звать въ
Вуд-Лавъ, надѣясь услышать
отъ нее то, что звать желала,
но не успѣвала въ помѣ. Чрезъ
двѣ недѣли Мисприссъ Марловъ
привзжаетъ въ Вуд-Лавъ. Очень
была она блѣдна и похудѣла.

Аделія съ ласковостию выговаривала ей за долговременное ея опсущствіе, надѣясь шѣмъ принудить ее сказать причину онаго, избѣщая о попеченіяхъ, прилагаемыхъ ею объ Оскарѣ; но Миссриссъ Марловъ не сказала ни одного слова къ шому относящагося; обращала рѣчь къ различнымъ вещамъ; разспрошенная Аделія немного осердилась, и печально сѣла за работу.

Спустя вѣсколько дней, Аделія скоро послѣ обѣда сѣла въ карешу, чшобъ сѣбздить запланить визитъ Миссриссъ Марловъ; она полагала, чшо не найдешъ шамъ Оскара, а льсшилась шолько шѣмъ, чшо въ продолженіи разговора узнаешъ, чшо онъ совершенно выздоровѣлъ, дабы сдѣлать пріятельницѣ своей пріятную нечаянность. Въ вѣкопоромъ расшольни опъ дома она велѣла осшановишься, и при-

шла дорожкой, ведущей къ дверямъ госпиной комнашы, кошорую она шихонько опшворила. Какое было ея удивленіе, когда примѣшила Оскара, сидящаго съ Мисшриссою Марловъ подлѣ камина, углубленнаго въ важные разговоры! Она ошпановилась, не въ силахъ будучи сдѣлать ни одного шага до шѣхъ поръ, какъ Мисшриссъ Марловъ, подошедъ къ ней, обняла ея и ввела въ комнашу. Движеніе Оскара не меньше сильно было, какъ и Адели. Не много ободрился онъ выразишельнымъ взоромъ Мисшриссы Марловъ; оный казалось убѣждалъ его не ошдаваться слабости, кошораябы измѣнила истиннымъ его къ Аделии чувсшвамъ. Напоследокъ онъ всшалъ, и подошедъ къ ней сказалъ: позволъше мнѣ, милосштивная госушдарыня . . . и слова исчезли на ушсахъ его; ибо не имѣлъ силы

докончивъ привѣщанія на такой случай, кошорой чаятельно равно соорудилъ несчастіе Адельи, какъ и собственное его. О! оставяше комплименты, сказала Мисприссѣ Марловѣ, принуждая сама себя взять видъ нѣсколько повеселѣе; спугайше молодыхъ люди, сядемше и насладимся пріятностію бышь подлѣ добраго огня во время столь веснаго холода, каковъ пелерь. Принудила она шрепещущую Аделию выпить немного вина, ободрися унылый духъ ея, и самъ Оскаръ казался воспріяшь отважностію. Но возрастала при томъ печаль, означающаяся въ физиогноміи и поступкахъ ихъ, равно какъ и шоска душевная; онѣ хладной церемоніи и осторожности, кошорую и томъ и другая на себя налагали, сердца ихъ наполнялись горестію и уныніемъ. Фитцаланъ былъ столь блѣденъ, столь

измѣнился, и казался такимъ несчастнымъ и такою добычею печали и отчаянія, что ежели бы онъ и на жизнь Аделии покушался, то не могла бы она теперь возвѣмѣшь къ нему что-либо, кромѣ сострадательныхъ чувствъ. Мисприссъ Марловъ шузя рассказывала о безпокойствѣ, которое причинялъ ей Оскаръ. Увѣрю васъ, сказала она, что я очень худо оплачиваюсь за мои о немъ попеченія, съ шѣхъ поръ, какъ начала ему давать нѣкопоруую свободу; ибо совсемъ не наблюдаемъ мною предписанныхъ ему правилъ. Пожалуйте присоедините вашу власшь къ моей, чтобы заставить его болѣе беречь себя. — Очень охотно, сказала Аделия, ежели могу имѣть съ его стороны какое-либо довѣріе.

Какое либо довѣріе! повсюрилъ Оскаръ; о Небо! . . . Сказавъ

слова сіи, вспалъ сѣ скоростію и ошошелъ къ окну, дабы скрыть смущеніе свое. Зрѣлище полей было весьма уныло, ибо тогда наступала глубокая осень; вечеръ былъ холоденъ, въ горахъ дулъ жестокій вѣтръ, и небо помрачалось приближеніемъ бури. Мисприссѣ Марловъ вывели его изъ задумчивости, сказавъ ему: что вы тамъ дѣлаете? видѣ изъ сего окна не можете предсказать вамъ великихъ привлекабельностей. — Ахъ! сказалъ онъ, вдыхаемая онымъ печаль имѣетъ въ себѣ вѣчно сладостное и пріятное. Обнаженные деревья, поблекшіе осенніе цвѣты соотвѣтствуютъ печальнымъ мыслямъ моимъ. Они суть изображенія сердца, видѣвшаго исчезающими сладчайшія надежды свои, но которое однако же не увидитъ ихъ разцвѣтшими съ прежнею красотою ихъ, шакъ какъ деревья и

цвѣты. — Все это вздоръ, сказала Мисприссѣ Марловъ; болѣзнь ваша сдѣлала васъ очень задумчивымъ: но желаю, чтобъ печаль сія разсѣялась прежде, нежели садъ мой со всею пріятностію покроется зеленью и плодами, и принудишь какого нибудь молодого Офицера пріѣхать посѣпить меня шаруху. — О! вскричалъ Оскаръ, какое воспоминаніе для меня той минуты, когда я вошелъ сюда въ первый разъ! — Оставьте лесъ, прервала Мисприссѣ Марловъ смѣясь; вы не заставите меня вѣрить, чтобъ пріятности мои произвели надъ вами столь продолжительное впечатлѣніе тогда, какъ я очень знаю, что перейдя на другія квартиры, столь же наговорите первой встрѣтившейся вамъ хорошенькой шарушкѣ. — Нѣтъ, прервалъ Оскаръ, сошвѣшшвуя шушкѣ; могу увѣрить васъ, что впечатлѣніе,

здѣсь мною полученное , никогда не истребился изъ сердца моего. Въ то же время бросилъ онъ взоръ на Аделию , которая , пошупивъ глаза , преклоняла голову къ груди своей , испытывая жесточайшее движеніе. Ми-с-приссъ Марловъ старалась пере-мѣнить разговоръ ; она почувствовала ибжное и живѣйшее состраданіе къ сей молодой и несчастной парѣ , соединенія которой она столь ревностно желала. Но съ тѣхъ поръ , какъ непреоборимая преграда разлучила ихъ , она щцилась отвращеніемъ отъ нихъ вслкое доказательство взаимной ихъ склонности ; оное бы только послужило къ умноженію ихъ несчастія. Позволивъ вѣбла подавать чай ; всевозможное прилагала усиліе развеселить разговоры , но не успѣвала въ томъ ; ибо гости ея не сошвѣщивали

помощію къ тому. Когда же сѣли по своимъ мѣстамъ около огня, по обратясь къ Аделин, сказала ей.: вы часто оказывали желаніе услышать исторію жизни моей; до сихъ поръ спракъ возбудишь мои прискорбія, которыя не окончатся, прелятсшвовалъ миѣ рассказать вамъ оную; но какъ намъ шеперь для препровожденія времени не чемъ лучше заняшь, по я вамъ сдѣлаю сіе повѣствованіе. — Вы очель меня обяжете, сказала Аделин; вы знаете, сколько участвуемъ мое любопытство во всемъ, что до васъ касаетса.

Г Л А В А 2.

Я была единственное дитя одного Викарія нѣкотораго селенія, въ полуденной Англїи лежащаго; отецъ мой, равно какъ

и супруга его, были честной фамиліи, но не очень богати. Довольны своимъ состояніемъ, пріятны въ собесѣдствѣ, гошovy при всякомъ случаѣ оказашь услугу, почиали себя щасшливыми въ умѣренности своей. Я была кумиромъ ихъ; всѣ говорили моей матери, что я буду красавица, и бѣдная женщина утѣшалась сею надеждою. Весьма естественно, что по нѣкошорому щеславію не сомнѣвалась она, размышляя романически, чтобѣ прелести мой не довели меня нѣкогда къ великому щасшію. Дабы сдѣлать меня гораздо болѣе способною достигнуть цѣли сей, давала мнѣ воспитаніе больше блестящее, нежели прочное; отецъ мой, будучи беззаботливымъ и крощаго нрава, совершенно предославлялъ меня ея попеченію. И шкъ оставляя у меня въ невѣденіи грамашику соб-

спвеннаго моего языка , научила меня весьма плохо болшашь по Французски; и вмѣсно того, чтобъ обучашь меня сшить себѣ платьє, пріучала проводить мое время въ шитьѣ по кисеѣ и ашласу; какого - то шущѣ живущаго музыканша досхавили мнѣ въ шанцовальныя училищели. Очень хотѣли научить меня играшь на какомъ нибудь инструменшѣ, но покупка клавирина, или арфы, была не по доходамъ моихъ родителей; и шакъ машь моя довольсшвовалась просвѣщеніемъ меня въ вокальной музыкѣ, и научила меня пѣшь нѣсколькo старинныхъ пѣсенъ со всѣми пріятностями, кошорыя чыла она нужными присоединить къ шому.

Чшобъ досхавить мнѣ способъ помрачашь всѣхъ дѣвушекъ шого околodka платьями моими, равно какъ и другими преимущесшвами, она перерѣзала свои

спаринныя плашья и давала имъ шакія формы, какія полько лучше могла придумашь вѣ подражаніе шѣмъ, кои считала новомодными, и, опнуспи Бэже мое согрѣшеніе! самая побудишельнѣйшая причина, сопровождавшая меня вѣ церковь вѣ Воскресные дни, происходила ошѣ желанія показашь мою шелковую юбку съ вырѣзкой, и песпрую кореньковую шляпу.

Когда доспигла я шесшнадцатилѣтняго возраста, мапъ моя считала меня совершеннымъ вѣ свѣтѣ швореніемъ, и не сомнѣвалась, чтобы всеобщее мнѣніе не было таково же. Я была жива и вѣшрена, шщеславна и надменна до чрезвычайности; сохраняя однако же невинность и преспопу свою, часто забывала предспавлять лице, которое играшь меня засспавляли, и предаваясь природной мнѣ весело-

сти въ маленькихъ играхъ съ молодыми дѣвушками на огородахъ и подлѣ сѣннаго стога при лунномъ сіяніи, вкушала я совершенное блаженство.

Въ недѣлю одинъ разъ, сопровождаемая моею машерью, жаживала я къ шанцовальному училищу; шамъ находила и другихъ молодыхъ дѣвушекъ, и шамъ прошверживали мы конспр-дансы. Въ одинъ вечеръ, послѣ окончанія одного данца, входящъ въ комнату хорошо одѣтый молодой человекъ, и привлекъ наше вниманіе, а вмѣстѣ съ онымъ и удивленіе. Никогда не забуду движенія, чувствуемаго мною при его приближеніи. Всѣ мои подруги то же испышывали; у всѣхъ щеки покрылись румянцемъ, у всѣхъ глаза блиспали желаніемъ и надеждою. Онъ свободнымъ образомъ обошелъ всю комнату, какъ бы для того, чшобъ обо-

зрѣшь насѣ, и ошановиася про-
шивѣ одной, очень хорошей дѣ-
вушки, дочери мѣльника. Я бы-
ла въ смертельномѣ прискорбѣи,
равно и мать моя, стоящая под-
лѣ меня; она поблѣдѣла, и ко-
нечно бы была съ нею дурноша,
если бы молодой человекѣ не
обращился и не усшремилѣ глазѣ
своихѣ на меня. Изѣявивѣ по-
хвалы, нѣсколько времени каза-
лось размышлялѣ о выборѣ, по-
шомѣ со всевозможною прѣяшно-
сшю сдѣлалѣ поклонѣ и про-
силѣ меня бышь ему паромѣ. До
сихѣ порѣ я шолько прѣобучала
себя къ учшивосши, а шущѣ не
пропустила случая употребить
ее въ дѣйштво. Низко поклонясь,
сказала я ему, что вся честь
будетѣ съ моей стороны, и что
я съ великимѣ удовольствѣемѣ
на шребованѣе его соглашаюсь.
Онѣ усмѣхнулся немножко руга-
шельски, я думаю, и прокашлялѣ,

чтобъ прогнашь смѣхъ свой. Я покраснѣла, смушилась; но когда привелъ онъ меня на первое мѣсто, чтобъ начашь коншрдансъ, торжество мое надъ всѣми моими подругами ободрило духъ мой и разсѣяло смущеніе.

Я дала слово танцовашь съ однимъ молодымъ ошкупщикомъ, и онъ бѣсился не только за то, что я, не прося у него позволенія, не сдержала даннаго мною обѣщанія, но и за то, что въ парѣ моей находилъ пріятности, которыя возвѣщали ему опаснаго въ немъ соперника. Тѣфу пронасъ какая! сказалъ онъ мнѣ грустнымъ голосомъ: мнѣ кажешся вы очень плохо со мною пошгупаете, Миссъ Фанни! Не знаю, съ чего эшотъ господчикъ пришелъ сюда влашвовашь надъ нами! — Ты очень забавенъ, сказала я ему со взоромъ, извясняющимъ шоль великое презрѣніе,

что онъ не могъ снести его, и ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. Товарищъ мой не воздержался, чтобъ не захохоташъ. Весьма забавляла его простища моего свойства, съ прошивнымъ шому видомъ, которой я старалась на себя принять. Не должно удивляться, сказалъ онъ, что бѣдный влюбленный пасишокъ оскорбляешся, видя себя разлученнымъ съ прелестною Фанни.

Танцы окончились; мы подошли къ моей мапери, которая горѣла желаніемъ начашъ разговоръ съ незнакомцемъ, желая ему дашъ выразумѣшь, что онъ долженъ опличашъ насъ опъ шолпы людей шумѣ находящихся. Подлинно, сказала она, человекъ вашего состоянія должно казашся забывавно здѣсь бышь; мы и сами шакже далеки опъ равенства съ ними. Но въ шаккомъ малецкомъ мѣсшечкѣ,

каково эшо, не возможно быть приморчиву въ выборѣ сообще-
сва; а не такъ — по наживеешь-
ся пустынноически. Незнакомецъ
согласился въ справедливости ея
примѣчашя, и принялъ пригла-
шеніе, которое она ему сдѣлала
ужинашь съ нами. Мать моя
пошчасъ послала о семъ увѣдо-
мишь моего ошца, дабы онъ ве-
лѣлъ убишь — не по думайте что объ
жирнаго пшеленка; вѣшь, ушку,
и онъ съ служанкой споль усерд-
но заботился, что по возвра-
щенія нашемъ съ балу мы на-
шли готовымъ очень изрядный
ужинъ. Г. Марловъ, эшо было имя
незнакомцу, весьма былъ любе-
зенъ. Не нужно рассказывать, что
родители мои и я преисполнены
были привѣтствіями къ нему и
ласковостию. Опходя, онъ про-
силъ позволенія посѣщать насъ,
и пришелъ на другой день. Съ
сей минушы мать моя взирала

на него какъ на шакого человѣка, копорой скоро будешъ ея зяшемъ.

Въ шакомъ маленькомъ мѣспечкѣ, каково обишаемое нами, все скоро узнаешся. И шакъ мы провѣдали, что въ прошедшій вечеръ, оспанавливаясь на посшояломъ дворѣ, онъ услышалъ музыку, и что любопышство понудило его придши шуда, гдѣ шанцовали. Увѣдомили насъ шакке и о томъ, какъ люди его рассказывали, что его ожидаешъ великое богашство. Довольно бы почши сего одного извѣспія для привлеченія къ нему сердца моего, и вы легко разсудише, что не могла я бышь шрудною побѣдою для шакого человѣка, копорой къ сей привлекательности присоединялъ пріяшный видъ и обработанный разумъ. Онъ продолжалъ насъ посѣщашъ; и сколь ни была я мало просвѣщена, но

пріобрѣла его склонность, по-
тому что, разговаривая съ нимъ,
забывала нравоученія, данныя мнѣ
о тщеславіи; оплагала всякое
пришворство, и повиновалась дви-
женіямъ природы и чувствитель-
ности. Не замедлилъ онъ объ-
яснить мнѣ, что намѣреніе его,
въ частыхъ посѣщеніяхъ, со-
стояло въ томъ, чтобъ получить
мою руку, но что никакъ не
возможно ему было посѣщать
удовольствоваться сію склонность
сердца своего; что положеніе его
дѣлало ему сіе весьма затрудни-
тельнымъ. Рано оставшись сиро-
шою, безъ всякаго имущества,
имѣлъ счараго дядю преспран-
наго нрава, и женатаго на та-
кой особѣ, кошорая не лучше его
онъ имѣла, назначенъ ими на-
слѣдникомъ всего ихъ имѣнія;
что онъ на вѣрное опрѣшився
ими ошъ онаго, ежели какой по-
супокъ учинишъ противъ воли.

ихъ, и что онъ не хѣшлѣ однако же покориться ихъ своеправію; и шакъ не согласяшся ли родишели мои позволишь намъ дань взаимное на бракъ обѣщаніе тогда, какъ онъ будешъ независимъ и возможешъ раздѣлиться со мною учасъ его. Они на то склонились, и я шакже. Г. Марловъ обизалъ насъ величайшею въ ономъ сокровенношю. Онъ сказывалъ намъ, что одинъ изъ его людей былъ при немъ шлюномъ; что до сихъ поръ отвращалъ мысль его вразсужденіи касяющагося до насъ, говоря ему, что отецъ мой былъ ему искренній пріятель, и располагался не медля ѣхать къ дядѣ своему; но пагубное мое щеславіе скоро измѣнило шайнѣ, копорую бы сохраняшь споль нужно мнѣ было. Я горѣла желаніемъ разгласишь ее. Въ одно утро пришла меня посѣтишь одна молодая дѣвушка,

съ копорюю я до знакомства съ Марловомъ очень дружна была. Чшо это, Фанни! сказала она мнѣ, шы насъ совсѣмъ оставила для Г. Марлова. Осшерегайся моя любезная, чшобъ онъ не засшавилъ шужишь о пошерѣ всѣхъ прочихъ швоихъ прїяшелей. — Ахъ! сказала я ей съ улыбкою и презрительнымъ видомъ, конечно послѣдую швоимъ совѣшамъ. — Право, говорила она, очень бы хорошо сдѣлала прїнявъ ихъ. Искренно скажу, чшо весьма непросшительно шобъ пропускашь такую выгодную паршю, какъ Клодъ, сынъ нашего мѣльника. — Клодъ? вскричала я самымъ надменнымъ тономъ. Боже мой! шы забываешь моя милая, кшо я! — Кшо шы? перехватила она, шпрушая мою дерзосшю. О! да, сказала она, шакъ, я забыла, чшо шы дочь бѣднаго сельскаго Викарїя, имѣющая гораздо болше въ головѣ

шщеславїа, нежели денегъ въ кошелькѣ. — А я, сказала я ей, не забыла, что швое невѣденіе равняешся швоей дерзоспи. Хопя я дочь бѣднаго священника, но помолвлена за одного богашаго человекъ, и никакъ не думаю, чшобъ шы могла со мною въ чемъ нибудь равняшься. Разговоръ нашъ, въ селеніи повшоряемый, скоро достигъ до слуга слуги Марлова, кошорой шощасъ понялъ причину, удерживающую шущъ его молодаго господина, и немедленно дядю его о шомъ увѣдомилъ. Въ слѣдствіе сего бѣдный Марловъ поспѣшно получилъ п и с ь м о, наполненное жесточайшими укоризнами, и повелѣніемъ ни мало не медля возвращаешья. Эшо было для всѣхъ насъ громовымъ ударомъ; но надлежало избирашь между послушаніемъ и пошерю всей благосклонности дяди. Боюсь я, ска-

залъ онъ , приугошовляясь къ опѣвѣду и прижимая меня къ груди своей ; боюсь я , что мы долго не увидимся ; боюсь также , бышь дядею , обязаннымъ къ общанію не писашь къ вамъ . Вспѣли сбдущся оба сіи опасенія , то ни удаленіе мое , ни молчаніе не опносите ни къ малѣйшему уменьшенію моей къ вамъ приверженности . Онъ уѣхалъ , а съ нимъ удалилось и благополучіе мое . Мать моя скоро послѣ его опѣвѣда получила жестокою лихорадку , кошорая окончила дни ея . Опець мой , будучи нѣжнаго свойства и слабого сложенія , сполько былъ пронувъ почши скоропоспижною смерщю подруги своей , что самъ не замедлилъ пасшь подъ бременемъ печали . Не можно изобразить ужасъ шогдашняго положенія моего ! Я видѣла себя одну во всей вселенной ; не было ни одной

дружеской руки, поддерживающей меня стоящую подлѣ могилы, въ кошорую заключалось все то, что я дражайшаго имѣла. Не знала я, гдѣ Марловъ; да ежели бы и знала, то никакъ бы не осмѣлилась имѣть съ нимъ переписку, опасаясь повредишь ему чрезъ то у дяди его. Грубоспю моею пошеряла вниманіе сосѣдей своихъ, и они едва снисходили оказывать мнѣ, чего шребовало ошъ нихъ обычное человѣколюбіе, чтообъ не допусшишь меня совсѣмъ погибнуть, непосредшвенно при шомъ давая мнѣ чувшвовашь мою зависимость. Въ семъ печальномъ положеніи получила я приглашеніе ошъ одной моей въ школѣ бывшей подруги, кошорая въ замужствѣ за богатымъ ошкупщикомъ жила за сорокъ вершъ ошъ нашего селенія. Она мнѣ предлагала приѣхашь пожить съ нею до шѣхъ

порѣ, какъ я буду въ состояніи найши какое либо другое средство къ содержанію себя. Съ радостію приняла я предложеніе сіе; и заплакавъ послѣдній разъ на гробѣ моихъ любезныхъ родителей, наняла коляску, какую только могла сыскать подешевлѣ; отправилась къ ней, взявъ съ собою все мое имущество, которое заключалось въ одномъ чемоданѣ.

Я льстилась обрѣсти у друга моего тихое пристанище, до тѣхъ порѣ, какъ Марловъ будетъ въ состояніи выполнить свое обѣщаніе, и когда я возмогу сама воздасть за оказываемую мнѣ хорошую услугу. Но скоро надлежало мнѣ съ сею мыслию просишья; ибо едва только здоровье мое немногo поправилось, какъ она обвѣстила мѣ, что я должна искать какое нибудь средство къ содержанію

себя моею работою и услугою. Крайне востревожилась я, увидя всѣ мои надежды исчезающими. По щещславію моему воображала я, что Марловъ и не подумалъ бы обо мнѣ болѣе, ежели бы я унизила себя до того, чтобъ приняла званіе служительницы. Сказала я ей, что весьма незнающа я въ услугахъ всякаго рода; что умѣла только шить и рисовать кое-какъ, и другія по способности своей руководя. По описаніи моихъ дарованій, сказала она мнѣ, что навѣрное удачи ей помѣстить меня въ услуги къ одной Госпожѣ въ сосѣдствѣ, которая очень богата, и съ давняго уже времени ищетъ, кого бы она могла заставить для себя читать и работать по ея вкусу. Предувѣдомила меня, что она была немного вздорна, но что употребляя ласку, я могу угождать ея прихотямъ; что при-

помѣ для сохраненія добраго имени моего весьма для меня хорошо бышь въ столь почтенномъ домѣ. Какъ не изъ чего мнѣ было избирашь, то и освѣдомлялась подробнѣе о Госпожѣ сей. Не безъ величайшаго обошлось движенія, когда я узнала, что то была шешка Марлова. Сердце мое отъ радости зашрепепало при помышленіи, что подъ одною съ нимъ кровлею обиташь буду; льспилась, что услуживаніемъ шешкѣ не унижу себя въ глазахъ его. Надлежало однако же, чшобъ настоящее имя мое было не извѣстно, и я просила мою пріяшельницу скрышь его. Она шупила надъ моимъ щеславіемъ, счиная, что отъ него влагается мнѣ мысль сія; но обѣщала однако же то исполнишь; она не сомнѣвалась, чшобъ я не была принята по ея предствленію. И такъ взявъ съ со-

бою образцы моего рукодѣля, ошправилась я къ дому Марлова. Это было старинное жилище, окруженное заборомъ изъ деревъ, весьма исправно ошприженныхъ плоскою дольною и порядочно посаженными расшеніями. Двѣ спашуи, помѣщенные на одной колодѣ, не изображающія никакого подобія, извѣстнаго на земли, въ моряхъ или въ воздухѣ, составляли ужасной видѣ надъ желѣзными ворошами, въ кошоры, казалось, онѣ входѣ воспрещали. Старой приворошникѣ ошворилъ мнѣ ихъ; я ему сказала о причинѣ моего прихода; онѣ слушалъ меня, пребывая неподвиженъ, и швердо расположенъ, какъ я думаю, не ошавляшь ворошъ своихъ, хотя бы онѣ самого Короля былъ куда посыланъ. Онѣ кликнулъ слугу, кошорой будучи немного глухъ, засшавилъ меня съ чешвершь часа шолковать съ

нимъ , и проводилъ въ покой въ
верхній этажъ. Я мнила бытъ
въ жаркую страну пренесенною :
хотя тогда была половина Юля,
но превеликой огонь раскладенъ
въ каминъ ; полъ устланъ былъ
преполсными коврами , на коихъ
изображены были разныхъ ро-
довъ птицы , звѣри и цвѣшны.
С п а в н и преплосные и ис-
правно зашворенные , оконницы
выпачканныя. Хозяинъ и хозяй-
ка дома въ большихъ креслахъ
сидѣли подлѣ угловъ камина.
Три собаки и столько же кошекъ
спали у ногъ ихъ. Мужъ, облокот-
ясь на столъ, устремилъ глаза
въ толстую книгу , а жена кру-
жевцо распрадела. Физиогно-
мiя обѣихъ изображала худое
здоровье , и вмѣстѣ худое свой-
ство. Не себя ли — сказала мнѣ
Госпожа , снимая съ носа боль-
шія очки , и съ ногъ до головы
меня осматривая — Миссрисъ

Вильзонъ хотѣла прислать ко мнѣ? Но ты съ лишкомъ молода, моя милая, для нашей службы. Какъ себя зовушь, и откуда ты? — Я пригошоваюсь къ симъ вопросамъ, скрыла отъ нее мое подлинное имя и мѣсто рожденія. Посмотримъ-ка рукодѣльи твои, сказала она мнѣ; и я ихъ подала ей. Работы очень изрядная, говорила она, только рисунки гадки, очень гадки. Вотъ со вкусомъ, продолжала она, показывая мнѣ нѣкоторыя шитья въ золотыхъ рамкахъ. Я говорила ей, что никогда подобныхъ не видывала. Выраженіе сіе она пересполоковала въ великую похвалу, кою очень была довольна. Подлинно, сказала она, не малой подвергаюсь опасности принимая тебя; однако же ежели ты согласишься сообразоваться съ правилами нашего дома, по предшавленію Миссиссы

Вильзонъ, и изъ сожалѣнiя, ошваживаюсь принять тебя. Но только надобно тебѣ знать, что я не хочу ни попрыгушки, ни любопытницы, ни болтушки въ моемъ домѣ; ты должна быть скромна и въ одеждѣ и въ поступкахъ, осторожна въ словахъ, прилѣжна къ рукодѣлю, и довольна бытъ тѣмъ, чтобъ только въ Воскресные дни ходишь въ церковь. . . Въ возвѣщаемомъ мнѣ родѣ жизни зрѣла я подлинное и тяжостное рабство; но мысль единая, что оно будетъ услаждаться присушствiемъ Марлова, заставляла меня рѣшиться на оное. Послѣ обѣщанiя моего исполнять ея волю, она меня оставила. Сама взялась научать меня выполнять жесточайшiя мои обязанности; не спану рассказывать вамъ различныхъ испытанiй, коимъ подвергали меня ея суровость и суровый нравъ; до-

волью мнѣ сказать вамъ, что шершнѣе мое и склонности выдерживали истинное мученіе. Цѣлой день я сидѣла за работой, выпивая рисунки ея выдумки, которые изображали все, что есть ужаснѣйшаго въ природѣ. Не могла шагу сдѣлать изъ дому, кромѣ какъ въ Воскресенье выходить въ церковь; или иногда случалось вечеркомъ, рѣдко, да и то тогда, какъ уже ничего подъ носомъ не видишь.

При вступленіи моемъ Марловъ былъ въ отсутствіи, и я не смѣла спросить, когда онъ возвратился. Здоровье мое разстроивалось и духъ ослабѣвалъ. Въ слѣдствіе столь неподвижной жизни, какую меня весели заставляли, когда и случалось выходить, то вмѣсто того, чтобы насладиться прокладностію воздуха, или сдѣлать какое движеніе, я садилась оплакивать мое

прошедшее блаженство. Однажды, во время моего обѣда съ спаррой горнишной, уведомила она меня, что съ нѣкотораго времени опсусшсвующаго молодаго Господина Марлова ожидали въ слѣдующій день; по щасію добрая женщина смущенія моего не замѣшила. Я вышла изъ за стола, какъ только могла скорѣе, встревожена будучи чувствомъ неизъяснимаго удовольствія. Никогда не забуду я ощущаемаго мною движенія, услыша шопотъ лошадей его везущихъ, и увидя повозку вѣзжающую на дворъ. Напрасно спаралась я продолжашь мою работу: руки у меня дрожали, и я распросперлась на моемъ шулѣ, дабы предашьясь сладосшной мысли о свиданіи съ нимъ, которе я счишала для себя неизбѣжнымъ. Но спрогая моя Госпожа пришла вырвашь меня изъ сего пріятнаго мечша-

ція, увѣдомивъ меня, что я должна заключиться въ своей комнатѣ и въ шой, гдѣ живешъ другая горничная, до шѣхъ поръ, какъ племянникъ ея, молодой и немного дикой человекъ, говорила она, пробудешъ здѣсь; чшобъ я была скромна и добродѣтельна, какъ кажуся бышь. Я сама безъ сомнѣнія чувствовала необходимость сего посшупка. Рѣчью сею сжималось сердце мое; но по прошесшвіи первыхъ минушъ ушѣшалась я помышляя, что какъ нибудь досшигну обманушъ бодрость клюшницы, кошя она Аргусу подобна была. Однако же мнѣ не удалось исполнись моего предпріяшя, а уже нѣсколько дней прошло, въ копорые сильно голова моя кружилась ошъ мысли, что въ одномъ домѣ съ Марловомъ, и онъ шого не вѣдаешъ.

Напослѣдокъ выдумала я средство, кошорое могло бы, какъ

я думала, дашь ему пушь кѣ опкрышю меня. Окончила я работу, весьма угодную вкусу старой Госпожи: это была ужасная корзинища съ цвѣтами, кошорую несла кошка на спинѣ, имѣя въ когтяхъ своихъ несчастную мышь. Восхищеніе моей Госпожи при семъ превосходномъ искусствѣ ободрило меня попросить позволенія сработашь чтонибудь моей выдумки. Она на то согласилась, и я съ крайнимъ усердіемъ начала работашь. Изобразила видъ свой, какъ могла наилучше; предсшавила себя въ печальномъ плашѣ, подлѣ могилы въ деревенскомъ кладбищѣ, по близости кошораго постшавила домъ, довольно сходшвующій съ шѣмъ, гдѣ я жила; половина онаго скрывалась въ кучѣ деревьевъ. Всѣ сіи предметы совокупно должны возбудишь въ Марловѣ воспоминаніе о бѣдной Фанни.

Отнесла мое рукодѣлье къ Госпожѣ своей, которая онымъ весьма была довольна, и сказала, что она великъ его въ рамки поставишь. Въ слѣдующій день, какъ я сидѣла съ ключницей за обѣдомъ, вдругъ комнаша открылась, и я вижу входящаго Марлова. Я чаяла чувствъ лишишься. Подруга моя уронила свой ножикъ и вилку; но Марловъ, подошедъ къ ней сказалъ, что ему что-то дурно, и шакъ просилъ принеся выпить чегонибудь для подкрѣпленія. Она вышла съ досаднымъ видомъ, дабы принести пребуемаго имъ, а Марловъ, потчасъ приближась ко мнѣ и бросивъ на меня сосрадашелейный и нѣжный взоръ, сказалъ мнѣ: сего вечера въ одиннадцать часовъ приходишь въ пріемную залу. Время казалось мнѣ долго; наконецъ насталъ пошъ часъ. Я нашла Марлова; онъ обнялъ меня,

слезы его соединились съ моими, когда рассказала ему печальную мою испорію. Любезная моя Фанни! сказалъ онъ мнѣ: шеперь, когда вы лишились подпоры въ любезныхъ вашихъ родителѣхъ, мнѣ надлежитъ засшупишь мѣсто ихъ. Я окажу соопвѣтствіе довѣренности, которую они ко мнѣ имѣли; ваша честь и моя, для меня все равно. Не обманулся я въ мысли вразсужденіи: поступка со мною, котораго ожидалъ отъ нечувствительныхъ родственниковъ моихъ. Ежели бы я не сдѣлалъ поржеспвеннаго обѣщанія прервать всякое съ вами сношеніе, то бы безвозвратно былъ ими оставленъ. Какъ горекъ, сказалъ онъ мнѣ, имѣя слезы на глазахъ, хлѣбъ зависимости! Съ величайшею трудностію подвергаюсь я споль недостойному рабству, и спону наконецъ положеніе мое, ушѣ-

шаясь 'шолько мыслию о благополучіи, кошорое раздѣлю нѣкогда сѣ моею Фанни. Естльи бы я зналъ, продолжалъ онъ, ваше нещастіе, что мнѣ никакъ было не удобно; шо не взирая на неусыпную бодрость шпионовъ моего дяди, никакой страхъ не воспрепятствовалъ бы мнѣ лѣтъшь къ вамъ на помощь. — Слава Богу, сказала я ему, что вы шого не знали! Тешушка, продолжалъ онъ, показывала мнѣ вашу работу, на кошорую величайшія похвалы расточала; сѣ перваго разу я взглянулъ безъ вниманія, но шолчасъ живѣйшее учасіе заспувило мѣшо сего равнодушія, какъ скоро шолько по предметамъ, шущъ изображеннымъ, позналъ, что нешремѣнно рукъ вашихъ должна бытъ сія работа. Всячески шарался вывѣдашь ошъ шешки моей какое нибудь объясненіе для поддержа-

нія догадки моей, но всѣ мои
усилія были бесполезны. Одѣваясь
спрашивалъ своего слугу, въ
ошсущствіи нашемъ не сдѣлалось
ли какой перемѣны, или приба-
вленія въ домъ? Онъ сказалъ, что
слышалъ: взята какая-то мо-
лодая особа, занимающаяся шить-
емъ; но что она съ прочими
служителями никакого сношенія
не имѣла.

Тутъ же объяснилъ мнѣ
Марловъ, что онъ не могъ того
сносить, чтобъ я еще долѣ жи-
ла въ рабскомъ состояніи, и
что безъ всякаго ошлагашел-
ства желалъ судьбу свою соеди-
нить съ моею. Сначала довольно
слабо спрошивлялась я его на-
мѣренію, но скоро рѣшилась, мо-
жетъ быть для собственн^{ой}
моей выгоды, и дала на то свое
согласіе. Было положено, чтобъ
я объяснилась его шепкѣ, что
здоровье мое не позволяло мнѣ

еще долѣе при ней оспашься, и чтобы мнѣ отправиться въ одно селеніе въ шести миляхъ отсюда, куда Марловъ взялся привезши одного молодого священника, особеннаго друга его, дабы обвиняешь насъ. Расположеніе наше было выполнено, такъ какъ условились, и я сдѣлалась супруга Марлова. Вы конечно полагаете, что шубъ восходила я на верхъ моего блаженства? И дѣйствительно я касалась онаго, какъ глупость моя низвергнула меня отсюда. Чрезмѣрно шагнула я шайною, которую мнѣ хранить надлежало; жаждала той минуты, когда бы сіяющею могла выдти изъ облака, держащаго мои дарованія и красоту подъ сокрытіемъ отъ цѣлаго свѣта, которой, какъ я была увѣрена, воздалъ бы имъ достойное. Люди, у коихъ и жила, считали себя обязанными Марлову, и изъ

корысти, сколько же какъ и изъ благодарности, въ величайшей сокровенности содержали шайну моего въ домѣ ихъ пребыванія. Они думали, или старались показать, будто какъ думаюшъ, что я была сирота и попеченіямъ Марлова ввѣренная безъ вѣдома дяди его. Три или четыре раза въ недѣлю, Марловъ украдкою пріѣзжалъ со мною видѣться. Такимъ образомъ прошелъ мѣсяцъ, какъ въ одинъ день, будучи у окошка въ передней комнатѣ, увидѣла я Мисприссъ Вильзонъ, пробѣгающую чрезъ деревню. Я скоро опошла, но не съ довольною поспѣшностію, чтобъ избѣжать примѣчанія ея. Тотчасъ она спущала въ дверь со всѣмъ рвеніемъ любопытства. Первыя ея вопросы я свесла довольно хорошо; но когда она съ досадою укорила меня въ томъ, что я повиную

преизрядное ею доставленное мнѣ мѣсто, и въ томъ, что я солгала, сказавъ, будто нахожу себѣ другое, и наконецъ, что я повредила Марлову моею нескромно-стью, не могла уже я болѣе удержа-ться; и вспоминая жестокость, съ какою понуждала она меня къ воспріятію унизи-тельного рабскаго сословія, рѣши-лась полную доставить ей до-саду: дала себѣ весь видъ над-менности, которой я умѣла при-нимать; качалась на моемъ спулѣ, оказывая совершенное равнодушіе ко всему тому, что она говори-ла, и на послѣдокъ сказала ей повелительнымъ видомъ, чтобъ не надоѣдала мнѣ болѣе своимъ болтаньемъ. Она до крайности озлилась, и въ бѣшенствѣ сво-емъ сказала мнѣ начисто, что поступкомъ моимъ съ Марло-вымъ я никакъ была недостойна привязанности, которую онъ ко

мнѣ имѣлъ. — А! а! сказала я ей, забывъ все благоразуміе: и такъ по вашему расчету ему не должно болѣе и видѣть свою жену? — Свою жену? повшорила она презрительнымъ и недовѣрчивымъ голосомъ... Чшобъ увѣришь ее и болѣе взбѣсишь, показала я ей актъ нашего брака. И такъ щеславіе и досада довели меня до того, что жребій мой предала въ руки шакой женщины, копорой чуждо было всякое великодушное чувствіе, и сердце копорой завистью пожиралось. Прозьба, сдѣланная мною при ея выходѣ, сказанное ей хранишь въ шайнѣ, болѣе еще побудила ее пошчасъ объявить оное. На другой день послѣ ея посѣщенія, вижу я, что Марловъ входитъ въ компаншу мою блѣденъ, встревоженъ и едва дышетъ; онъ бро-сился на спуль. Виновная со-вѣсть моя урекала сердцу мо-

ему; подходя къ нему я препенала. Онъ шико опшолкнулъ меня, когда жопѣла я взяшь его руку. Безчеловѣчная и безразсудная жена! сазалъ онъ мнѣ: въ какую ввергаешься пронашь щеславіемъ своимъ и нескромношю! ты себѣ и мнѣ навлекла пагубу. Спыдѣ и угрызеніе налагали оковы на языкъ мой; но ешьлибъ и могла я говорить, никакъ не предприняла бы извинышь себя. Я спала въ уголькомнапы, и проливала испочникъ слезъ. Марловъ, всегда добръ, всегда нѣженъ ко мнѣ, не могъ долбе выдерживать своей досады, вскочилъ съ своего спула, и взявъ меня въ свои обѣдшія: о Фанни! говорилъ онъ мнѣ, ты слубила меня, ты же и любезнѣе мнѣ, нежели когда нибудь!.. Нѣжность его шронула меня гораздо болѣе, какъ бы могли шо сдѣлать всѣ укорманы его.

Слезы и рыданія мои довольно свидѣтельствовали чистосердечное раскаяніе мое.

Всякая надежда со стороны его дяди была разрушена. По извѣстїи о нашемъ бракѣ, которой Миссриссѣ Вильзонѣ, вышедѣ ошѣ меня, побѣжала сообщити ему, старикѣ изорвалѣ завѣщаніе, и сдѣлалѣ другое въ пользу дальняго родственника своего. Услышавѣ сіе происшествіе, я была въ себя, бросилась къ ногамъ моего мужа, умоляла прощеніе его, объясняя припомѣ, что сама себѣ я вѣчно не прощу сего. Онѣ успокоился, дабы не умножашѣ мученія и опечаленія, въ кошоромѣ видѣлѣ меня, и сказалѣ миѣ, что по потерянїи помощи ошѣ дяди, оставалось ему еще прибѣжище къ нѣкошорымѣ друзьямъ его. Мы отправились въ Лондонѣ, и упованіе его не было обманушо. Чрезѣ

хорошкое время по приѣздѣ еѣ, получилъ онъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ. Мужъ мой всегда былъ расположенъ въ удовольствованію всякихъ прихошей моихъ, часто вздорныхъ. Рѣдко бывала я дома, искала только забавы и похвалъ себѣ; прослыла я хорошою женщиною, и съ радостію слушала относящіяся ко мнѣ гущія привѣщанія и ласкашельства. Познакомилась съ одною молодою вдовою, которая подъ наружностію невинности и добродѣтели скрывала развращенное сердце, и которая, услуживая порокамъ другихъ, доставляла себѣ средства собственныя свои удовольствовать; но сполько въ поведеніи своемъ упошребляла искусства, что доброе имя ея не поврежденно сохранялось, и въ домъ ея былъ съѣздъ наилучшихъ обществъ. Поступки ея

правились мужу моему, и онъ одобрялъ наше дружество. Въ собраніяхъ нашихъ я сдѣлалась предметомъ сына одного Пера, кошорой тогда былъ наилучшимъ изъ опличныхъ молодыхъ людей. Онъ объяснялъ мнѣ, что я была неприятнѣйшая изъ всѣхъ когда либо имъ выдаемыхъ женщинъ; послѣ сего объясненія не оставила я помыслишь, что онъ былъ изъ всѣхъ Королевствъ наилучшій человѣкъ. Какъ Лордъ Т* былъ мой спрасный обожатель, то я конечно должна была, да и начинала любить его до дурачества. Но упишились восхищенія мои важными предсавленіями мужа моего, кошорой сказалъ мнѣ, что Лордъ Т* былъ славный, или лучше скажешь, безчестный вершопрахъ, и что ежели я не удалюсь отъ сего человѣка, то должна буду прервать мое знакомство съ мо

лодою вдовой. Рѣшеніе его было жестокое; но какъ онъ во ономъ былъ швердъ, шо я обѣщала въ шомъ согласиться. Обѣщаніе сіе однако же наблюдала шолько въ его присущствіи. Я была тогда беременна, и Марловъ желалъ, чшобъ я сама кормила моего младенца. Сердце мое шполь же сего хотѣло, и я рѣшилась повиноваться. Какъ вдова, узнавъ о моемъ намѣреніи, шушила надо мною, и говорила, чшо весьма досшойно смѣха лишиться всѣхъ удовольствій въ жизни изъ любви къ несмысленному младенцу, кошорой пришомъ гораздо бы лучше былъ вскормленъ въ какойнибудь ближней деревнѣ. Долго прошивилась я предспавленіямъ ея; но она съ шакимъ искусствомъ и съ такою силою изобразила мнѣ все пространшво жершвы, кошорую я въ семъ случаѣ обязывалась сдѣлать, будучи необхо-

димо принужденною опказаться
отъ всѣхъ удовольствій, что
наконецъ убѣдила меня. Я оп-
ывалась, что здоровье мое сли-
шкомъ было слабо для снесенія
шакого безпокойства, и Мар-
ловъ пошчасъ волю свою согла-
силъ съ моею. Часно удивляла
меня его удобопреклонность, съ
какою онъ уступалъ и малѣй-
шимъ моимъ желаніямъ. Малень-
кая моя дочь скоро послѣ ея ро-
жденія была удалена отъ меня;
но когда я, пришедъ въ силы, на-
чала показываться въ свѣтъ, по
смертельно была огорчена, услы-
шавъ, что мой имянишый обо-
жатель для поправленія распро-
шеныхъ его обстоятельствъ при-
нужденъ былъ нѣсколько време-
ни провести въ уединеніи. Еще
около шрехъ лѣтъ продолжала я
ощаиваться удовольствіямъ и раз-
сѣянности; въ печеніе сего вре-
мени произвела я сына, и дочь

моя возвратилась опѣ кормилицы. Весьма часто удивлялась я сама равнодушію и холодноспію своею, съ кою взирала на Марлова и милыхъ дѣшей нашихъ, кошорыхъ онѣ напрошиѣ любилѣ со всѣмъ восхищеніемъ родипельской нѣжности. Увы! щещелавіе тогда все безъ извѣстія занимало сердце мое, и погашало въ ономъ всѣ чувсшва природы; ибо оно раждаетъ въ насъ вниманіе единственно къ себѣ и нечувсшвищельность; оно унижаетъ насъ ниже человѣческа.

Лордъ Т* возвратился тогда изъ уединенія; онѣ клялся мнѣ, что образъ мой всегда присущсшвовалѣ въ его воображеніи, и что я была гораздо прекраснѣе, нежели когда нибудь; а я находила его гораздо милнѣе и обязательнѣе всѣхъ прочихъ мужчинѣ. Мужѣ мой въ разсужденіи сего дѣлалѣ мнѣ опять новыя пред-

спавленія, копорыя иногда пра-
тали меня, но часто опшвергала
я ихъ какъ бы бесполезныя. Въ
самой шочности намѣренія мои
были невинны, и я считала воз-
можнымъ удовольствовашь мое
шщеславіе, не подвергая опасно-
сти доброе имя и благополучіе
мое. Въ сіе время одинъ другъ
Марлова, расположившійся жишь
въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лон-
дона, опасно сдѣлался боленъ, и
прислалъ его просишь повидашь-
ся съ нимъ. Маленькая дочь моя
имѣла лихорадку, кошорая очень
оскорбляла опца съ, и принудила
меня опшашься дома, признаюсь,
что весьма прошивъ желанія мо-
его. Марловъ предъ отъѣздомъ
своимъ, сжимая меня въ своихъ
объятіяхъ, говорилъ мнѣ: любез-
ная моя Фанни! оставаяя себя,
сердце мое наполняешся печаль-
ными предчувствіями. О любез-
ный другъ мой! въ тебѣ поль-

ко и въ милыхъ дѣтяхъ нашихъ все мое блаженство полагаю. Попекися о сихъ любезныхъ швореніяхъ, а наиболѣе (бросивъ на меня нѣжный взоръ) попекися о себѣ самой, дабы я по возвращеніи моемъ могъ съ обычнымъ мнѣ восхищеніемъ обнять тебя!... Слова сіи произносилъ онъ шполь швердымъ и вмѣстѣ нѣжнымъ голосомъ, что сердце мое было шронуно ими, и слезы мои съ проливаемыми имъ соединялись. Въ печеніи двухъ дней усердная прилагала я попеченія о дѣтяхъ моемъ, какъ вдругъ прѣзжаетъ вдова посѣтитъ меня; она увѣряла меня, что я непременно занемогу, шполь себя закупоривши, и что уже и такъ цвѣтъ лица моего сдѣлался блѣдный. Говорила мнѣ о прекрасномъ маскарадѣ, для кошораго Лордъ Т* привезъ ей для обѣихъ насъ два билета; но что она никакъ

шамъ не будетъ, естли я не побду съ нею. Давно уже хотѣлось мнѣ увидѣшь маскерадъ; однако же я прошивилась ея прозьбамъ, но съ лишкомъ слабо, чтобъ удержашь ея ошъ умноженія ея убѣдительностей. Наконецъ я согласилась. Оспавя больное дшя свое попечевіямъ служанки, побжала со вдовою въ лавки и доспала себѣ маскерадное плашье. Лордъ Т* съ нами обѣдалъ, и мы всѣ были въ пріятнѣйшемъ удовольствіи; около полуночи сѣли въ карешу и спиравились въ Гаймаркешѣ. Въ полномъ восхищеніи была я ошъ его вѣжливостей и блестящаго зрѣлица, представляющагося глазамъ моимъ. Въ пять часовъ мы возвращались; вдова взяла носилки, и мнѣ бы надлежало послѣдовать ея примѣру, но Милордъ неосступно просилъ сѣсть въ его карешу, и въ продолженіе

пути начиналъ разговоры, которые меня превозжили, и возбуждали страхъ во мнѣ. Неудовольствіе мое я оказала ему въ выраженіяхъ, сократившихъ дерзость его. Извиненія свои принесъ онъ мнѣ споль поворнымъ видомъ и голосомъ, что я смягчилась, и пріѣхали къ дому вдовы съ шапкимъ же дружелюбіемъ, какъ и выѣзжали изъ онаго. На площадкѣ къ дому было нѣсколько скользя, но Лордъ подалъ мнѣ руку и довелъ до онаго. У порога примѣшила я человека, завернувшася въ епанчу и лице покрыто распущенною шляпою; но какъ никакъ его не замѣчалъ, что и я не сдѣлала большаго вниманія. Мы сѣли ужинашь съ довольною веселосшію и переговаривали объ удовольствіяхъ того вечера. Лордъ Т* предложилъ намъ отдохнувъ нѣсколько часовъ сдѣлать завтра по ушрѣ

прогулку въ его загородной домъ въ Ришемонтъ. Предложеніе его нами принято, и мы разошлись взявъ и б кошорое успокоеніе. Около полудни, вспала я и одѣвалась, какъ Милордъ и вдова вошли въ мою комнашу; почти въ ту же самую минушу приносился ко мнѣ письмо. Боже мой! сказала я вдовѣ, любезная Галькошъ! что со мною будешь, ежели Марловъ возвратился? О! чишай, моя любезная, съ нешерпѣливостію сказала она, а тогда уже мы найдемъ, чемъ извиниться. Я щцашельнѣйше хранила письмо сіе, продолжала Мисшриссъ Марловъ, всегда носила его на груди своей, и на сердцѣ, дабы предохранить оное отъ какого либо новаго дурачештва. Вошъ оно:

„Надмѣру основательны были мои предчувствія; мы разлучены съ шѣмъ, чтобъ никогда бо-

лѣ не видаться. О Фанни, которую я сполько любилъ! какъ ты сама себя поперяла для себя, и какъ для меня навсегда поперяна! для себя пожертвовалъ я богашствомъ и всѣми выгодашми, но жертва сія ничего мнѣ не стоила, увѣренному, какъ я тогда былъ, что всегда бы я нашелъ благополучіе въ жизни, препровождаемой съ тобою. Красота твоя плѣнила меня; но протодушіе твое наиболѣе еще побѣдило сердце мое. Я мнилъ взять подъ кровъ мой любезное дитя невинности и чистосердечія. Должность моя и нѣжная къ тебѣ свлонность заставили меня рѣшиться дать тебѣ въ ономъ опѣреніи судьбы убѣжище. Возможно тебѣ было замѣшишь, сколько испытывалъ я грусти и прискорбія при малѣйшемъ поврежденіи твоего здоровья. То, чего спрашился я

тогда, было бы для меня почти несчастливымъ приключеніемъ въ сравненіи удручающаго меня теперь нещасія; ибо признаюсь тебѣ, Фанни, что сто кратъ охотнѣе бы желалъ тебя видѣть въ челюстяхъ смерти, нежели въ рукахъ безчестія.

„Возвращаясь отъ друга моего, осыпанный печальнымъ зрѣлищемъ, встрѣтившимъ меня тамъ по случаю смерти, которой я свидѣтелемъ былъ, поддерживалъ себѣ надеждою утѣшенія, какое бы могъ я обрѣсти подлѣ моей Фанни. Боже мой! какое ужасное чувство объяло меня, когда я нашелъ бѣдное, почти умирающее дитя свое, брошенное матерію и наемницею, попеченіямъ которой оно ею было предоставлено. Я навѣдывался, и жестокая справедливость пришла осаждать душу мою. Однако же послѣ первыхъ движеній гнѣва

моего , возчувствовалъ я , что гораздо яснѣйшія доказательства потребны мнѣ были , дабы рѣшишь-ся разлучить себя съ тобою. Увы ! не трудно мнѣ было получить ихъ. Въ безразсудномъ швоемъ пуши преслѣдовалъ я себя до шѣхъ поръ , какъ увидѣлъ себя почти въ рукахъ гнуснаго Лорда Т* въ домѣ развращенной плюшовки , покровительствующей удовольствію его. Ты удивишь-ся можешъ бышь , что я себя изъ рукъ его не вырвалъ ; безъ сомнѣ-нія не удержался бы я отъ шого , еснълибъ средство сіе могло возвра-щитьшь тебя ко мнѣ со всею швоею невинношюю ; но уже шо было поздно. И шакъ я возвра-тился къ бѣднымъ дѣшямъ мо-имъ , отнынѣ лишеннымъ ма-тери ; я плакалъ надъ ними со всею горестію нѣжнаго и безчело-вѣчно обманушаго сердца.

„Прежде нежели сдѣлаю тебѣ послѣднее и вѣчное прощаніе, желалъ бы я, ещѣли по возможно, увѣришь тебя, что гласъ совѣсти никогда не заглушается; что незаконная любовь всегда преслѣдуется угрызеніями и обманывается въ глупыхъ упованіяхъ своихъ; что время и лѣта ослабляютъ раждаемая оною пріятели, и она совсѣмъ исчезаетъ въ груди того, кошорый привлекаемъ былъ только внѣшними и переходящими прелестями. Когда постигнешъ себя сія минуша осшавленія, тогда-шо вспомнишь можешъ быть о Марловѣ. Такъ, Фанни, я увѣряю себя, что когда ошъ горесныхъ заботъ поблекнушъ розы на щекахъ твоихъ, когда ошъ опчанія ослабѣешъ духъ твой: тогда помыслишь о томъ, кошорого вѣжностъ къ тебѣ пережила бы время и несчастіе, и

доставляла бы тебѣ поддержку въ
тягостномъ пути жизни.

„Остановишь себя во всемъ
спрежленіи порока, ешь благо-
родное усиліе и почти собесѣдую-
щее добродѣтели. Да возможешь
ты быть къ оному способна, и
доставишь радость благости Не-
бесъ, кошорую, говоряшъ намъ,
имѣюшъ они о раскаяніи грѣш-
ника! Дабы нужда не сдѣлала
для тебя усиліе сіе еще гораздо
труднѣйшимъ, доставляю тебѣ
все то, что могу опянь отъ
имѣнія дѣшей моихъ. О надѣ-
ру любезная виновница! вспомни
правила, въ каковыхъ воспитали
юность твою; укори шѣхъ, кои
смертнымъ спомъ избавляющся
отъ пролипія горькихъ и уже
позднихъ слезъ, надъ тобою со-
единяя ихъ съ моими. Въ уеди-
неніи, куда я удаляюсь, не пре-
спану о тебѣ возсылашь мольбы
къ Небу; и когда дѣши мои на-

чнущъ къ Богу воздѣвашъ невинныя ручонки свои, научу ихъ умоляшь благосшь Ею о милосердіи къ виновнымъ смершнымъ, не давая имъ знать о заблужденіяхъ швоихъ. Ахъ! да избавяшся они навсегда шого, чшобъ краснѣшь опъ погрѣшносшей машери своей! Искренносшь швоего раскаяніа да возможешъ возвращишь нѣкошорое успокоеніе душѣ швоей, и да позволишь шебѣ находишь еще нѣкую сладосшь вѣ жизни: благо, кошораго думаю шы уже лишилась, дабы могла еще сѣ нѣкошорою бодросшию сносишь бремя сущесшвованіа! Воспоминаніе о тебѣ навсегда пребудешъ вѣ памяши моей, какъ о шакон особѣ, кошораа была нѣкогда шо, что я имѣлъ наидражайшаго вѣ свѣтѣ.

Марловъ. „

Оканчивая чшеніе сего письма, я упала безъ чувсшва. Ми-

Часть II.

I

сприссѣ Галькошѣ и Лордѣ Т*, дабы удовольствовашь любопытство ихѣ, воспользовались сею минушою прочешь его. Пришедѣ въ себя, я находилась между ими. Вы видите, любезный Ангелѣ мой, сказалѣ мнѣ Лордѣ, что безчеловѣчный вашѣ мужѣ оставляетѣ васѣ; но не опчаявайтесь : у меня вы найдете гораздо пріятнѣе убѣжище, нежели шо, кошорое бы онѣ могѣ вамѣ доспавить. — Милордѣ справедливо говоритѣ, сказала Мисприссѣ Галькошѣ, и вы имѣете причину радовашься свободѣ, кошорую вамѣ оставляетѣ Марловѣ.

Не буду повтѣрять всего шого, что говорила я имѣ въ опчаяніи моемѣ; укоряла ихѣ обоихѣ бышь содѣшелями сшыда и бѣдшвія моего; и шогда, какѣ съ негодованіемѣ опшпалкивала Лорда Т*, сповнаго предомною на колѣняхѣ, говорила М-

сприсябъ Галькошъ, что она не имѣла ни чувствъ ни нѣжности; но обращаемыя мною къ нимъ жесточайшія и справедливейшія укоризны не облегчали тягости, удручающей сердце мое. Совѣсть моя гораздо сильнѣе вопіяла, что я сама была соорудительницею совѣшеннаго моего бѣдствія; я уподоблялась человеку, выходящему изъ тягостнаго и ужаснаго сновидѣнія, и къ кошорому еще не совсѣмъ возвратилось употребленіе чувствъ его; и по мѣрѣ, какъ приближались къ разсудку моему помысленія о чести и добродѣтели, я съ большею горестію оплакивала заблужденія, меня отъ нихъ удалившія. Въ семъ состояніи, единая мысль, единое желаніе мое было, чтобъ примириться съ моимъ мужемъ, и единое блаженство, къ кошорому съ того часа стремишься я хотѣла. Съ ско-

росшію вскочила я, и не успѣла достигнуть двери, какъ слезы стѣснили духъ мой; ибо пришло мнѣ въ мысль, что уже безъ сомнѣнія онъ былъ далеко отъ меня. Мерзкіе поварищи мои пробовали утѣшить горькую мою, дѣлая мнѣ предложенія, по которымъ ясно увидѣла я, что признавалась ими за шоль развращенную женщину, каковою полагалъ меня бѣдный Марловъ. Я слушала ихъ съ презрительнымъ молчаніемъ, и нѣсколько времени не способна была приподняться и что либо предпринять, до шѣхъ поръ, какъ слуга пришелъ меня уведомить, что вѣрно вижу меня спрашиваетъ. Представилась мнѣ мысль, что можетъ быть это былъ самъ мужъ мой, и я полетѣла; но нашла только одного изъ вѣрныхъ его друзей. При возрѣніи на него печаль моя была чрезмѣрна. Я

спрашивала его, не знаешь ли онъ, гдѣ Марловъ? Онъ увѣрялъ меня, что ему совершенно по было не извѣстно; увѣдомилъ меня, что онъ сего утра получилъ отъ него письмо, въ кошоромъ сообщаетъ ему о разлученіи нашемъ и о причинѣ, побудившей его принятьшя такія мѣры. Заключалось также въ письмѣ томъ, что отдаетъ мнѣ маленькое свое имущество, доставшееся ему отъ отца его, и банкнотный билетъ на сто фунтовъ стерлинговъ. Другъ моего мужа сказалъ мнѣ также, что у него были всѣ плашья мои, и что Марловъ расплашился на кварширъ, гдѣ мы спояли. Немногого мнѣ спюило шруда увѣришь сего честнаго человѣка о моей невинности, и отдашь себя подъ его покровительство; упростила его проводишь меня въ отдаленную часть города, гдѣ наняла для себя ма-

ленькой уголокъ. Онъ обѣщалъ мнѣ всевозможныя упохребишь спаранія къ ошкрынію пребыванія мужа моего; но всѣ его къ шому усилія были бесполезны. Время заспавляло меня шеряшь всякую надежду къ возвращенію его, не ослабляя однако же сильнаго моего къ шому желанія. Здоровье мое поспѣшало къ разрушенію спремилось; совѣшова-ли мнѣ перемѣнитъ воздухъ. Ошправилаь я вѣ Брисполь; шамъ имѣла щасшіе ошановишья вѣ одномъ домѣ сѣ нѣкошорою пожилою Ирландскою Госпожею. Крошкія и благосклонныя пошупки оной пріобрѣли мою довѣренность, и поощрили меня разсказать ей печальную мою испорію, вѣ чашии возбудишь состраданіе ея. Она шакже великія имѣла печали; но какъ горести ея были изъ числа шѣхъ, кои влекушья превращаюшю щасшія, а не соб-

спвеннымъ своимъ неблаго-
разуміемъ и погрѣшностями ,
шо она сносила ихъ съ бодро-
стію и безъ мученія , происходя-
щаго ошъ прешерпѣваемыхъ мною.
Ошѣздъ ея приближался , и я
съ жесткою скорбію взирала на
мою съ нею разлуку ; она разсѣ-
яла оную , сдѣлавъ мнѣ предложе-
ніе жишь съ нею. Восемь лѣтъ
прошло съ тѣхъ поръ , какъ я
лишилась мужа своего , и обрѣ-
сти его не имѣла уже болѣе ни-
какого вѣрнаго упованія , кошо-
рое бы могло понудить меня
пренебречь предлагаемая мнѣ
выгодности. Передъ ошѣздомъ
писала я ко многимъ его друзь-
ямъ , дабы увѣдомишь ихъ о
принятомъ мною намѣреніи , и о
мѣстѣ , куда бы они могли до-
спавлять ко мнѣ какія нибудь
извѣстія о Марловѣ , ещѣли бы
шолько удалось имъ получишь
ихъ. Пять лѣтъ препроводила я

подлѣ сего почтеннаго друга, и имѣла удовольствіе мыслишь, что я ушѣшала послѣдніе дни ея. Домъ сей съ принадлежащею къ нему землею, и чешыреста фунтовъ стерлинговъ, составляли все ея богатство, которое она мнѣ по духовной оставила, не имѣя никого изъ ближнихъ родственниковъ, которой бы имѣлъ какое либо право на оное:

Разсказанныя мною происшедшія служашъ подтвержденіемъ въ которыхъ нравоучительныхъ правилъ, что необходимо нужно не перяшь никогда изъ виду: первое, что безъ богобоязненнаго уваженія къ приличному наславленію во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, мы не можемъ жизнь нашу учинишь щасливою; второе, что поведеніе наше въ молодыхъ лѣтахъ приуготовляешъ и даешъ намъ въ старости благополучіе и ушѣщеніе, или бѣдствія и

угрызенія. Ежели бы внимала я симъ урокамъ, преподаваемымъ мудросшію и опытами, избѣгнула бы погрѣшностей, неблагоприятіемъ моимъ содѣланныхъ, и блаженствомъ моимъ не пожертвовала бы пущому щеславію; вмѣсто того, чѣмъ бышь изгнаннымъ существомъ въ свѣтѣ, видѣла бы въ уголкѣ супруга, коему опдала сердце мое, и дѣшей, а можешъ бышь еще и внучашъ, вокругъ меня играющихъ. Но лишеніе многаго и спрдація наше сушь пошлина, которою долженствуемъ мы глупосши. Напрасно въ извиненіе предспавляюшъ слабосъ человѣческую, силу примба, свѣтскія обольщенія, искушенія, говоряшъ намъ, весьма могущественныя надъ добродѣшелію, кошорая хочешъ и не можешъ имъ прошивишься. Пущое оправданіе! Нѣшъ шакого искушенія, кошораго бы мы не могли

избѣгнушь, или воспролившись
оному, и всегда наша собствен-
ная вина, ежели не находимъ или
не предпринимаемъ средствъ къ
тому; наша вина, естли не
убѣгаемъ съшею, порокомъ и безу-
міемъ спезямъ нашимъ посла-
ваемыхъ. Скорби сердца и
обмануныя надежды сушь удѣлъ
человѣчества; и когда оныя не
есть дѣйствіе неблагоразумія на-
шего, но надлежитъ, признавая
ихъ за полезныя испытанія, ко-
имъ Небо подвергаетъ насъ, дабы
исправитъ и лучшими учинитъ
насъ, сносишь съ терпѣніемъ и
веселостию... Когда пересѣла она
говоритъ, глубокій вздохъ выле-
тѣлъ у Оскара, и нѣсколько слезъ
омочили щеки Аделии. Я, какъ
какъ старуха, сказала имъ: Мис-
сриссъ Марловъ составила вамъ
длинную и скучную исторію; но
полагаюсь на ваше снисхожденіе
и дружбу.

Г Л А В А 3.

Ночь наступала, и Аделія собиралась ъхашь, пошчасъ какъ пріятельница ея окончила свое повѣствованіе. Мисприссѣ Марловѣ осшерегалась ея удержи-вашь, хошя взоры Оскара каза-лось просили ея упошребишь къ шому сшараніе. Время было па-смурно и дождливо, чшо воспре-пашствовало Мисприссѣ Марловѣ проводить Аделію до ея карешы. Оскарѣ взялъ зоншикъ изъ рукъ лакея, и послалъ его приказашь ближе подвезши карешу и поддер-жашь опворенную калишку. Оскарѣ! сказала Мисприссѣ Мар-ловѣ, не желая даже сего краш-каго на единѣ ему сѣ. Аделіей пребыванія досшавишь, — госшожя Бельгравѣ избавишь васѣ ошѣ сей вѣжливосши; ваше здоровье ше-перь не шаково, чшобѣ вамѣ воз-можно было подверганься сшоль

вуровому времени. Аделія при-
соединяла свои предсшавленія къ
чинимымъ Мисприсою Марловъ,
но весьма слабымъ голосомъ и
пресѣкающимися словами. Оскаръ
подавъ ей руку, на кошорую
она облокошилась. Онъ чувшво-
валъ, что она дрожала; ужасное
прецешаніе я его объяло. Нико-
гда можешъ бышь Аделія и онъ
самъ не испышывали споль же-
спокаго мученія. Аделія, полага-
гая, что надлежало говоришь съ
нимъ, дабы молчаніе ея не пока-
залось ему чрезмѣрно великимъ
смущеніемъ, сказала ему: боюсь,
чтобъ ошъ оказываемыхъ вами
мнѣ услугъ не поспрадало ваше
здоровье. Онъ покушался ошвѣ-
чашъ, что здоровье его уже по-
лучило вредъ жесточе сего, но
удержался, а доволенъ былъ
сказавъ, что онъ бы весьма жу-
дой былъ солдашъ, ешъли бы я
много вѣшра не могъ снесши.

При свѣшѣ карешныхъ фонарей примѣшилъ онъ, что щеки Аделии омочены были слезами. Тревожась спрахомъ, чтобъ не показашь своего движенія, она спѣшила сбѣсшь въ карешу; но прежде нежели оставила руку Оскара, на одну минушу облокошилась на оную свою, какъ бы изобразишь пѣмъ свое прощаніе, кошорато языкъ не дерзалъ произнесшь. Кареша побѣжала, а Оскаръ въ неизбяснимомъ уныніи пребывалъ неподвиженъ на помѣ мѣстѣ, гдѣ она его оставила, до пѣхъ поръ, какъ изъ сего положенія извлеченъ былъ голосомъ Миссриссы Марловъ, кошорая, испугавшись его опсущствія, шла сама искашь его. Успокоясь нѣжными ея попеченіями, онъ вошелъ въ покой; но вновь превозжило его негодование на вѣроломнаго В. льграву, предавалъ его тысячи проклятіямъ, не шокмо

какъ содѣшеля нещастія его, но какъ шакого, которой соорудилъ оное для шворенія, посшавляемаго имъ гораздо дороже самого себя: для прелесшной Аделіи.

Мисшриссѣ Марловѣ всячески спаралась успокоить и ушѣмишь его, и наконецъ до шого досшигла, что ослабила нѣсколько жестшовосшь движеній его. Она соглашалась съ нимъ, что сдѣланная имъ пошеря надмѣру велика; но предшавляла ему, что какъ уронъ сей былъ невозвращимый, то разсудокъ и добродѣшель повелѣвали ему побѣждашь печаль свою, скрывать ее, и опшныѣ у бѣгашь свиданія съ Аделіей. Онъ признавалъ справедливосшь сихъ примѣчаній, и шоржешшвенно обѣщавъ согласоваться съ ними. Дружба сей превосходной женщины была цѣлительный бальзамъ, изливаемый на раны сердца Оскарова; и ее со-

общество было единое удовольствіе, которое вкушашъ онъ находилъ себя удобнымъ. Онъ бывалъ у нее всякой разъ, какъ только могъ ошлучашься ошъ своей кварширы, и часто проводилъ шущъ при и чешыре дни сряду. Прервавъ посѣщенія свои въ дома, сосѣдственныя Вод-Лавна, убѣгалъ всѣхъ случаевъ увидѣшь Аделію. Однако же въ прекрасныя зимнія ночи не рѣдко ошавлялъ каминъ Мисприссы Марловъ, дабы обѣжашъ берега озера, и познашь шамъ уединенныя убѣжища, гдѣ они съ Аделіей шолько сладчайшихъ часовъ пре-проводили. Тамъ предавался онъ всему излишесству своей печали, и вкушалъ въ чувствіи добродѣ-шельнаго уныніа удовольствіе, котораго бы онъ не промѣнялъ ни на какія въ жизни услажденія.

Часто доходилъ онъ до шой часши лѣса, ошкуда видна была

комната Адели; и когда щасливый случай доставлялъ ему увидѣшь ее въ семъ отдаленіи, тогда ощущалъ онъ сладчайшія чувствія, возсылалъ къ небу усердныя мольбы о благополучіи сего дражайшаго предмета нѣжности его, и возвращался къ Миссрис-сѣ Марловъ съ облегченнымъ сердцемъ. Она, какъ нѣжный другъ, льстила, что молодость Оскара и природная его веселость мало по малу уменьшалъ привязанность, кою надежда не подавала болѣе пищи; но молодой человекъ изнемогалъ, и живости его заснуло мѣсто мрачное опечаленіе. Свѣденіе, полученное имъ о расположеніи къ нему Генерала и Адели, увеличивало прискорбіе его; помышляя о великодушій отца и о нѣжности дочери, приуговорявшихъ ему величайшее блаженство, какого бы онъ только для себя поже-

даже могъ, лишился всей своей бодрости. Безпрерывно оспанавливая мысль свою на томъ блазѣ, коимъ бы онъ могъ наслаждаться, и теряя вкусъ ко всѣмъ тѣмъ, кои оспавались для него; печаль его, вмѣсто того, чшобъ умаляясь временемъ, возрастала съ онымъ. Тяжелъ всего казалось ему, при встрѣчѣ съ Бельгравомъ преодолевать чувства ужаса и гнѣва, ощущаемаго имъ; однако достигалъ того не только воспоминаніемъ даннаго имъ обѣщанія Мисприссъ Марловъ, но и для того, что еще драгоценнѣе для него было: для спокойствія и чести Аделіи. Онъ обращался съ нимъ образомъ весьма хладной учтивости, и не подавалъ ему ни малѣйшаго знака почтенія и уваженія.

Нешасная Аделія съ своей стороны пожираема была скрытаемою ею печалію. Свиданіе ея

съ Оскаромъ довершило потерю ея спокойствія. Блѣдный и измѣнявшійся образъ молодаго человѣка преслѣдовалъ ея воображеніе; напрасно она въ письмѣ, писанномъ ошъ него къ Бельграву, искала причинъ къ удаленію онаго ошъ мысли своей. Соспранданіе ея къ нему гораздо превосходило негодованіе, и она говорила сама себѣ, что не взирая ни на что, въ прошомъ дружествѣ Оскара нашла бы она болѣе пріятности, нежели въ любви кого либо другаго. Она размышляла, что послѣднимъ рѣшеніемъ своимъ послѣ вдохновенной ей злощастнымъ письмомъ досады, на бѣдслвенную жизнь она сама собою осуждена. Бельгравъ былъ такой человѣкъ, къ копорому прилѣжное разсмотрѣніе и дѣйствіе обычныхъ ей чувствій никогда бы не обратили вниманія ея. Онъ не употреблялъ уже съ

нею шѣхъ вѣжныхъ поступокъ , кошорыя онъ предспавлялъ шогда шолько , когда ему оныя нужны были къ доспженію предпологаемой имъ себѣ цѣли. До такой спешени онъ былъ нечувспвишеленъ и развращенъ , что добродѣтели Аделіи не возбуждали въ немъ никакого къ ней уваженія , и возчувспвуемая имъ любовь , ешья можно желаніе наслажденія назвашь симъ именемъ , почти шощасъ послѣ брака угасла. Какъ Генераль большую часть богашспва держалъ въ своихъ рукахъ , шо Полковникъ въ поступкахъ съ Аделіей наблюдалъ остшорожность ; до невольникъ спраспей своихъ , и обуздывашь ихъ неспособный , Бельгравъ забывалъ иногда предписанныя имъ себѣ правила благоразумія , и забавлялся , оскорбляя Аделію язвительными насмѣшками надъ ея привязанносшію къ Оскару. Хошя

до глубины пронушая, никогда она не жаловалась, что сама себя сковала она цѣпи свои, и такъ осудила себя носить ихъ безъ роптанія. Бѣдный Генералъ не былъ проницашеленъ, и видя ее по наружности спокойну, почиталъ любезную Аделію свою совершенно щасливою; но не шакво было мнѣніе всѣхъ пріѣзжающихъ на посѣщеніе въ Вод-Лавнѣ. Здоровый румянецъ не оживлялъ болае щекъ Аделіи, и глаза ея не имѣли уже прежде находящагося въ нихъ блеска.

Полковникъ не бѣдилъ иначе въ Энискелленѣ, какъ шолько подѣламъ полку своего; но часшолеталъ въ столицу и въ другія части Государства для сысканія себя удовольствія. Аделія нѣсколько облегчалась ошсущствіемъ его, а Генералъ, доволенъ шѣмъ, что не ошымали у него дочь, не досадовалъ за шо. При-

ближалось время отбытія полку на другія кварширы. Аделія не видала Оскара съ шѣхъ паръ, какъ вспрѣшилась съ нимъ у Миссриссы Марловъ. Она убѣгала присущсшвовашь при обзорѣ няхъ полку, предшесшвующихъ его выспуленію, и искренно желала, чшобъ никакой случай зрѣнію ея не предспавлялъ Оскара; онъ же не могъ помыслишь, чшобъ удалишья, не видавъ ее. Извѣстно ему было чшо она съ Полковникомъ не поѣдешъ. Всѣмъ Офицерамъ надлежало бхашь прощашься въ Вод-Лавнъ; не могъ онъ вопрошивишья желанію своему сошоварищесшвовашь имъ. Въ залѣ были они приняпы Аделією и Генераломъ; Аделія при появленіи Оскара запрепешала; но скоро упокоилась и вспупила въ разговоры. Генералъ убѣждалъ Офицеровъ остапъся обѣдашь; но они извинялись, пред-

сшавляя, что еще надлежало имъ сдѣлать многія посѣщенія. Любезный Физзаланъ! сказалъ Генералъ, кошораго гнѣвъ давно уже миновался: желаю вамъ всякихъ благополучій и успѣховъ; я надѣюсь, что вы не замедлите бытъ начальникомъ роты. Вспомните тогда, что я вамъ оное предсказывалъ; я старой солдатъ, и очень бы мнѣ досадо было всшупить на послѣднюю мою траншею, не оставивъ въ благополучіи друзей моихъ. Родитель вашъ былъ весьма храброй человекъ, и повышение ваше есть возмездіе его заслугамъ. Оскаръ пожалъ руку Генерала, и обратился наполненные слезъ глаза на Аделию; она опустила свои и вздохнула. Будущее увѣрены, милосливый государь, сказалъ Оскаръ, что благодарность, вдохновенная вашими милостями, есть наибивѣйшая, каковую только возможно чув-

спововашь , и что никакія желанія не могутъ бышь искренне возсылаемыхъ мною о благополучіи обитателей Вод-Лавна. Весьма несбыточные желанія, проворчала Аделія , для меня по крайности, благополучіе кошорой навсегда убѣжало.

Легко можно счешь желаніе Генерала къ Оскару обыкновеннымъ привѣтствіемъ, ешьли бы оно не было сопровождаемо настоящими доказательствами; но сей честной человекъ, спранно благошворительный, ш о ш ч а с ъ послѣ свадьбы дочери своей объявилъ Полковнику, что имѣлъ намереніе шысячу фунтовъ шерлинговъ дать Оскару на вспомошествованіе повышенію его. Бельгравъ не могъ снести, чтобъ человекъ, кошорому онъ споль безчеловѣчно повредилъ, достигъ нѣкогда до равной ему степени. Ошвращалъ Гонецъ - Вода отъ

великодушнаго сего намѣренія, сказавъ ему, что Лордъ Шербюри покровительствуетъ Оскара, и что милости Генерала гораздо бы лучше могли быть употреблены для какогонибудь достойнаго и безпомощнаго Офицера. Генералъ остановился, объясняя при томъ, что онъ никогда не встрѣчалъ въ нуждѣ хорошаго Офицера безъ того, чтобы не слѣзшишь ему на помощь.

Оскаръ изпросилъ у Миссис Марловъ позволеніе писаться къ ней, дабы имѣть, записываясь говорилъ онъ, какоенибудь извѣстіе о здоровьѣ жишелей Вуд - Лавна.

Расположась въ Дублинѣ, гдѣ мы видѣли его найденнымъ опцомъ и сестрою его, положеніе души его пребывало одинаково. Горести крушили его и здоровье ослабѣвало. Не могъ онъ дославить себѣ опраду, вбрызвъ имѣ

мученія свои, кошорыя скривавъ онъ закономъ себѣ поставилъ. И такъ собиралъ онъ на сердце всѣ скорби свои, равно какъ скупой, умножающій сокровище свое, опасаясь и убѣгая подозрительнаго ока. Увы! еспльибъ тогда, какъ прижималъ онъ къ груди своей любезную сестру свою, могъ онъ вообразить, что она была предмелпомъ поносной спраши Бельграва: шо не удобяо бы ему было негодование свое содержать въ предяисанныхъ себѣ предѣлахъ; чудовище сіе за двойное злодѣяніе было бы имъ на край свѣща преслѣдуемо.

Г Л А В А 4.

Замокъ Карбери, куда пріѣхали наши путешественники, была ужасная громада, соспроен-

Часть II. Л

ная въ грубыя времена, когда въ подобныхъ зданіяхъ изображали болѣе силы и прочности, нежели изрядства и вкуса. При первомъ возрѣніи на оной, признавалось разореніе войны и времени. Стѣны обвалились, и верхушки башенъ покрышы мохомъ и дикими расшеніями; расположение его было на высотѣ, состоявляемой изъ каменистыхъ горъ, лежащихъ къ морю, и имѣющихъ пріямной видъ съ прошивной стороны Шотландіи. Признавались слѣды древнихъ укрѣпленій, ровъ съ оспашками подземнаго моста, и выкопанный въ крушомъ каменистомъ берегу колодезь, давно уже изсохшій. Не далеко отъ замка возвышалась гора, покрытая деревьями, съ верхомъ онаго равняющимися, на кошорой видимы были оспашки храма Друидовъ. Съ другой стороны простиралась

большая и прекрасная долина, украшенная лѣсами и прелестнымъ изъ горы изпекающимъ испочникомъ, копорой съ журчаніемъ извивался по камушкамъ.

Послѣ пріятнаго пуши, въ вечеру на четвертый день путешестввенники наши прибыли въ Карбери. Старый человекъ и старая женщина, состоящая спражамъ замка, о ихъ пріѣздѣ были заранѣе увѣдомлены, и по приближеніи коляски пришли ошворить оный и встрѣпишь ихъ. Почти уже ночь была, и предмешы едва различались. Аминшу объялъ нѣкій богобоязненный ужасъ при видѣ сего великаго зданія, въ копоромъ шемноша, ему свойственная, приближеніемъ ночи еще умножалась. Уединеніе, молчаніе, глухой шумъ волнъ, о подошву горы ударяющихся, прибавляли ей унынія; но уныніе сіе нѣкопорыя

пріятности имѣло. Тутъ прісѣднчалось еще нѣсколько того изспушенія, кошорое нѣжныя и чувствительныя души ощущающъ при видѣ почтенныхъ оспашковъ монументовъ величія и исторія праощевъ нашихъ. Вошедъ въ проспранную залу, обилшую панелями старинной дубовой рѣзбы, въ колпорой были развѣшены набедренники, шпыки, копья, и всякаго рода шпунки древняго орудія, она обрашила мысль свою на тѣ прѣшедшія времена, когда въ самой сей залѣ можешъ быть Барды воспѣвали подвиги героевъ, коихъ орудія тушъ зрѣлись сохраняемыя для повѣсти, соспавляемой ея воображеніемъ. Она желала бы имѣть подлѣ себя какого нибудь древняго Барда, кошорой бы рассказалъ ей о храбросяхъ шарыхъ временъ, о великихъ дѣйствіяхъ славныхъ Королей госу-

дарства нашего, и Военачальниковъ, уже болѣе не существующихъ. Въ нѣношорыхъ успункахъ также видимы были изображенія нѣкихъ начальствовавшихъ Клановъ, по природѣ великихъ, да еще и грубо изъ дерева изваянныхъ. Ихъ воинскій видъ усматривалъ Елену. Боже мой! сказала она, за чѣмъ здѣсь сіи гнусныя фигуры? развѣ за шѣмъ, чшобъ добрыхъ людей пугашь, и заспавляшъ думашъ, будно они хошашъ выгнашъ изъ дома?

Попомъ вошли они въ приемную комнашу, по спаринному убранную, и нашли шущъ довольно хорожій ужинъ. Удрученные успалостію, сѣбъши по немногу, разошлись по своимъ комнашамъ. На другой день поушру, скоро послѣ завпрака, Аминша съ помощію Елены и старой женщины занималась прибираніемъ комнашъ. Внутренность

оныхъ соопвѣствоввала странной наружности: круглыя лѣшницы, различныя галлерей, древнія обои, изображающія сраженія, въ коихъ опличались владѣтели Карбери; поршрешы ихъ, равно какъ и ихъ супругъ, наполняли длинную галлерей, въ кошорую узкія оны впускали шокмо мрачный свѣшъ, не досшавляющій изображеніямъ яснаго вида. Въ концѣ галлерей находилась одна комнаша, сосшавленная изъ одной шѣхъ башенъ, кои на обѣихъ шпоронахъ замка находились. Комнаша была осмиугольная, и имѣла видъ на поля и моря, окружающія оную; украшенія ея были не шолько новѣшшія, но и весьма хорошаго вкуса, что возбудило вниманіе и распросы Амишшы. Старая женщина сказывала ей, что комнаша сія служила уборнымъ кабинетомъ покойной Графинѣ Шер-

бюри прежде и послѣ брака ея. Госпожа сія, продолжала она, была наилучшая и любезнѣйшая изъ всѣхъ знаемыхъ мною. Увы! послѣ ея смерти замокъ пустѣ сдѣлался. Услышавъ печальную вѣсть сію, я думала, что сердце мое разорвешся. Какъ шеперь помню передъ тѣмъ слышанные мною ужасные крики вѣщуньи. Что это такое? прервала Аминша; какая это вѣщунья?

Какъ! Миссѣ, сказала старая женщина, развѣ вы не знаете, что это маленькая баба, не болѣе какъ въ полшора фуша вышины, кошорая носишъ синюю юбку, красную епанечку, голова плашкомъ перевязана; и передъ смертью начальника семейства, а особливо знашной фамиліи, всегда кто нибудь изъ старыхъ служилелей слышишъ ея крикъ и вопль. Сохрани насъ Боже! сказала Блень; да я надѣюсь, что

Милордъ во время нашего здѣсь пребыванія не вздумаетъ умереть, а шо и я бы послушала Пенмаемаврскихъ горъ колдунью. Продолжайте, сказала Аминша старой женщинѣ. Ну, сударыня, опять начала она: услышала я, какъ уже вамъ сказывала, ужасной крикъ ея. Жонашанъ! говорила я своему мужу, увбренная, что мы получимъ какія нибудь худыя вбсши о Милордѣ, или о Милади; а шо и сбылось: сбшхъ поръ мы никого изъ фамилии здѣсь не видимъ. Видали ль вы когда молодого Лорда? спросила Аминша, невольно произнеся слова сіи. — Видѣла, сказала она, шолько еще шогда, какъ онъ былъ восьми лѣшъ. Да вошъ надъ каминомъ поршрешъ его, одного изъ лучшихъ Аглинскихъ живописцевъ. Милади заспавляла списашъ оной, и привезла сюда. Хошбли вмбстѣ изобразить и

свойство и видъ его. Глаза Аминшы съ поспѣшностію обратились на портретъ, и она чаяла находить въ ономъ сходство. Казалось, что живописецъ желалъ въ видѣ дѣляши начертать нѣжное состраданіе; оный представленъ дающимъ у груди своей убѣжище прѣпещущему голубю, преслѣдуемому жестокимъ ястребомъ. О Моршмеръ! сказала сама себѣ Аминша: съ справедливостію изображено шуть благошворительное и чувствительное свойство швое; ибо благополучіе свое пошавляшь спашешь въ вспомошествованіи слабости и бѣдствію, и въ защищеніи оныхъ отъ угнетенія. Ощецъ ея желалъ, чшобъ она выбрала для себя комнату, кошорую найдешъ пріятнѣе. Топчасъ рѣшилась на сію, кошорая была шакже спальнею Графини Шербюри. Туда принесли чемоданъ ея, книги,

Часть II. М

руководбля, карзндаши, и все было разспавлено на столикахъ и въ шкафахъ наклееныхъ. Будучи довольна своимъ распоряженіемъ, привела въ свою комнашу ошца, чшобъ показашъ ему оное. Физзаланъ весьма радъ былъ, видя, что она успоковивается и даетъ себъ разсбъніе; комнашу ея онъ наименовалъ ш е р е м ъ Аминшы. Вскодили они вмѣстѣ на земляной валъ замка, и восхищались красошою вида. Въ разспояніи нѣсколькихъ миль видимо было превеликое зданіе, разположенное прошиву сшараго дубоваго лѣса. Физзаланъ разсказывалъ дочери своей, что мѣсто сіе было Ульсперъ - Лоджъ, принадлежащее Маркизу Рослину, Шотландскому и Ирландскому Перу, и кошорой въ послѣднемъ изъ сихъ Княжествъ имѣлъ великія владѣнія; что всякіе при или чешыре года Маркизъ прѣбжалъ препровожд-

дать шумъ нѣсколько времени, но что никогда не сопровождала его сюда ни Маркиза, ни Леди Евфразія Сушерландъ, единородная дочь ихъ.

Фишзаланъ и Аминша скоро распорядили планъ жизни своей въ Карбери - Каслѣ: приняли во услуженіе молодаго слугу и дѣвку молодую. Жонапанъ и жена его были только какъ блюстители порядка, а Елена привержена ко услугамъ Аминшы. Фишзаланъ началъ вкушать нѣкоторое блаженство, размышляя, что онъ наслаждался образомъ независимой жизни, и что онъ былъ на пути сдѣлать какой либо запасъ въ успроенію участи дѣшей своихъ. Аминша послѣ первой печали о разлукѣ съ Моршимеромъ воспріяла нѣкоторую веселость. Обманчивыя надежды снова помѣшались въ ея воображеніи; тайное вкушала она удовольствіе

жишь въ шомъ домъ , въ кошоромъ обихалъ нѣкогда Моршимеръ ; она льстила себя , что дружество , связующее ихъ родителей , доставишь ей иногда ушѣщеніе имѣть извѣстіе о немъ ; а по своему поспоянству судила о Моршимеровомъ , и полагала , что онъ не забудетъ ее . Весьма признавала она справедливыми и нѣжными причины , побудившія Фишзалана удалить ее отъ Моршимера ; но въ то же самое время увѣряла себя , что ежели бы Лордъ Моршимеръ объявилъ свою привязанность Лорду , отцу своему , то безъ сомнѣнія оказалъ бы сыну своему нѣжность родителя . Дружба его къ Фишзалану , и свѣденіе , отъ какой происходилъ онъ фамиліи , доставили бы ему согласіе на такой союзъ , прошивъ кошораго не лзя найши инаго возраженія , кромѣ недоспашка въ богашствѣ ; что

не могло бы остановить столь великую душу, какова Лорда Шербюри, тогда, какъ онъ самъ и сынъ его наслаждались величайшими и преизбыточный излишекъ доставляющими доходами.

Аминша, упохребляя въ дѣйство дарованія свои, пріятно проводила время. Опець ея, коего верховное блаженство было доставлять ей какое либо удовольствіе, купилъ для нее въ Дублинѣ изрядную арфу, и пріятно игранная ею арія услаждали скорби ихъ, отражая оныя отъ печальнаго воспоминанія. Аминша любила рано вставать и уходить первыми лучами солнца; прогуливалась въ долину, еще влажной отъ росы; тогда блѣющія стада паслись на разцвѣщающей травѣ, и пасущія ихъ молодая дѣвушки воспѣвали прощальные и жалостныя пѣсни свои.

Вольшія также имѣла она съ опцомъ своимъ прогулки во всѣхъ окружностяхъ; онъ спознакомливалъ ее съ той страной и заставлялъ примѣчать все, что казалось ему достойно нѣкошораго вниманія: мѣста, гдѣ упали Герои прежнихъ вѣковъ, на коихъ возлагали большой камень, монументъ славы ихъ, кошорой означалъ попомкамъ сѣвера поля, гдѣ сражались опцы ихъ, и заставлялъ сказать обремененнаго усшалостію пасшуха, садящагося опдохнуть на покрышой мохомъ могилѣ: „шущъ покоящся древніе Герои наши, и слава ихъ никогда не умираетъ.“

Не рѣдко Аминша прогуливалась и одна, заблуждаясь между каменисшыхъ горъ, окружающихъ море и составляющихъ натуральные грошы. Тамъ любила она чипать при шумѣ волъ, спремещающихся о берега удараться;

видѣ Шотландскихъ горъ на прѣшивномъ берегу часто привлекалъ ея вниманіе, и заставлялъ проливать слезы, возбуждая въ ней воспоминаніе о несчастіяхъ мащери ея.

По ушпру, когда она занималась работою въ своей комнащѣ, Елена, кощорую она считала болѣе подругою, нежели служанкою своею, подлѣ нее бывала; и шушвшно разговоры ихъ часто относились къ жилищу Эдвиновъ, откуда Елена съ великимъ простодушіемъ доходила до Тудор-Галла, и Лорда Моршимера, и наконецъ до бѣднаго Шипа, и оканчивала вскричавъ: какал жалосшь, что истинная любовь всегда бываетъ гонима!

Г Л А В А 5.

Едва прошло недѣли двѣ, какъ уже уединеніе Кербери - Каспеля было прервано чрезъ посѣщенія и приглашенія сосѣдственныхъ фамилій. Первый зовъ, на кошорой Фишзаланъ склонился, былъ отъ Г. Килькорбана. Человѣкъ сей обладалъ великимъ богатствомъ, что въ мнѣніи многихъ людей могло вознаградишь грубость его обращенія и глубокое невѣжество: защита, весьма недостаточная въ глазахъ каждаго благомыслящаго человѣка! Погрѣшности его еще болѣе были чувствительны чрезъ то, что онъ во всѣмъ желалъ превосходить, и что по богатству и надменности своей присвоилъ себѣ власть все то сказать и сдѣлать, что ему въ голову придетъ. Жена его, также какъ и онъ, была сославъ невѣжество, щесла-

вія и глупости. Дѣшей у нихъ много было; первые шрое, начавшіе пускашья вѣ свѣшѣ, признаваемы были родишелями своими, да и сами себя признавали за истинныхъ образцовъ пріяшности и совершенства. Старшій посланъ былъ вѣ Университетъ; порученный самому себѣ, онъ мало успѣлъ шамъ, но довольно по его мнѣнію для шакого чловѣка, кошораго ожидало великое богашство, и кошорому не было нужды знашь сполько, какъ бы какому Профессору. Черты его были грубы, и весь видъ былъ безъ малѣйшей пріяшности. Образъ одежды его былъ до крайности забавный: онъ не перешавалъ занимашья модою и зеркаломъ; семейство его, да и онъ самъ считали, что кромѣ сего ему и дѣлашь было не чего.

Молодыхъ дѣвиць не меньше полагали совершенными; пошому

что доставляли имъ всякаго рода училелей; но въ самой справедливости изъ всего того, чему ихъ учили, онѣ успѣли зашвердишь только ничего незначущую малость. Напура не была щедра въ распоченіи имъ даровъ свихъ; но онѣ считали себя весьма довольно ею награжденными, и упошребляли къ украшенію себя мушки, пудру, румяна и бѣлили со всѣмъ излишествомъ моды. Почти всякое ушро ими съ машерью ихъ препровождается было въ разѣздахъ шуда и сюда въ карешѣ, шесью лошадыми запряженной, въ посѣщеніяхъ знакомства ихъ и въ приобрѣшеніи новаго. Вечера непременно препровождаемы были въ многочисленномъ собраніи, безъ кошораго, говорили онѣ, жишь не возможно. Принимали на себя иногда нѣжностъ и чувствительностъ, говорили о дружбѣ, и ошносили чувство сіе

къ многуму числу особъ. Однако же великаго шребовали онъ уваженія даже ошъ молодыхъ дѣвицъ сообщества ихъ, и ушѣщались, показывая имъ съ надменностію уборы свои, имѣя почное намѣреніе оскорбить ихъ, заспавя огорчаться, что сами не въ силахъ купить для себя подобныхъ.

Г. Килькорбанъ со всемъ своимъ семействомъ осень препроводилъ въ Башъ, и путешесствіе сіе доставило имъ съ того времени неизчерпаемую машерію къ разговорамъ; безпрестанно обращались на то, что шамъ видѣли, на произведенное ими удивленіе, на пріяшныя сдѣланныя шамъ знакомства, на чрезмѣрную сумму ими истраченную: все было описано и съ великимъ прибавленіемъ.

Лади Грейшпокъ находилась тогда у Килькорбановъ, къ ко-

шорымъ прїѣхала сдѣлать посѣщеніе ; эшо была старая вдова , знавшая Фишзалана еще въ молодости его , и кошорая возобновила съ нимъ знакомство. Графъ , наслышась отъ нее о фамиліи и добрыхъ качествахъ новопрїѣзжаго , все сообщество предварилъ въ пользу Фишзалана. Она была умна и разсудительна , и имѣла достоинство , производившее уваженіе къ ней ; но какой - то насмѣшливый ея тонъ вдыхалъ къ ней нѣкоторое отвращеніе.

Старая коляска , давно уже въ сараѣ Карбери - Каспля стоящая , была выдвинута для доставленія въ оной Фишзалана и дочери его на обѣдъ къ Килькорбану , кошорой жилъ около двухъ миль отсюда. Многочисленная компанія собралась уже , когда они прїѣхали . Во время , какъ Аминша предсказывается бы-

ла Мистриссѣ Килькорбанѣ и Лади Грейшокѣ, пріятный и всеобщій шопшѣ водворился между молодыхъ людей, собравшихся въ кучу на нѣкоторое разстояніе отъ компаніи. Одинъ изъ нихъ вскричалъ : божусь всѣмъ , что это непрекрасѣйшая дѣвица ! За нимъ по же повпорялъ другой, кошорой перевозилъ цвѣтѣ лица ея. Вы очень просшы , перехватила одна молодая дѣвица , кошорая слыла весьма разумною ; я смѣло надѣюсь сыскашь въ Дублинѣ за малую сумму споль же прелестный цвѣтѣ, какъ шопшѣ, кошорой вы шакѣ выхваляете. Подруги ея очень хохошали сему замѣчанію , и говорили , что она опмѣнно хорошо о шомѣ разсудила. Г. Бріанѣ Килькорбанѣ, облокопясь на шулѣ сей умницы, прибавилъ , что онѣ бы считалѣ за нужное предложишь Прави-

шельству о учрежденіи указомъ пошлыны на всѣ краски сего рода, потому что, говорилъ онъ, женщины и безъ того одарены отъ природы такими могущественными и непреодолимыми прелестями, что уже безсовестно призывать искусство къ нимъ на помощь. Приблизился попомъ къ Аминшѣ, которая сидѣла подлѣ Лади Грейшпокъ; объяснялъ ей, что время казалось ему весьма продолжительно съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ щастіе ее видѣть, будучи у нихъ, и что довольно одинъ разъ на нее взглянуть, чтобъ съ жадностію ожидать минушы, въ которую бы опять узрѣть ее. Возвѣстили о столѣ, и сіе послужило ей избавленіемъ отъ глупыхъ его привѣтствій. Обѣдъ былъ великолѣпный, и Аминша до смерти скучала за онымъ. Женщины, оставя столъ, возвра-

пились въ залу. Миссѣ Килькорбанѣ и пріятельницы ея начали разсмапривашь и выхваляшь плашье и головной уборѣ Аминшы. Какое прекрасное плашье! сказала одна; какой хорошій уборѣ на головѣ! вскричала другая. Подлинно, моя любезная, удивительной вкусѣ имѣющѣ Аглинскіе купцы, нарядами шоргующіе. Любезная моя! сказала Миссѣ Килькорбанѣ Аминшѣ, опшедя ея къ окну: я имѣю предложитъ вамѣ покорнѣйшую прозьбу. Располагайтъ мною, опшѣчала ей Аминша, во всѣмѣ, что будешѣ вамѣ угодно, лишь бы шо для меня было возможнымѣ. О! сказала она, шо, что я опшѣ васѣ шребую, весьма для васѣ удобно; оное состоитѣ въ томѣ, чтобѣ вы опшказали даватъ для образца вашѣ головной уборѣ всѣмѣ симѣ дѣвицамѣ, кошорыя конечно не преминутѣ о томѣ проситъ васѣ;

не ссуждйше онымъ никого, кромѣ
меня и сестры моей. Вы себѣ
вообразить не можете, сколь
чрезмѣрно желаніе, которое мы
имѣемъ бытъ первыми облада-
тельницами новыхъ уборовъ! Сѣ
какимъ вниманіемъ и удивленіемъ
погда глядяшъ! я шerpѣшь не
могу все то, что уже спановиш-
ся обыкновеннымъ. Вы не во-
ображаеше, какая для насъ скука
всякое лѣшо, когда мы возвра-
щаемся изъ Дублина: задушающъ
насъ прозбами служишь для образ-
ца нашими нарядами; но мы себѣ
за законъ посшавили въ томъ
ошказывашъ имъ. Ахъ! хочу раз-
скашъ вамъ презабавную шш-
ку, которую я сѣиграла сѣ одною
изъ моихъ пріятельницъ. Ей
прислали въ подарокъ шшuku
прекраснѣйшей Индѣйской кисеи;
она шщательно хранила оную
до возвращенія моего изъ Дубли-
на, полагаая, что я дамъ ей на

образецъ какое нибудь изъ новыхъ моихъ плашьевъ, чшобъ сдѣлать такое же, шакъ какъ я и дѣйствительно ее много люблю. Я однако же дала ей такое, кошорое уже совсѣмъ изъ упошребленія вышло, увѣряя, что оно было самое новѣйшее. И шакъ она подославленному мною образцу изрѣзала и искромсала свою прекрасную шшуку кисеи такимъ образомъ, что уже послѣ ничего и перешишь не лзя. Сѣѣхались мы на одномъ балѣ, гдѣ находилось все, что есть лучшаго въ окружности; я въ жизни моей никогда не видывала никого въ шаковой расшройкѣ, и кшо бы предсавлялъ сшоль смѣшную фигуру, какъ моя любезная пріятельница, когда она во всемъ собраніи увидѣла себя одну въ сшаринномъ плашьѣ: я право думала, что она безъ памяти упадешь, а мы съ сесшрою,

подхващя бока, кохошали. Бѣдная дѣвушка плакала отъ добраго сердца. Скажише, не забавна ли эша штука? Подлинно, сказала Аминша съ насмѣшкою, копорую поняшь Миссѣ Килькорбанѣ ума не имѣла, эшо преизрядная была забава. И шакѣ, моя любезная, еспѣли вы на шо согласны, мы съ сеспрою завтра рано поутру явимся смопрѣшь ваши уборы. — Вы себѣ чрезѣ шо досщавише великое и бесполезное безпокойшво, сказала ей Аминша, копорой ни мало не нравились неблагоразумныя ея шребования; все, что я имѣю, весьма просто, и всѣ мои наряды я сама дѣлаю. О! право, сказала Миссѣ Килькорбанѣ, увѣряю васѣ, что вы множешво вкуса имѣете. Моя горнишная, копорая весьма искусна, могла бы кажешся бышь способна шакже сдѣлать, еспѣлибѣ вы имѣли

Снисхожденіе ссудить насъ вашими образцами, и вы бы намъ также величайшее дославили удовольствіе, сказавъ, что это послѣдняя мода въ Башѣ. Бывала ли вы когда нибудь въ Башѣ? Нѣтъ, сказала Аминша. О! увѣрю васъ, что это наивосхищительное удовольствіе, предпріявнѣйшее въ свѣтѣ пребываніе, сущіи рай! я думала, что умру, когда надлежало намъ выѣзжать опшуда. Не могли упростишь башюшку; никакъ не согласился опяшь шуда насъ свозишь. Правда, что это и издержка ужаснѣйшая. Какъ бы вы думали, сколько намъ стоило наше шамъ пребываніе? Я, сказала ей Аминша, скучивши безразсуднымъ ея болшаньемъ, самая неспособнѣйшая изъ всѣхъ въ свѣтѣ судишь о такихъ вещахъ, и въ то же время опшла опъ окна. Вечеръ былъ прекрасной, и часъ сада,

ближайшая къ дому, препріяшная; она говорила идти прогуляться. При предложеніи себѣ, всѣ дѣвицы между собою перешепывали, глядѣли другѣ на друга и нѣсколько минутъ молчали; напоследокъ Миссѣ Килькорбанѣ, кошорая и мысли не имѣла оказашъ госпѣѣ хошя малѣйшее снисхожденіе, сказала: очень вѣпрено, и голова моя пошчасѣ будешѣ расшрепана. Другая, взглянувѣ на свои бѣлыя апласныя башмаки, божилась, что ни для чего вѣ свѣтѣ не пошла бы она по сырой шравѣ. Третья обѣясняла, что порядочно одѣвшись она не любила мяшъ плашье. Аминша сѣ лишкомѣ была вѣжлива, что бѣ упорсшвовашъ; и между дѣвицами было положено единогласно бышъ вѣ залѣ до тѣхѣ порѣ, какѣ вся компанія соберешся.

Лади Грейшпокѣ сдѣлала знакѣ Аминшѣ подойши сѣсшъ

подлѣ нее. Ну, мое любезное дитя! сказала она ей: я думаю, что тебѣ уже довольно наскучили всѣ сіи деревенскія барышни, копорыя полагающѣ себя имѣющими наилучшіе виды и поступки? Аминша усмѣхнулась, оказывая согласіе съ тѣмъ, что ей говорено. Боже меня сохрани, продолжала Лади Грейшовъ, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, копорыя мнѣ милы, онѣ сего несноснаго пуспословія! Это смѣшеніе языковъ, гораздо хуже Вавилонскаго. Нѣкоторые однако же люди имѣющѣ глупость почишашъ сихъ дѣвицъ удивленія достойными. Бѣдная Мисприссъ Килькорбанъ душишѣ меня, выхваляя всѣ совершенства дочерей своихъ, пока онѣ еще не вышли за мужъ; надѣеяся однако, что сіе не замедлишѣ случишься; она въ шрехъ или чешырехъ другихъ дитяшкахъ своихъ воспитываешѣ

намъ собраніе пріятностей , ко-
шорыя скоро окажутся ; или ,
лучше сказать , ошкроешся гнѣздо
деревенщины . Голову мою про-
закладую , ежели онѣ вѣ сію ми-
нуту , какъ говорю , не бѣгающѣ ,
подобно вырвавшимся цыпля-
тамъ , упомивѣ и измучивѣ не-
щасливую надзирашельницу Фран-
цузенку , кошорая предѣ симѣ
была горничная служанка од-
ной знанной Госпожи , и кошо-
рая своего даже собсшвеннаго
языка г р а м а т и к и не знаетѣ .
Ахѣ ! сказала Аминша , пред-
убѣжденіе Миссприссы Килькор-
банѣ кѣ дочерямѣ своимѣ весьма
естшественное ; оно вишѣ маше-
ринское . Да , сказала Лади Грей-
стокѣ , но для сего оно не мень-
ше извинишельно ; и я бы взя-
лась ей ошкрышѣ глаза вѣ семѣ
случаѣ , ежели бы могла надѣ-
яшѣся , что всѣ находящїися здѣсь
просшашѣ меня вѣ шомѣ , что

лишу ихъ удовольствія шупишь надъ нею и дочерьми ея.

Г. Брианъ Килькорбанъ съ вѣкошорыми другими мущинами вошли въ залу. Я вижу, сказалъ Брианъ Аминшбъ, что вы совсѣмъ задавлены сею вдовствующею; но хоть бы мнѣ пропастъ, естли не правду говорю, что опросилъ бы себѣ бороду, когда бы всѣ женщины на нее похожи были. Вы представляете изъ себя диковинку, перехватила Лади Грейспокъ, кошорая всегда была гошова къ ошзыву. Увы, бѣдной молодой человекъ! всякое, какое бы вы шолько мѣгли приняшь попеченіе о наружности вашей особы, не способно заспавишь насъ мыслишь, чшобы внупренность чего нибудь заслуживала. Въ сію минушу Лади Грейшпокъ приглашена на паршію въ вискъ, и Миссѣ Килькорбанъ шощасѣ заняла ея мѣ-

сто. Любезная моя ! сказала она , навѣрное вы очень замучены сею госпожею ; она самая удивительная въ свѣтѣ. Закладъ держу , что она просила васъ , какъ она то дѣлаетъ со всѣми прѣзжими , сшить ей передникъ или косынку. Она безпрестанно насъ шягошитъ пребываніями такого рода , да и избавишься отъ нихъ не можемъ ; пошому что она богата и башюшкѣ родня , и ближе насъ она никого родныхъ не имѣетъ. Вотъ , сказала Аминша , довольно причинъ , чтобъ имѣть къ ней нѣкошорое снисхожденіе ; но вы бы могли , кажешся мнѣ , спараться болѣе то скрыть. О ! ошнюдъ нѣшъ , сказала Миссѣ Килькорбанъ ; всѣ сполько же , какъ и мы , извѣсны о томъ. Прощедшее лѣшо была она здѣсь , и пришло ей въ голову желаніе имѣть такой же передникъ , какъ мой , и она про-

сила меня, чшобѣ я сама ей оной сдѣлала, и жопѣла, какѣ говорила она, избавишь меня отѣ праздноспи. Я ей шо обѣщала, и опшисала вѣ домѣ Морава вѣ Дублинѣ, гдѣ я и свой купила, чшобѣ шочно шакой же сдѣлали мнѣ. Топчасѣ какѣ получила его, опшезла кѣ ней, надѣясь, чшо она за шо дастѣ мнѣ какую нибудѣ изѣ ся бриляншовыхѣ булавокѣ, которыя я сполько разѣ при ней выхваляла. Ояѣ и вѣ самомѣ дѣлѣ прекраснѣйшїя, и ей оныя ничего не кшпани; а она споль была жестшона, чшо даже и не помыслила о шомѣ. Эшо правда, сказала Мисшриссѣ Килькорбанѣ, сидѣвшая сѣ другой спороны Аминшы, и сѣ явнымѣ удовольствїемѣ внимающая болшанье дочери своей; Лади Грейшпокѣ весьма спранная женщина; я шикогда подобной ей не вспрѣчала во всѣхѣ моихѣ

путешествіяхъ въ Англіи, Ирландіи и Княжествѣ Валлискомѣ; языкъ у нее самой обидной, и она его никогда не оспанавливаетъ.

Да, сама въ себѣ говорила Аминша, то же самое можно сказать о васъ и о дочкахъ вашихъ. Послѣ чаю она сбѣла за каршы; но скоро сскучила бесѣдою игры, и почти нарочно проиграла, чшобъ поскорѣе опшпашъ. Надбѣялась она, чшо удасшся еще поговорить съ Лади Грейшокъ: но старая госпожа сшоль сшрасшно любила игру, чшо не оставила бы оной ни для Цицеронова краснорѣчія. Килькорбанъ увидя, чшо Аминша свободна, еще преслѣдовалъ ее своими глупыми привѣтствіями до шѣхъ поръ, какъ множесшво сухихъ отвѣшовъ, ему сдѣланныхъ, избавили ее опъ сего гоненія. До самаго ужина была она подлѣ шоловъ игры.

Аминша имѣла привычку сообщать отцу своему мнѣніе свое объ оцествахъ, въ коихъ она находилась, и совершенно согласны были мысли ихъ о томъ, копорое они только лишь оставили. Очень позабавила она его, рассказывая ему, что Килькорбаны говорили ей о Лади Грейсбокъ; потому что онъ зналъ, съ какою подлостью улещали онъ старую госпожу, въ чаяніи получить отъ нее какойнибудь участокъ изъ ея богатства.

Г Л А В А 6.

Финзаланъ и Аминша въ слѣдующій день приглашены были прѣхать послѣ обѣда къ одному опкупщику, въ сосѣдствѣ живущему около мила отъ Карбери - Касшля. Домикъ онаго кры-

шой соломой, но при томъ чистой и весьма порядочной. Онъ былъ расположенъ на прекрасной долинѣ, перновыми кустами отъ большой дороги отдѣленной; съ другой стороны дороги былъ превеликой выгонъ, въ концѣ котораго видимы были почтенные ошашки великолѣпнаго зданія, вѣкогда бывшаго Аббашивомъ Свяшья Екашерина: оное представляло печальный примѣръ могущественнаго разрушенія временъ, и привлекая вниманіе любоспышства, прибрѣшало также и вздохъ чувствительности.

Семейство ошкупщика состояло изъ шрехъ дѣвушекъ и двухъ мальчиковъ, одѣшыхъ по ихъ сорту какъ можно лучше. Они созвали великое число сошбдей, между коими былъ полсшой и приземистой священникъ, называемой ошецъ Огалаганъ, который слылъ душою всѣхъ весе-

лыхъ собраній; еще слѣпой, играющей на волынкѣ. Комната была не велика и загромождена мебелью столько же, какъ и госпѣми. Самымъ маленькимъ разстояніемъ отдѣлялась она отъ кухни; дымъ и смрадъ изъ печи, въ кошорой жарили пироги, сославлялъ несносной жаръ. Напрасно старалась Аминша подойти къ окну, чпобъ бытъ не много на воздухъ; ибо очень ей шановилось плохо. Какъ чай былъ еще не готовъ, шо просила она Миссѣ Офланганъ проводить ее до Святой Екатерины. Молодая дѣвушка на шо согласилась. Священникъ, кошорой съ шѣхъ поръ, какъ она вошла въ комнату, со всѣхъ споронъ ее разсмащивалъ, шушь по своему грубо захохоталъ и сказалъ ей: я бы очень желалъ увидѣшь васъ монахиною въ обители Святой Екатерины; ибо весьма бы душѣ моей было пріят-

но исповѣдывашь шакое милое твореніе, каковы вы, кошя право, думаю, чшобѣ вы поступили такѣ, какѣ Падди Денугѣ, кошорой имѣлѣ привычку исповѣдывашься вѣ Свѣшное Воскресенье, ш кошорой никогда не находилѣ, чшобы мнѣ сказашь. Я ему шогда говаривалѣ: любезный мой Падди! шы Свяшой, намѣ должно шебя вѣ кивошѣ посшавить. О! нѣшѣ еще башюцка, оптѣчалѣ онѣ мнѣ на шо; надобно прежде, изѣ чего бы сдѣлашь мнѣ новое плашье, кошорое шолько развѣ около Михайлова дни у меня будетѣ. Не складная повѣсть сія зашавила Амянлу засмѣяшься, осшавляя компанію. Ошелѣ ея шогда разговаривалѣ сѣ нѣкошорыми сосѣдними опкушциками, кошорые шребовали опѣ него убавишь нѣсколькo плашы ихѣ.

Не болѣе, какѣ на чешверть мили Аббашшво ошшояло опѣ

сего домика, но грунтъ земли былъ болотистый и шороховатый: множеству пней доказывали, что нѣкогда находился пупъ великій лѣсъ. Остатки онаго видимы были въ нѣкоторыхъ большихъ деревьяхъ около Аббашева; оныя казалось укрывали своею тѣнью представляющіяся взору почтенныя развалины, копорыя Амивша находила замѣчательныя доспойными. Удивлялась она красотѣ и пространству, какое долженствовало имѣть сіе древнее зданіе; развалившіеся остатки подавали мысль о семъ. Съ священнымъ уваженіемъ пробѣгала обширную обитель, нѣкогда къ богомыслию опредѣленную; слѣды древнихъ келій, копорыя признавались еще въ стѣнахъ и сводахъ разрушенныхъ, и полузакрытыхъ дикими расщепленіями и извивающимся плющемъ. Съ чувствіемъ обозрѣвала она гробы

обиняющихъ свящя мѣста сіи, всѣ поставленные около одного основателя, крестомъ оплаченнаго. Это по общему преданію, какъ разсказывала ей Миссѣ Офланганъ, одинъ праведный монахъ, который былъ духовникомъ въ кошорой благочестивой Госпожи. Она передъ смертію своею видѣла замѣчательный сонъ. Ангелъ, сказывала она, повелѣвалъ ей все имущество свое отказать сему духовнику, кошорой безъ сомнѣнія лучшее сдѣлаешь ему употребленіе, нежели другіе, коими бы она оное оставила. Она повиновалась сему гласу, а праведный человекъ употребилъ имѣніе сіе на соорженіе Аббатства, посвященнаго Святой Екашеринѣ; ибо благошворительница сіа имѣла имя ея. Кровля древней церкви уже обрушилась, но много еще видно было признаковъ благочестиваго суевѣрія, избѣжавшаго

ещѣ разоренія времени ; статуи
святыхъ и мучениковъ , жерш-
венники , сосуды , множество гро-
бовъ съ любопытными надпи-
сями , по большой части невразу-
мительными . На одномъ плоскомъ
камя , которой казалось недавно
положенъ , и которой началъ уже
кой гдѣ правою покрываться ,
увидѣла она нѣсколько разбро-
шенныхъ увядшихъ цвѣшковъ , и
обративъ глаза на свою собесѣд-
ницу , замѣтила слезы на щекахъ
ея . Спрашивала у нее причину
такого движенія , и молодая дѣ-
вушка сказала ей , что это была
могила любезнаго ея брата , ко-
торого не давно лишилась она .
Аминь , пронушая симъ чувстви-
тельнымъ зрѣлищемъ , остано-
вилась . Все вокругъ ея было пе-
чально , тихо и молчаливо . Въ
заднихъ сторонахъ церкви полъ
покрытъ былъ правою и мохомъ ;
казалось , что уже изъ давнихъ

временѣ не попирался оный спо-
нами челоѣка; разсѣвшіяся спѣ-
ны угрожали паденіемѣ, и вѣспрѣ,
дующій вѣ сводахѣ, предспа-
влялѣ воображенію печальныя
вопли плачущихѣ о разрушеніи
мѣспѣ свяпыхѣ. Милая и чув-
спвишельная Амнша, наполня
умѣ поуцишельными и печальны-
ми размышленіями, облокошась
на гробѣ брата молодой своей
собесѣдницы, омочила оный сле-
зами своими, и поднявѣ одинѣ
изѣ поблекшихѣ цѣѣшковѣ: о!
сказала она, сколь испинно и спра-
ведливо сіе подобіе жизни на-
шей! и сколь хорошо изображаеш-
ся оно сими словами: „челоѣкѣ
какѣ полевой цѣѣтокѣ; минушу
блеспшлѣ, и пошомѣ увядаешлѣ. „

Миссѣ Офлананганѣ вела ее
погда нѣкошорыми обходами, вѣ
концѣ кошорыхѣ, кѣ великому
своему удивленію, нашлась она
вѣ большомѣ и совершенно окру-

женномъ развалинами саду. Среди онаго было изрядное строеніе, которое собесѣдница ея называла монашыремъ; въ концѣ онаго была дверь въ церковь, въ кошорую вошедъ, нашли онѣ шущъ монахиню въ молишвахъ (*).

Аминша опасаясь, чтобъ ее не пошревожишь, ворошилась; но Миссъ Офланганъ подошла къ ней, и монахиня на привѣщаніе ея съ ласковымъ видомъ соотвѣщствовала. Желщина сія была лѣтъ пятидесяти, какъ уже Аминша послѣ о томъ узнала; ибо она показалась ей гораздо моложе. Кожа на лицѣ была прекрасная и ни одной морщины, и щеки ея довольно еще свѣжести

(*) Аббатство и монахини, которыхъ Авторъ здѣсь описываетъ, дѣйствительно видѣлъ онъ въ другой части Ирландіи. — Замѣчаніе Авшора.

имѣли. Хотя произношеніе ея означало, что она была иностранка, но голосъ ея былъ сладостный и кропкій; въ обращеніи ея оказываемое ею благопріятство сугубо вознаграждало недоспадокъ ловкости, ношорымъ бы могли укорить ея. Одежда ея, изъ бѣлой фланели, была широкая и около стана перевязанная поясомъ, на кошоромъ повѣшены чашки и кресты; покрывало ея изъ шакой же машеріи до полу висѣло; шапочка и повязка скрывали совсѣмъ волосы ея.

Миссъ Офланаганъ предсказала ей Аминшу какъ иностранку, кошорая желала видѣть все, что любопытнаго въ церквѣ находилось. Ахъ, моя любезная! мнѣ очень досадно, что она пришла сюда тогда, какъ находимся мы въ великомъ прискорбіи о недавно случившейся намъ потерѣ Настоятельница нашей, по при-

чинѣ копорой вы видите жерш-
венникѣ чернымѣ покрытый; но
если согласитесь вы придти
въ будущее Воскресенье, по най-
дете насъ въ сосноннмъ лучше
принять васъ. Какъ Аминша
оповѣчала ей, что въ познѣ день
ей бытъ не лзя, по монахиня
ей сказала: очень мнѣ это досад-
но, ибо вы привлекли мое серд-
це; а когда я люблю кого, по
уже и желаю шакого же благо-
получія, какимъ я сама наслажда-
юсь. Аминша усмѣхнувшись го-
ворила ей: я дѣйствительно ду-
маю, что вы здѣсь весьма шасп-
ливы. Монахиня обязанельнымъ
образомъ показывала ей раки съ
мощами и церковныя украшенія.
Въ числѣ мощей была голова
одной изъ одиннадцати тысячъ
дѣвъ. Шкафъ, наполненный свя-
щенническими шелковыми и бога-
то вышитыми одеждами; по-
казывала ей также въ ящикахъ

великое множество дѣланыхъ цвѣшовъ, работы монахинь и воспитавницъ ихъ. Аминша сочла за должность вознаградить за причиненное ей безпокойство, купя нѣсколько оныхъ, и давши изъ нихъ нѣкоторыя Миссѣ Офланаганъ, увидѣвъ, что ей имѣшь ихъ кошѣлось; оспальныя покинула у монахинь, обѣщая завтре придти за ними. Приходише, сказала она ей; будыше увѣрены, что вамъ всегда здѣсь ради будышь. Вы увидыше шуды бѣдныхъ шварей весьма щасливыхъ, но ни одной однако же нѣтъ щасливѣе меня. Я вошла въ сію обитель десяти лѣтъ, произвела мои обѣты пятнадцати, и съ того времени до сихъ поръ, чему уже весьма довольно лѣтъ прошло, я провождала благополучную жизнь, слава Пресвятой дѣвѣ! сказала она, подыавъ глаза къ небу. По-

помѣ взвела она гостей своихъ на хоры монахинь, опдѣляемые въ церквѣ небольшими перилами. Тамъ были органы, при видѣ кошорыхъ монахиня вздохнула. Увы! сказала она, мы уже не найдемъ шакого мастера играшь на нихъ, какъ бѣдная сесипра Агаша; дѣйствитель-но она достойна обидеть горная съ Ангелами. Ахъ, любезная моя! сказала она Аминшѣ: ешьлибъ вы ее знали, очень бы вы ее любили; она была наша Настоятельница, и двадцати девяти лѣтъ на степень сию воззвана была: лѣтъ, весьма не великія для должности, шребующей столько способности. Она управляла нами только два года, и никогда обидеть не была столько хорошо содержана. Въ будущее Воскресенье покрывала скинушся, какъ я уже вамъ сказала; но въ сердцахъ нашихъ шрауръ навсег-

да останетися. Миссѣ Офланаганѣ дала Аминшѣ замѣшшь, что пора возвращашься; на что Аминша не безъ сожалѣнія согласилась. Монахиня убѣждала еще побышь съ нею, и осталась наконецъ довольна общаніемъ ихъ, опять приходишь. Возвращаясь домой, спутница Аминши рассказывала ей, что вся обитель соснояла изъ двенадцати монахинь; что малое ихъ имущество, обращенное въ общее, недоспашочно для нуждъ ихъ; онѣ содержашъ школу, въ коюрую молодыя сосѣднія дѣвушки приходяшъ учисься чишашъ, писашъ, шить золотомъ, вышивашъ и цвѣшны дѣлашъ; она прибавила, что монахини сіи имѣюшъ свободу выходить за ограду, но весьма мало пользующся сею свободою, и что молодыя выключаются изъ сего; ибо на нихъ не налагались никакія строгости, обычныя въ монастыряхъ.

Аминша размышляла, что установление такого рода совершенно сходствовало съ положеніемъ предавшихся оному. Нашедъ убѣжище въ нѣдрахъ развалинъ, ихъ окружающихъ, живучи среди гробовъ, намбренія и желанія ихъ не стремилися далѣе окружающихъ ихъ разрушившихся стѣнъ. За оными никакой предметъ не предсавлялся взору ихъ, которой бы могъ подвигнуть къ пресступленію границы сей; естлибъ вздумали искапъ свѣща, для нихъ, какъ для дѣшей природы и нищеты, онъ бы былъ сполько же хладенъ и неблагопривѣпливъ, какъ безплодная обинель, кошорая шеперь въ глазахъ у нихъ.

Опецъ Огалаганъ вышелъ къ ворошамъ на вспрѣчу Аминшѣ; и по пріяшельски взявъ ее за руку, говорилъ ей: вы сполько шамъ пробыли, что можно усмѣль

и пошричься. Мы всѣ васѣ до-
жидались, ломшики масломѣ на-
мазаны, чай гошовѣ. Ахѣ, плу-
шовочка! божусь святымѣ Паш-
рициемѣ: сіи прелестныя глаза
даны вамѣ не на спасеніе души
вашей; вы сюда ниспосланы воз-
мушишь сердца нашихѣ молодыхѣ
и просныхѣ Ирландцовѣ. Скоро
никшо не усомнитсѣ, чшобѣ вы
шошчасѣ не произвели безпоряд-
ка, вѣ кошоромѣ бы опвѣчашѣ
Богу; и шогда я увѣренѣ, чшо вы
придете ко мнѣ исповѣдывашься,
и я вамѣ дамѣ оппущеніе грѣ-
ховѣ. Но послушай, моя малюшоч-
ка! за шо оппущеніе я хочу за-
ранѣе получишь плашу. Аминша
вырвала свою руку и вошла вѣ
залу, гдѣ вся компанія распола-
галась чай пишь и полдничашѣ
со всѣми лакомшвами, кошорыми
столѣ былѣ уставленѣ, и гдѣ
всякая женщина разшила пла-
шочкиѣ на колѣнахѣ. Двѣ Мис-

сы Офланганъ сполько суешились приугоповленіемъ чая, что такъ же были красны, какъ и леншы, наверхенныя на головахъ ихъ. Привяли столъ, разсшавили стулья, оподвинули скамейки даже къ дверямъ, и волынки, заигравъ Ирландскую пѣсню, подала знакъ къ шанцамъ. Спаршій сынъ ошкупщика, одѣтый въ свѣтло-голубое новое плашье, волосы весьма разглаженные, упадающіе на его лобъ, лице красное, какъ огонь, подошелъ къ Аминшѣ, и просилъ ее съ великимъ замѣшательствомъ и съ множествомъ поклоновъ, сдѣлать ему милость прошанцовашъ съ нимъ. Она колебалась, какъ вдругъ отецъ Огалаганъ, ударивъ ее рукою по плечу, зашпавилъ ее зашрепелашъ и вспашъ съ шула своего. Онъ захохоталъ, говоря, что онъ любитъ, когда молодая дѣвица жива и

весела. Какъ самъ онъ танцовать не могъ, то ушѣшался, исполняя должность церемонимейстера, и настаивалъ въ томъ, чшобъ Аминша открыла балъ по его распоряженію. Мало находилась она къ тому расположена; но она была преисполнена шю снисходительностію, кошо-рая заставляешъ для пріятности сообществу вкусу другихъ жершвовашъ своимъ собственнымъ. И такъ попустила священника провешти себя на первое мѣсто и начала танцы; полъ не былъ ни кирпичемъ ни досками ушланъ, а шолько земля убишая, шю она скоро ушала, и извинялась, чшо не могла продолжать танцовъ. Очень бы охотно она и Физзаланъ желали избавишъся отъ ужина; но они видѣли, чшо сего сдѣлать было не возможно, не огорчивъ

добрыхъ людей, кошорые ихъ съ шакимъ усердіемъ угощали.

Сполъ былъ со изобиліемъ наполненъ хорошими и сыпными деревенскими кушаньями. Удовольствіями праздника никакъ не наслаждался лучше священника. Когда переставалъ онъ бсць, то всюду приспавалъ съ шушками и развеселялъ всѣхъ гсшей; и подобно Фальспафу, не шолько самъ былъ веселъ, но и другихъ заставлялъ веселиться. Скажите-ка, бапюшка, говорилъ одинъ молодой человекъ, чемъ вы занялише за сполъ, здѣсь вамъ предспавленый? Дамъ мое благословеніе хозяевамъ. А что же я лучше могу имъ дать? Вы можете шакъ думать, сказалъ молодой человекъ; но мы не шакъ о томъ судимъ, и я вамъ скажу на сей случай испорійку. Одинъ бѣдной человекъ пришелъ нѣкогда

къ священнику, кошорой слылъ
весьма богатымъ, и припомъ
весьма милоспивымъ. Но вишь
не все шо Евангельскія слова,
чшо въ мѣръ говоршся. И чело-
вѣкъ шомъ имѣлъ нѣкошорыя
сомнѣнія о милосердіи священни-
ка, рѣшился извѣдать оное на
опышѣ. Бапюшка! сказалъ онъ
ему, меня посѣшили великія
бѣдствія: избушка моя сторѣла,
поросашѣ моихъ покрали, и ко-
рова упала въ ровъ и убилась;
и шакъ я пришелъ умоляшѣ ва-
ше милосердіе, и просишѣ васъ
ради самого Бога: ссудите мнѣ
гвинею. Гвинею! прервалъ попъ
сѣ сердцемъ; и какимъ реме-
словъ, думаешѣ шы плушѣ, на-
жилъ я столько денегъ, чшобъ
взаимы давашѣ? Развѣ бы шоль-
ко шакъ же кралъ, какъ шы? А!
бапюшка, вѣшь я у васъ испо-
вѣдывался, шакъ вы знаете, что
мою совѣсть ничшо не вяжешѣ.

Скажише мнѣ шолько, согласи-
шесь ли вы мнѣ дашь хоть пол-
гвинем? Нѣшѣ, сказалѣ попѣ,
ни копѣйки. По крайности дади-
ше мнѣ ваше благословеніе? ска-
залѣ ему крещьянинѣ. О! это
дамѣ очень охошно, прервалѣ
священникѣ. Ну такѣ я не хо-
чу, сказалѣ крещьянинѣ вашего
благословенія; ибо вы видите,
ежели бы оно хошя копѣйки
споило, шо вы бы мнѣ его не дали.

Вы мнѣ на память приво-
дише, сказалѣ другой госпѣ,
хорошую повѣсть шакого же ро-
да. Одинѣ молодой Кавалерѣ былѣ
у обѣдни вѣ Гишпанской церквѣ,
и иримѣшилѣ монаха вѣ препо-
корнѣйшемѣ положеніи споящаго
у дверей, и просящаго милосшы-
ни ради извлеченія изѣ чисти-
лица, говорилѣ онѣ, пшидеся-
ши Христіанскихѣ душѣ, Мавра-
ми убишыхѣ. Вѣ кошелекѣ про-
сишеля Кавалерѣ положилѣ мо-

нешу, а сей проворчавъ краткую молишву вскричалъ: вошъ одна душа спасена! Кавалеръ далъ ему другую монешу, и монахъ увѣрялъ его, что вошъ и другая душа избавилась. На послѣдокъ сколько Кавалеръ давалъ ему монетъ, столько шощъ насчиталъ избавленныхъ душъ. Потомъ спросилъ онъ, подлинно ли онъ увѣренъ, что онъ всѣ въ раю? Точно, сказалъ монахъ; Свяшый Пешръ ошверзъ имъ врапа, и онъ теперь тамъ водворились. И уже не лья ошпуда изгнать ихъ? спросилъ Кавалеръ. Конечно не лья. О! хорошо же, мой любезный опецъ, когда шо такъ, ошдай же мои червонцы, потому что уже шо дѣло сдѣлано, за кошорое я шебъ ихъ давалъ. А какъ я небогатой служивой, весьма на долго не имбющій надежды бышь споль же хорошо помѣщеннымъ, какъ шѣ души, коихъ мы оба

вмѣстѣ избавили, шо по сей причинѣ деньги мои весьма мнѣ надобны.

Фишзаланъ нѣсколько удивлялся свободности сихъ людей, кошорую они брали предъ ихъ священникомъ; но смѣялся съ прочими, и очень зналъ, что позволяя себѣ забавляться съ нимъ, не имѣли они никакой мысли поколебать власть его.

Убжалъ онъ съ Аминшою шошчасъ, какъ шо было возможно; прогулка сія иной пріятности для нихъ не имѣла, какъ шолько новоспѣ о д н у. На другой день по утру Аминша отправилась въ монашырь, и спрашивала сеспру Марію. Она проводила ее въ школу, гдѣ были воспитанницы и всѣ прочія монахини. Аминша восхищалась довольнымъ видомъ сихъ дѣвицъ, и порядкомъ, въ школѣ установленнымъ, равно какъ и усердіемъ, оказываемымъ

ей удовольствоваться ея любопытством. Провели се во внутренность обители; пришла она покой всѣхъ монахинь, гдѣ для каждой келья, въ которой постель, стулъ, столъ и Распятие; пошкъ провели ее въ приемную залу, гдѣ нашла она новую Настоятельницу. Это была сшарая женщина. Живописецъ, желающій изобразить благоволеніе, могъ бы взять ее за образецъ. Физиогномія и носшупь ея дышали благосшію и крошосшію. Въ чертахъ ея зрѣлись нѣкошорые слѣды глубокой печали; но скромная веселосшь взора ея возвѣщала совершенную покорносшь. Съ истинною и ошъ сердца исходящею учшивосшію приняла она Аминшу, кошорая возчувсшвовала къ ней почшительное уваженіе. Примѣчая, что состояніе, въ какомъ сія почшенная женщина находилась, было щасшливѣйшее, какое

бы шолько могла она найши , со-жа́лѣла Аминша , что свѣшѣ ли-шенѣ былѣ шакой особы , которая бы могла служишь ему украше-нiемѣ и образцомѣ.

Сеспра Марiя скрылась на минушу , и скоро возвратилась , принеся пироги. Аминша не могла ошговоришься , чтообѣ не вкусишь оныхѣ. Добрая сеспра восхищалась молодою чужешпранкою , и не имѣя искусствва скрывать чувствва свои , она ошкровенно похвалы изѣясняла. Любезная машь ! говорила она Наспояшельницѣ : не милое ли эшо шворенiе ? Прелѣшныя глаза , прекрасная ручка ! Ахѣ ! естли бы Прешвашая Дѣва благоволила шпрунуть сердце ея и вдохнуть намѣренiе приди жишь сѣ нами , сколько бы я тогда щасплива была ! Наспояшельница усмѣхнулась , и не соучаствуя вѣ великомѣ рвенiи сеспры Марiи , эшо

бы грѣшно было, сказала она, чшобѣ сшоль хорошій цвѣшокѣ сокрышѣ былѣ въ развалинахѣ Свяшья Екашерины.

Аминша купила еще нѣсколь-ко дѣланныхъ цвѣткѣ. Монахини усердно просили ее почаще посѣщать ихѣ. Возвращаясь въ Карбери - Касшль, нашла она у ворошѣ карешу Килькорбановѣ, изѣ кошорой видѣла выходящихъ Лади Грейшокѣ и двухъ молодыхъ дѣвицѣ. Все эшо вдругѣ говорило, шакѣ чшо Аминша половины не понимала того, чшо онѣ рассказывали. Скучныя посѣщенія, говорили онѣ, попрецашшествовали имѣ вчера по ушпру приѣхашь, чшобѣ увидѣшь всѣ хорошя вещи, кошорыя Аминша обѣщала показашь имѣ. Она удовольштовала ихѣ, позволивѣ взять образцы, какіе избрашь имѣ угодно будешѣ. Лади Грейшокѣ лукаво усмѣхалась нескромности

Своихъ молодыхъ родственницъ, оказала желаніе увидѣшь замокъ, и Аминша сопровождала ее. Очень любовалась она уборнымъ кабинетомъ. Тамъ - то молодыя дѣвицы, любопытныя до глупости, хотѣли все видѣть, все замѣлишь; но Лади Грейсшөкъ, сколько же любопытная, какъ онѣ, не могла похулишь въ нихъ шу свободносшь, копорую бы она и себѣ позволила. Разсмашивая одну рабопу шанбурнаго шипья, узорѣ находила она прекраснымъ; и услыша, что онѣ произошөль опѣ руки Аминшы, дѣлала похвалы вкусу ея, и обьясняла, что бы она ничего въ свѣшѣ не пожалѣла, дабы имѣть такой же. Она споль ясно исполковала свое желаніе, что Аминшѣ не возможно было защищашься недогадкою; и находя нѣкошорое удовольствіе обязашь особу такихъ лѣшѣ, обѣщала ей шочно такой

для нее сработать. Лади Грейшповъ благосклонно усмѣхнулась при столь вѣжливомъ общаніи, и наговорила ей множество ласковостей. Обѣ Миссы Килькорбанъ лукаво переглянулись, и въ свою очередь взявъ Аминшу за руку, клялись ей, что нѣжную возчувствовали къ ней дружбу, и что надѣялись часто сообществомъ ея наслаждаться. Аминша съ холодностію отвѣчала на сіи ложныя учтивости, и госпожи уѣхали.

Г Л А В А 7.

Уединеніе составляло лучшія забавы Аминшы, потому что тогда могла она отдаваться дражайшимъ мыслямъ своимъ; не переставала она надѣяться Лорда Моршимера оляшь увидѣшь,

и льстишься, что Лордъ Шербюри на соединеніе ихъ далъ бы согласіе, разрушившее всѣ сомнѣнія нѣжности Фишзалана. Забавляюща своего, и для себя самой пріятно занимала время упражненіемъ въ дарованіяхъ своихъ; предаваясь пріятнымъ обманчивостямъ надежды, вкушала она удовольствія, которыя бы предпочла пустымъ забавамъ, представляющимъ ей въ собраніяхъ, на кои часто была приглашаема. Никогда не казалось ей шягоснымъ провозденіе времени ея въ Карбери - Касплъ и во всемъ пространствѣ жилища сего; наиболѣе попеченія ея относились къ саду, котораго положеніе было совершенно романическое, и котораго натуральная дикость умножалась запусненіемъ, въ какомъ онъ съ давняго времени оставался. Аминша обрѣшала еще во многихъ частяхъ слѣды

вкуса , съ которымъ онъ былъ
разсаженъ, и бралася возвратить
ему прежнюю красосу его. Плодо-
вишыя деревья не были подчище-
ны , аллеи покрывались правою ,
цвѣшны заглашались кустами ,
съ одной стороны часть сада
была совсѣмъ дикая , окружаю-
щая храмъ гошическій , съ дру-
гой стороны грунтъ земли на
нѣсколько десятиновъ усѣянъ ку-
чами пусыхъ дикихъ камней ;
нѣкошорыя сшупеньки , вырабо-
шанныя вѣ крушомъ каменисшомъ
берегу , сопровождали къ грошу ,
находящемуся вѣ низу одной
высочайшей каменной горы ; грубо
изваянный на камнѣ кресшъ , и
осшашки жеспкаго одра , возвѣ-
щали древнее пусынишесшво.
Пещера была на берегу моря ; на
возвышеніи и вѣ низу оной были
каменишныя горы , киркою изры-
шныя , обѣ кошорыя волны съ
жеспшосшю ударялись . На низ-

кой и круглою дверю находилъ гладкій камень; на ономъ видимы были спихи шворенія Діа: „Часто пустынный, въ минушу, когда ночь въ глубокой шемношъ своей, и среди молишъ его, съ ужасомъ внемлешъ звукъ ошъ руки времени, попирающаго высокія башни, копорыя упадающъ съ шрескомъ, грому подобнымъ и до обшпалища луны возносящимся. „

Попеченіями Аминшы садъ скоро принялъ видъ гораздо пріятнѣйшій, одръ пустытника былъ поправленъ, пещера его, украшенная раковинами и морскими расшеніями, сдѣлалась сладостнымъ губъжищмъ; деревья были очищены, аллеи освобождены ошъ спѣсняющихъ ихъ шерновыхъ кустовъ, выметены и пескомъ усыпаны; и даже олтарь маленькаго гошическаго храма украшенъ былъ гирлянда-

ми и фешонами, сдѣланными Аминпою изъ цвѣшовъ, купленыхъ ею въ обители Святыя Екашерины.

Часпо пускалась она по излучистымъ провинкамъ горы, и преслѣдуя ихъ, гораздо ошъ замка удалялась. Съ высоты сей любила она видѣть волны моря, блискающія ошъ солнечныхъ лучей, ошъ которыхъ защищаема была густыми лиспвіями. Но ни удовольствія сія, чада воображенія, ни сладостныя прогулки, ни домашнія заботы, не заспавляли ее забывать нужды спраждущаго человѣчества, кошорымъ могла она какое либо податъ облегченіе: она посѣщала убжище бѣдности, и доставляла всевозможныя пособія, какія шолько посредственное состояніе ея давало въ руки ей. Нищета, столь всеобщая и столь великая въ народъ, не шолько сосрадашіемъ

наполняла ее , но и удивленіемъ. Она не могла понять , какимъ образомъ свобода и плодородная земля не доставляли всѣмъ жителямъ довольства и благополучія. Опецъ ея, кошорому она сообщила свое удивленіе, объяснялъ ей, что бѣдности крестьянъ главнѣйшимъ было дѣйствіемъ удаленіе владѣтелей отъ областей своихъ. Доходы ихъ, говорилъ онъ, расщочающся на отдаленныя помѣстья , вмѣсто того , чтобъ обогащать ими землю , снабдившую ихъ оными. Приблизко разсмотрѣвъ, собственная ихъ выгода долженствовала бы привлекать ихъ во владѣнія , имъ принадлежащія. Полугодовые доходы ихъ, такъ употребленные, обрашились бы въ прибытокъ бѣднымъ подданнымъ ихъ, коихъ трудами оныя производящся. Возбуждая въ нихъ благодарносшь , оживотворили бы раченіе ихъ; и еще луч-

шимъ бы владѣніе и для самаго помѣщика соснавили.

Облака , продолжалъ онъ , которая составляются изъ шума-новъ и паровъ , съ земли поднимающихся , дождями и росою опяшь низпадаютъ для прохлажденія и плодородія нѣдръ ея , изъ коихъ они берутъ свое начало. Большая часть растений обогащаютъ землю , воскормившую ихъ ; ибо Природа въ работахъ своихъ вездѣ даетъ человѣку примѣры и уроки. Но невольникъ мопозсхва , онъ не умѣетъ ни вяшь , ни послѣдовать имъ , и онъ шого иссушаетъ для себя изобильный источникъ удовольствій шакихъ , какъ шю , чшобъ ушлаждашь шягосши прудолубиваго человѣка , воздвизашъ бодрость унылаго до-шоинсхва. О ! сколь сіи наслажденія превыше шѣхъ , какія могутъ доставить гордость и расшоченіе ! Настоящее блаженство

оставляюшѣ для пустой пѣни, называющейсѣ удовольствіемъ, которое на одну минушу объемлюшѣ, да и сію же минушту ядовитую стрѣлою оно пронзаетъ грудь ихъ. Сердце, утѣшающеесѣ домашними наслажденіями, высылаетъ къ небесамъ благочестивый гласъ благодарности, смягчающеесѣ при видѣ нещасія — сіе-шо сердце одно можетъ вкушать истинныя и продолжительныя удовольствія. Бодротъ, съ каковою бѣдные поселане сносятъ недостатки свои, есть для насъ самихъ примѣръ, долженствующій остановитъ наши рошпанія, когда постигаетъ насъ какое бѣдствіе. Они перепятъ, не жалуясь; и шопъ, у ко-го есть на зиму кучка хвороспу, яма земляныхъ яблокъ, корова, свинья и нѣсколько куръ, считаешъ себя щастливымъ подъ соломенною кровлею, кошорую

дѣлишь иногда съ скопомъ своимъ.

Часто занимала Аминшу сладчайшая мысль. Она представляла себѣ Лорда Моршимера пріѣзжающаго жить въ Карбери - Каспль, уничтожающаго избытки крестьянъ, дабы на мѣсто оныхъ соорудить имъ здоровые и чистые домики; обѣзжающаго поля съ благошворнымъ намбрениемъ, кошорое не медлишь исполняшь рукою милосердія, возвращая здоровый цвѣтъ щекамъ, отъ нищеты поблекшимъ, и приводя удовольствіе и веселость въ шѣ мѣста, гдѣ оныя уже съ давнихъ временъ не извѣстны. Наконецъ представляетъ себя сопровождающую его въ сихъ благошворныхъ пусяхъ, свидѣтельницаю всѣхъ движеній души, чувствительности преисполненной.

Въ одно утро, когда была она занята симъ сладчайшимъ размышленіемъ, вдругъ исторгается изъ онаго приходомъ Килькорбановъ и Лади Грейспокъ въ ея уборной кабинетъ, гдѣ она работала. О моя любезная! вошедъ вскричала спаршая сестра: мы сообщимъ вамъ очень хорошія новости. Опгадайте, кто прибылъ шеперь? Дядюшка вашъ, мѣшущка и сестрица. Севодни поушру изъ Дублина нарочной прѣхалъ къ домоправителю, съ повелѣніемъ, къ будущей недѣлѣ въ надлежащемъ порядкѣ комнаты приготовишь. Я вамъ очень завидую, сказала младшая Миссъ Алисія, въ удовольствіи, кошорое вы будете имѣшь, увидя ихъ. Амивша покраснѣла, и смущившись сказала: не знаю почему вы можете такъ опгадывать; ибо я ихъ еще не знаю.

Ахъ, Боже мой! вскричала Мисприссѣ Килькорбанъ: эшо право забавно. Какъ! вы не знаете вашихъ родныхъ! Но можешъ бышь они всегда жили въ Шотландіи, и вы не осмѣливались для посѣщенія ихъ предпринять пушь по морю? Есшьяли сіе шолько препятшвіе, сказала Лади Грейсшокъ, лукаво усмѣхаясь невѣденію Мисприссы Милькорбанъ, не допускало Миссѣ Амншпу изъ Англіи пробхашъ въ Шотландію: шо она бы легко успокоилась, взглянувъ на карту, гдѣ бы увидѣла, что въ пуши семъ не было моря.

Вошъ хорошо! прервала Мисприссѣ Килькорбанъ, а я никогда и не подумала объ эшомъ. Но съ позволенія вашего, Миссѣ, могу ли спросишь васъ: для чего же вы чрезъ письма не познакомились? — Вамъ мало прибыли знать

причину тому, съ холодностію сказала Аминша.

Говорящъ, что Лади Евфразія Сушерландъ совершенная особа, сказала Миссъ Килькорбанъ; слѣдовательно переписка съ нею должна бытъ весьма пріятна; вы же сами такъ хорошо пишете. Когда вы оставите Карбери - Каспль, то я васъ прошу сдѣлать милость писать ко мнѣ; ибо я больше всего люблю спрашно имѣть умную переписку.

Я тому не удивляюсь, сказала Лади Грейшпockъ; ибо вы имѣете все нужное для поддержанія шикого разговора.

Любезная моя! прервала Миссъ Килькорбанъ: мы дадимъ прелестнѣйшій въ свѣтѣ балъ. Батюшка въ томъ совершенную предославляетъ намъ волю. Я думаю, сказала Миссриссъ Килькорбанъ, что это будетъ ужасное безпокойство. Но дочь, не вни-

мая замѣчанію мащери, продолжил: намъ надобно-выписашъ изъ Дублина поваровъ, кандитеровъ. Мы хошимъ, чшобъ все было лучшее, и пригошовилось бы къ прешьему дни по прїѣздѣ сюда Маркиза и Маркизы. И пакъ, моя любезная, вы и вашъ бапюшка конечно будете гошovy. Сестра и я выписываемъ себѣ изъ Дублина бальныя плащья. Я не хочу дашь вамъ поняшіе ошомъ, чшо мы заказали; вы шѣмъ лучше будете удивлены до восхищенія. Всѣ, кто ешь лучшіе здѣсь, всѣ на нашемъ празднествѣ будущъ; надобно, чшобъ и вы сколько нибудь позабошились пригошовишься къ оному.

Природа, сказала Лади Грейшокъ, была столь щедра въ разсужденіи Миссы Фишзаланъ, что она не имѣетъ нужды дѣлать шакія прїугошовленія. Ахъ, Боже мой! вскричали дѣвицы

покачавъ головою: конечно Миссѣ Фишзаланѣ не столько глупа, чтобъ не одѣшья такъ, какъ всѣ; но со всѣмъ тѣмъ, сказали онѣ, вставая съ своею матерью, и дѣлая поклонъ гораздо жеманнѣе и холоднѣе обыкновеннаго, ей самой осмѣешь судить о томъ.

Фишзаланѣ съ самаго брака своего не видалъ Маркизу, да и не желалъ съ тѣхъ поръ видѣть ее. Безчеловѣчье, съ копорымъ поступила она съ своею сестрою, злосць, употребленная ею къ умноженію гнѣва отца ея прошивъ бѣдной Мальвины, пакую подало ему мысль о любви къ самой себѣ и нечувствительности сей женщины, что возчувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Онѣ признавалъ ее грабительницею дѣшей его, причиною смерти нѣжной супруги своей, а чрезъ то и

шворцомъ прешерпѣнныхъ имъ спраданій. Негодованіе его къ ней не было еще погашено ни богобоязненными чувствами его, ни временемъ.

Г Л А В А 8.

Маркизъ Росливъ и семейство его съ великою свисою при были въ Ульшеръ - Лоджъ, и принимали многочисленныя посѣщенія отъ особъ спраны шой, и между прочими отъ Килькорбановъ, кошорымъ богашство ихъ придавало много важности. Г. Килькорбанъ гораздо болѣе про шиву прочихъ спѣшилъ засвидѣ шельствовать свое почтеніе Мар кизу, кошорой, имѣя въ кошорую власшь въ одномъ городкѣ, могъ сдѣлать его членомъ въ судѣ. Онъ былъ уже ошривушъ, когда

въ послѣднемъ выборѣ представ-
ляя себя за кандидата; и такъ
сей-по одинъ случай оставал-
ся ему къ достиженію шоль
горячо желаемаго имъ пункта.
Онъ соглашался, что дарованія
его въ краснорѣчїи весьма не ве-
лики были, и часшо говаривалъ,
что хошя языкъ его не былъ
столько остръ, какъ у многихъ
другихъ людей, но что онъ
могъ шочно шакже шопнуть но-
гою, и замѣчать изъ глазъ при-
сущствующихъ господъ, какого
миѣнія бышъ надлежало (*); и
на послѣдокъ весьма ему важнымъ
казалось шо, что полагаалъ онъ
чрезъ выборъ сей умножишъ къ
себѣ уваженіе въ шой странѣ.

Выѣхавъ изъ Ульшера, гос-
пожи Килькорбаны заѣхали въ

(*) Въ Ирландїи женщины при-
сутствуютъ въ галлерей общаго
Собранія.

Карбери - Каспль ; онѣ вошли шу-
да сѣ важнымъ видомъ, котораго
прежде не принимали на себя , и
которой онѣ думали имѣшь пра-
во взять послѣ сдѣланнаго ими
посѣщенія. вмѣсто того, чшобѣ
спѣшить къ Аминшѣ , какъ - по
обыкновенно дѣлали, онѣ разсѣя-
лись по комнашѣ. Послѣ легкаго
и все ихъ жеманство изображаю-
щаго полкона , онѣ бросились на
софу, посшавленную прошивъ зер-
кала, вѣ которое не переспавали
онѣ глядѣшся , продолжая при-
помѣ рѣчь о замѣчаніяхъ, учи-
ненныхъ ими касательно одеж-
ды Лади Евфразіи. Подлинно Али-
сія , сказала Миссѣ Килькорбанѣ
сеспрѣ своей , я могу сдѣлать
такое же упреннее платье, какъ
у Милади. Наипрекраснѣйшая
вещь эша оборка около шеи изъ
шонкаго кружева, и эша блѣдно-
голубая шелковая подкладка со-
вершенно идешѣ въ нѣжному цвѣ-

пу въ лицѣ. Я думаю, Шарлопша, перехватила младшая, что я велю сдѣлать мое шитое кисейное платье съ того же образца; да только подкладку положу темнокоричневую, чтобы лучше шитье ошлячалось.

Ваша шепушка, моя любезная, сказала Мисприссѣ Аминшѣ, кажешся истинно достойная женщина, и дочь ея прекрасная особа.

О! сказали дочери, это прелестныя творенія, такъ ловки и такъ обязательны!

Ваши мнѣнія не сходны съ моими, сказала Лади Грейснокъ, о ловкости и пріятности Ульшерскихъ Госпожъ. Я думала, продолжала она, что Г. Килькорбанъ боялся, чтобы Марвизъ се-водни же не отправился въ Англию: только онъ шоропилъ насъ и завтракать и садиться въ карету, хотя бы можно ему

было знашь, что не мудроно ша-
кимъ образомъ привезши насъ
прежде часа, въ кошорой люди
большаго свѣта могушъ показы-
вашься.

Лошади наши скакали во
всю прышь, равно какъ бы дѣло
соспояло въ спасеніи чьей ни-
будь жизни; а какъ мы пріѣха-
ли, то ввели Г. Килькорбана въ
кабинетъ къ Маркизу, а насъ
въ пущую комнашу, гдѣ мы
должны были забавляшься раз-
смашриваніемъ фамильныхъ пор-
шретовъ. Тутъ слышали мы всѣ
спрунки въ движеніѣ; служанки
и слуги по лѣспиницамъ взадъ и
впередъ бѣгали; кошки, соба-
ки, обезьяны, попугаи, кошорые
казалось были въ свитѣ луше-
шесшвія, визжали, лаяли, вор-
чали, кричали въ сосѣдственной
комнатѣ. Наконецъ предсталъ
маленькой лакей, очень распудре-
ной, и сказавъ намъ, что Госпожи

были готовы имѣть честь принять насъ, ушелъ, прыгая взлещалъ на лѣстницу черезъ чешыре сшупени. Для принятія насъ Маркиза опсшупила два шага опъ софы, а Лади Евфразія до половины приподнялась съ своихъ креселъ, и приспально съ минушу посмошрѣвъ на насъ, какъ будто бы для шого, чшобъ увѣришься, шочно ли мы были словесныя живопныя, опяшь приняла свое прежнее разслабленное и жеманное положеніе, и продолжала разговоръ свой съ однимъ знашнымъ молодымъ челвѣкомъ, кошорой изъ Англии съ ними пріѣхалъ.

Сей молодой челвѣкъ по крайности, вскричала Миссѣ Килькорбанъ превозносишельнымъ голосомъ, вы вѣрно согласишесь, чшо прелестное швореніе? О! какіе глаза! какой пѣнишельной голосъ! я никогда не видывала

сшоль прекраснаго молодаго чело-
вѣка!

Дѣйствительно, сказала
Лади Грейсцокъ, Лордъ Мор-
шимеръ . . .

При имени семъ Аминша за-
препешала, краснѣла, блѣднѣла,
казалось шеряла дыханіе и спа-
новилась безмолвною ошѣ удивле-
нія. Чшо же эшо, Миссѣ Фиц-
заланѣ, сказала Лади Грей-
сцокъ, не дурно ли вамъ? — Нѣшѣ,
сударыня, ошѣвчала Аминша пре-
пещуцимъ голосомъ; эшо шоль-
ко біеніе сердца, кошорому я под-
вержена. Пролу меня простишь,
чшо я васѣ ошановила; пожа-
луйше извольше продолжашь. И
такъ я свазывала, опяшь при-
нялась Лади Грейсцокъ, чшо
Лордъ Моршимеръ пріятнѣйшій
и плѣнителинѣйшій челоувѣкъ,
какого я когда либо видала. Глаза
его, полны выраженія, казалось,
осуждали посшупокъ Евфразіи,

и онъ послѣ сего умножилъ своимъ намъ учтивости, что означаетъ благородную душу.

Сердце Аминцы претепшало ошъ радости при шоль искренной и горячей похвалѣ Лорду Моршимеру. Сладостная слеза, изъясненіе нѣжной любви, оросила рѣсницы ея, и гошова была выкашмишься изъ оныхъ.

Миссѣ Килькорбанъ, кошорой гордоешь оскорблялась сдѣланнымъ Аминшѣ повѣсшводаніемъ о холодномъ привѣсшствіи, съ какимъ семейсшво ихъ приняшо было въ Ульшер-Лоджѣ, желая оспоришь, сказала: Боже мой, сударыня! я не знаю, по чему вы находише, что недосшашочны для насъ были вѣжливосшь и уваженіе Лади Евфразіи; мнѣ кажешся, что она шолько слѣдовала обряду, кошорого ихъ спешени людямъ не лъзя не наблюдашь.

Я очень рада, моя любезная, прервала Лади Грейспокъ, что вы на сей случай воспользовались столь часшо мною преподаваемыми вамъ уроками о покорности.

Увѣряю васъ, Миссъ, сказала Аминшъ Мисприссъ Кизькорбанъ, что я не позабыла сказать Маркизъ, что здѣсь въ сосѣдствѣ находишся племянница ея. Она мнѣ нѣсколько холодно ошвѣчала; я и полагаю какуюнибудь ссору между семействами, кошорая можетъ бышь ошъшого происходишъ, что вы имъ не сдѣлали посѣщенія; но на нашѣмъ счетѣ все сіе поправишся. Аминша: ничего не ошвѣчала, и Госпожи уѣхали.

Полученное ею извѣстіе о пріѣздѣ Лорда Моршимера въ сосѣдство, причинило ей, какъ шо легко можно вообразишъ, великое движеніе; но удовольствіе,

о т ъ ш о г о е ю возчувствуемое, ослабѣвало по мѣрѣ, какъ размышляла она, что онѣ былѣ корешко знакомѣ, а спашься можешѣ и друженѣ съ членами шакого дома, кошорой способствововалѣ излншь всѣ несчастія на ея семейство, и по всеобщей молвѣ свойство ихѣ шаково, что имѣ бы не прошивно было, когда бы дѣши гонимой ими женщины были столько же, какѣ она, несчастливый. Хошя бы онѣ и не считали за нужное вдохнушь Лорду Моршмеру какое либо прошивѣ нее предубѣжденіе, довольно для нихѣ было знашь, что она дочь Мальвины, дабы преслѣдовашь ее со всею жестокостію. А хошя бы онѣ и не обращали на нее гоненія, Лади Евфразія, всѣми выгодастями знанности и богатства одаренная, безѣ сомнѣнія привлекла уже, или привлечешѣ приверженность чловѣка, коше-

рой прежде приобрѣлъ всю нѣжность Аминшы.

Скоро однако же укоряла себя за сіи мнѣнія, какъ за обижающія Лорда Моршимера, кошораго свойство, говорила она сама себѣ, надмѣру благородно, чшобъ бышь непосредственнымъ, шогда, какъ къ перемѣнѣ ему я сама никакой причины не подавала.

Иногда ободряла она унылый духъ свой, возвращаясь къ любимымъ ея размышленіямъ о возможности приближенія ея къ Лорду Моршимеру. Мѣсто наспоящаго пребыванія ея было шайною для Эдвиновъ, кошорыхъ письма къ Аминшѣ всегда надписывались въ опдаленный опъ Карбери-Каспля городъ, куда шакже оныя и опъ нее опсылались: но она льстилась, чшо случай досшавилъ ему свѣденіе о шомъ мѣстѣ, гдѣ она была, и дабы избѣжашь подозрѣнія, кошо-

рое бы въ мысли Лорда Шербюри могло произойти ошъ путешествія сына его въ Ирландію. Сей сдѣлялъ видъ, будто желаетъ сошоваищесшвовашъ ф а м и л і и Маркиза Рослина; пріѣхалъ лично увѣришься, сохраняешь ли она къ нему привязанность, и испросишь согласія Фишзалана, прежде нежели сообщишь намѣренія свои Графу.

Тогда, какъ она такимъ образомъ колебалась между страхомъ и надеждою, Елена блѣдная и запыхавшись вѣжала въ комнату ея и вскричала: онъ здѣсь! онъ здѣсь! Лордъ Моршимеръ здѣсь!

О Небо! вскричала Аминша, распроспершись на своихъ креслахъ и опустя руки свои. Елена испугалась, и укоряя себя въ своей поспѣшности, бѣжитъ къ шкафу, и доставъ о ш ш у д а доделобану, даетъ ей поцѣловать,

прешъ онымъ виски, и спарася помогашъ ей подойши къ окну, Я шакъ смушилась, говорила сія добрая дѣвушка, увидя, что госпожа ея пришла въ чувство; право не знаю, что я дѣлала. Богъ мнѣ въ шомъ свидѣтель, что возвращеніе бѣднаго Шипа не столько бы мнѣ принесло удовольствія; я проходила нижнюю залу, какъ увидѣла, что Лордъ Моршмеръ сходитъ съ лошади. Ежели бы я увидѣла какогонибудь изъ сихъ древнихъ героевъ, которые шакъ меня пугающъ, что я ввечеру по залѣ пройши не смѣю, вышедшаго изъ стѣны, гдѣ въ уснухъ они пославлены: то бы я не болѣе успрашилась. Побѣжала я въ маленькую пріемную, и слышала Милорда, спрашивающаго Г. Фишзалана. Звукъ его голоса обрадовалъ сердце мое; потому что вѣдь это старой другъ, и какъ

онъ вошелъ въ кабинетъ Г. Фриш-залана, но я и побѣжала. По мнѣнію моему ничего не мудрено опгадаться, о чемъ они говорятъ.

Движеніе Аминшы еще умножилось: она шакъ дрожала, что стояшь не могла; видѣла она, что ея судьба и благополучіе всей жизни ея отъ сей минушы зависѣло. Тщешно принуждала себя успокоиться. Сіи часы шакого ожиданія гораздо шажелъ, нежели по вообразить себѣ возможно; оно причиняло ей смятеніе, кошорое умѣришь было не удобно.

Около часа пребывала она въ семъ мучительномъ положеніи, какъ вдругъ голосъ Лорда Моршимера прозвалъ слухъ ея. Она запрепешала, и подошедъ къ окну, увидѣла Лорда Моршимера сопровождаемаго отцомъ ея до одной калишки, гдѣ ожидаемъ былъ людьми и лошадьми свои-

ми. Тушѣ просился онѣ съ Фитзаланомѣ; такимѣ образомѣ исчезла надежда Аминшы къ свиданію съ Моршимеромѣ. Сердце ея величайшее ощущало стѣбсненіе, и изобильныя проливала она слезы.

Блена, находясь вѣ шой же комнатѣ, была почти сполько же разспроена, какѣ и Госпожа ея; ворчала что-то о непостоянствѣ мужчинѣ, копорые, говорила она, всѣ одинаковы, и какѣ Шипѣ, во всякихѣ случаяхѣ были обманщики. Колоколѣ призывалѣ Аминшу къ обѣду; она отерла слезы и надѣла шляпу пониже, дабы не примѣтно было, что она плакала. Слѣ отца ея однакожь не упало смущеніе сіе; онѣ полагалѣ, что не безвизвѣсна она была о сдѣланномѣ ему посѣщеніи. Увидя Лорда Моршимера, не удивлялся онѣ о нѣжной привязанности, возчувствуемой

къ нему Аминшою. Благородный и ошкровенный видъ молодого человека шощчасъ предварилъ въ его пользу Фишзалана. Онъ нашелъ его одареннымъ всѣми качесшвами, способными произвешъ въ душѣ чувствительной продолжительное и швердое впечатлѣнiе. Спеналъ, помышляя о жестокой необходимости, нудящей его различить два сущесшва, кошорыя казалось одно для другаго были созданы; но какъ сiя препона не должна и не могла бышь разрушена, шо опецъ радовался шому, што Лордъ Моршимеръ, прѣхавъ въ Карбери-Касшль, вмѣстѣ шо шо, шобъ гоюришь ему о его дочери, рассуждалъ съ нимъ шолько о дѣлахъ, и не иначе спросилъ о Аминшѣ, какъ съ холодноспiю, заштулившею мѣсто побѣжденной любви, и не упомянувъ ни слова о письмѣ, въ кошоромъ сообщалъ Фиш-

залану намѣренія свои въ разсужденіи Аминшы ; изъ чего заключалъ Фишзаланъ, что Лордъ Моршимеръ оставилъ мысль о дѣвицѣ небогашой , и обратился исканія свои къ другому предмету.

Симъ предпочитаемымъ предметомъ мнилась ему бышь Лади Евфразія Суперландъ, о которой Лордъ Шербюри говорилъ ему какъ о преыгодной для сына своего паршіи , и для которой казалось, что онъ и путешествіе въ Ирландію предпринялъ.

Не имѣлъ онъ духу таковыя размышленія сообщити дочери своей ; ему лучше хотѣлось, чтобъ она собственными своими примѣчаніями до того доведена была. Надѣялся, что такимъ образомъ самолюбіе Амингы придетъ ему на помощь одержавъ побѣду надъ ея привязанностію. Обѣдъ прошелъ безъ разговоровъ. Когда служители удалились , Фишза-

ланъ рѣшился облегчить замѣчаемую имъ скорбь ея, и говорилъ ей о посѣщеніи Лорда Моршимера. Онъ пріѣзжалъ, сказалъ онъ, единственно для того, чтобы посмошрѣть, въ какомъ состояніи замокъ находился. Можно сказать, что онъ прямо любезный и разсудительный молодой человекъ, кошорой сосшавишъ честь своей фамиліи; давно уже желалось ему, говорилъ онъ мнѣ, посѣтить владѣніе, кошорое было ему любезно воспоминаніемъ проведенныхъ въ ономъ первыхъ лѣтъ его, да и пошѣму, что мать его лшшъ родилась и любимое пребываніе здѣсь имѣла. Нашедъ случай сдѣлать сіе пушешествіе въ пріятной компаніи, онъ не могъ еще на долго отлагать досшавленіе себѣ сего удовольствія.

Лордъ Моршимеръ, прибавилъ Фришаланъ, говорилъ о своей машери съ испиннымъ уваже-

ніемъ и прогашельною вѣжно-спію. Тонъ голоса его, и омоченныя слезами глаза, означали миѣ сердце, преисполненное чувствительности. Памяшь матери сей столько же почтенна добродѣтелями сына ея, какъ и похвалами, ей распочаемыми. Морши-меру сказано, что замокъ былъ въ совершенномъ разрушеніи, и для него весьма пріятная предшала нечаянность, когда нашелъ его въ столь хорошемъ положеніи, какого столько можно ожидать ошъ сего древняго зданія. Не надѣялся онъ найти никакихъ слѣдовъ прилагаемаго о немъ попеченія, и чрезмѣрно радовался своей въ томъ ошибкѣ; каждое мѣсто приводило ему на мысль пріятныя воспоминанія: наиболѣе ошановилъ онъ на маленькомъ гошическомъ храмѣ, и нѣсколько времени наблюдая молчаніе: о! сказалъ онъ, какія бла-

женныя минушы препровождалъ я здѣсь съ наилучшею изъ женщинъ! И подлинно, любезная Аминша, съ ошмѣннымъ вкусомъ убрано шобрю мѣспо сіе; я шочно думаю, что Лорду Моршимеру очень хошѣлось похишишь какую нибудь розовую или лилейную гирлянду, копорыми шы оное украсила: шоль онъ усердно смошрѣлъ на нихъ! Аминша покрасѣбла, а ошецъ ея, безпрешанно чишая въ глазахъ ея ожиданіе и любопышшшо, продолжалъ: Лордъ Моршимеръ обзорѣвалъ шакже другія часши владѣнія сего; и по сдѣланному имъ объашненію въ разсужденіи желаемышъ имъ шушъ расположеній, не думаю я, чтобы онъ ошашъ въ замокъ возврашился, или бы долго въ спранъ сей пробылъ.

Послѣ разговора сего Физзаланъ пошелъ въ свой кабинетъ, а Аминша шешчасъ ошправилась

въ садѣ, и спѣшила придти въ маленькой храмѣ. Никогда не находила она его споль величественнымѣ; никогда не предспавлялся онѣ ей сполько украшающимѣ мѣста сіи. Молчаніе Моршимера при входѣ въ оной не казалось Аминшѣ, шакѣ какѣ Фишзалану, причиною единспвеннаго воспоминанія о благополучіи, копорое вкушалѣ онѣ подлѣ мащери своей. Нѣшѣ! говорила она, въ семѣ мѣстѣ онѣ шакже помышлялѣ и обо мнѣ.

Правда однако же, что Моршимерѣ не иначе говорилѣ Фишзалану о Аминшѣ, какѣ съ равнодушіемѣ; но равнодушіе сіе могло бышѣ дѣйспвіемѣ досады. Поспѣшно скрылась она изѣ Валлискаго Княжества, дабы убѣжашѣ его, обходясь съ нимѣ прежде шакимѣ образомѣ, копорой давалѣ ему нѣкошорое право надѣяшѣся бышѣ увѣдомлену о

ея предпріятыяжъ, и съ тѣхъ поръ совершенно оставила его. Аминша льспилась, что сія была истинная причина холодноспи Моршимера, и что объясненіе, которое она при первомъ свиданіи была въ состояніи доставить ему, подѣйствовало бы къ ихъ примиренію. Опецъ ея, нѣжностью къ ней преисполненный, ею шолько могущій бытъ щасливъ, предваренный въ пользу Моршимера, не вопрошившися бы долѣе соединенію ихъ; позволилъ бы Моршимеру ошкрышися въ помъ Графу Шербюри, а сей безъ сомнѣнія поступилъ бы въ семъ случаѣ, какъ и всегда по дѣлывалъ, шо' ешь шакъ, какъ нѣжный опецъ и безкорыстный человекъ.

Такъ - шо Аминша, питая мѣбнія согласныя съ ея желаніями, спаралась забыть упрямъ испытанныя ею прошивности.

Фитзаланъ, бывъ вмѣстѣ съ своею дочерью во время чаю, не удивлялся тому, что она уже посѣтила маленькой храмъ; но странно ему казалось видѣть необыкновенный ей веселый видъ. Довольно извѣстно ему было сердце человеческое, дабы понять, что не иначе могла она разсѣять упренною печаль, какъ съ помощію какой нибудь лестной обманчивости, къ прогнанію кошорой полагалъ онъ лучшимъ средствомъ доставить ей съ Лордомъ Моршимеромъ свиданіе.

Снова еще помышляя о своемъ сего молодого Лорда, и о томъ, что слышалъ онъ отъ Лорда Шербюри, болѣе увѣрился, что Лади Евфразія не только была назначена Лорду Моршимеру, но и составляла также предметъ его исканій. Думалъ онъ притомъ, что посѣщеніе Карбери - Каспля отъ Моршимера

было почнымъ намѣреніемъ, чрезъ холодное обращеніе возвѣспишь перемѣну чувствъ его, и сямъ погасишь всѣ надежды, кошорыя бы сосѣдственное пребываніе его могло возродишь и поддержашь.

Колебался онъ согласишься на приглашеніе Килькорбана; но рѣшился ѣхашь шуда и взяшь съ собою дочь свою, за вѣрное полагая, что она сама шакже увѣришя о перемѣнѣ къ ней Моршимера; нужно было досшавишь ей сіе доказашельство.

Съ великою нешерпѣливостію ожидала Аминша шого вечера, въ кошорой должно познашь ей, что было основашельнѣе, надежда, или страхъ ея.

Г Л А В А 9.

Наспунилъ наконецъ сей шоль желанный вечеръ. Съ великимъ движеніемъ одѣвалась Аминша. Глядяся въ зеркало, ободрялся духъ ея. Елена, кошорая великое принимая участие въ шомъ, чшобъ Госпожа ея показала на балъ лучше всѣхъ, обьяснила, что Аминша возбудилъ ревность во всѣхъ Ирландскихъ Госпожахъ. Да и Фитзаланъ, взглянувъ на нее, удивился, видя ее шоль прекрасну; съ шакимъ восхищеніемъ взиралъ на нее, кошорое извлекло слезы изъ глазъ его. Тайное нѣкое ощущалъ онъ шщеславіе, показашъ Маркизъ сію неуважаемую ошпрасль нещасливой сесшры ея, шоль прекрасно возросшую и шакъ цвѣшущую, кошя и пошрогана въ шромъ нищеты и бурю злощасія.

Нѣшѣ, говорилъ онѣ самѣ въ себѣ, ежели бы прелести Евфразіи и могли поспоришь прошиву Аминшиныхѣ, но уже превзойши оныхѣ не возмогушѣ. Крошосшь и невинносшь изображающся на челѣ моего дышаши, а Лади Евфразія предосшавила Маркизѣ свойсшво свое и надменный взорѣ свой.

По пріѣздѣ въ Гранжевилѣ, нашла Аминша всѣ пробѣзды наполнены карешами. Домѣ былѣ весь освѣщенѣ, и возвѣщаль себѣ обшпализемѣ великолѣпія и удовольсшвія. Восходя на лѣшницу, она дрожала; хошѣла на минушу осшановишсья, дабы успокоишь себѣ, но дверь ошворилась, и Мисприссѣ Килькорбанѣ шла къ ней на вспрѣчу, чшобѣ приняшь ее. Зала хошя величайшая, но была наполнена: оная украшена была фешонами изѣ цѣшовѣ, и освѣщена велм-

кимъ множествомъ огней. При входѣ былъ оркестръ, а впереди Маркиза со всѣмъ своимъ обществомъ. Сердце Аминшы сильно билось, когда подходила она къ Миссриссъ Килькорбанъ, и движеніе ея голосъ пресѣкло. Однако же припоминая себѣ, что была примѣчаема Лордомъ Морпимеромъ, и что недоброхотные взоры ея надменныхъ родсвенницъ были на нее усмирены, воспріявъ свою бодрость, съ пріятною важностію прошла залу. Многимъ особамъ собранія она была не извѣстна, и шакъ слышишъ всеобщій шопотъ: кто сія прекрасная особа? и безчисленные выраженія похвалъ съ стороны мужчинъ, между коими находилось довольно число Офицеровъ изъ гарнизона, въ ближнемъ городѣ стоящаго. Смущенная привлекаемымъ ею вниманіемъ, сбѣшила она занявъ первый сво-

бодный стулъ, кошорой былъ подлѣ шого, на коемъ сидѣла Маркиза.

И дѣйствительно всеобщее возбудила она удивленіе, особливо между мужчинъ, красошою своею, нашуральными пріятношмями, и просшошою одежды своею.

На ней было шафшяное все одинакое плашье, креповой че-пецъ, сдѣланный шюрбаномъ, съ висящими перьями. Не было дру-гаго украшенія, кромѣ жемчуж-наго ожерелья, на кошоромъ ви-сѣлъ поршрешъ ея машери; на юбкѣ вышита шелками неболь-шая кайма, изображающая лав-ровые листья и серебряные цвѣ-точки. Изобильные волосы, съ природы блестящаго цвѣта, буклями по плечамъ развѣвались, и придавали нѣкую пріятношь щекамъ, на коихъ бѣлизна зашме-валась крошкою шѣнію розы.

Какъ скоро она сѣла, замѣшательство ея уменьшилось : подняла она глаза и встрѣпила взоры Лорда Моршимера, копорой споялъ облокотясь на спинку креселъ Лади Евфразіи. Съ чрезмѣрнымъ вниманіемъ онъ глядѣлъ на нее; казалось желалъ проникнуть въ изгибы сердечныя, и познать, оспавалось ли шамъ для него нѣкошорое мѣсто. Она краснѣла, и опшвращая взоры свои, примѣпила, что была предметомъ насмѣшки Маркизы и Евфразіи. Онъ имѣли видъ злоспи, возмущающій ее; не могла она безъ ужаса взирашь на шу, копорая сполько способствовала несчастіямъ Мальвины. Правда ли эшо, говорила Лади Евфразія съ жеманнымъ видомъ и презрительною усмѣшкою молодому Офицеру подѣ нее споящему, правда ли эшо, что вы ее находите прекрасною? Прекрасною!

съ жаромъ прервалъ молодой человекъ; ахъ! я нахожу ее прелесною очаровашельницею.

Маркиза съ надменностію нахмурила брови; Лади Евфразія презрительно усмѣхнулась, качала головою и забавлялась своимъ вееромъ. Зависть и дурное свойство, которыя Маркиза оказывала въ молодости, были шаковы же и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ея; но уже не на свой счетъ, а для дочери своей была зла и завистлива. Дабы всѣ похвалы и все удивленіе собратъ на Евфразію, она бы съ радости увидѣла прекрасное лицо обезображеннымъ, и добрыя качества молодой особы непризнанными, и не пропустила бы ни единого удобнаго случая опорочить видъ, и озлословить свойства всѣхъ пѣхъ, которыя могли бы быть соперницы Евфразіи.

Таковыя чувства воспріяла она въ разсужденіи Аминшы, пошому что, не взирая на ослѣпленіе ея къ своей дочери, не могла она ушашь ошѣ себя преимущественно Аминшы, по крайности въ лицѣ. Лади Евфразію ожидало великое богатство, которое увѣряло ее навсегда въ великихъ почестяхъ; но почести сіи, не сопровождаемыя истиннымъ почтеніемъ и привязанностію, внушающія корыстію и составляющія дань лести. Какая разница между уваженіями сего рода, и шѣми, кои непринужденное удивленіе отдавало Аминшѣ! Безъ шипловъ, безъ богатства, была она преслѣдуема похвалами, и привлекла бы къ себѣ толпу обожателей, ежели бы смиренномудріе и уединенная жизнь ее ошѣ того не защищали.

Свойство Лади Евфразіи было шаково же, какъ и машери ея;

но видомъ сходствовала къ лицу своему. Роспомъ была она не велика, черты лица сжаты и грубы, что давало ей видъ гораздо старѣ Аминшы, хотя онѣ были однихъ лѣтъ. Съ великимъ ея богатствомъ она находила себя несчастною пошчасъ, какъ видѣла предъ собою такую особу, къ которой природа болѣе, нежели къ ней, щедрости оказала. Бывъ безпрестанно предметомъ лести, она находила себя по наружности довольно покойною; но во внутренности величайшую испытывала печаль всякой разъ, когда вспрѣчала какую нибудь женщину ниже своего чина и богатства, болѣе нежели она привлекающую къ себѣ вниманіе.

Она полагала на балѣ боже-ствомъ показаться. Всякое искусство, кое вообразишь можно, и всѣ изобрѣшенія моды были призываны къ вспомошествованію въ

убранствѣ , и входѣ въ ея залу былъ ею сдѣланъ со всею грубостію , какую шолько можешь дашь надменность , почтенное званіе и высокое мнѣніе о красотѣ своей. Она шла , какъ будто бы едва могла двигашься и поддерживашь нѣжные члены свои; помные глаза ея были полузакрышы. Весьма досадовала , увидя въ собраніи изрядное число хорошихъ женщинѣ; но уваженіе , ошдаваемое доспоинству ея , нѣсколько успокоило духъ ея. Нашла средство удержашь подлѣ себя Лорда Моршимера и Сира Карла Бинглей , молодого Офицера , о кошоромъ говорено уже. (Полковникъ полку , спящаго въ ближнемъ городѣ.) Веселость ея поддерживалась услужливостію двухъ наипрелестнѣйшихъ изъ всего собранія мужчинѣ ; и какъ надменная Сулпанша посреди своихъ невольницѣ поглощала похва-

лы, изшоргаемыя изъ ихъ вѣжливости, обращая къ нимъ рѣчи, ложною скромностію облеченныя. Но когда двери отворились, Аминша показалась, какъ сіяющій Ангелъ, въ одно мгновеніе разогнала пары щеславія и обманчивое самолюбіе, кошорое даетъ надменность. Лордъ Моршимеръ не разбвалъ ротъ свой, но взоры объясняли чувства его; а Сиръ Карлъ Бинглей, не имѣя тайной причины скрывать свои мѣнія, явно засвидѣтельствовалъ удивленіе свое въ вышеобъвленныхъ словахъ, на кошорыя Лади Евфразія ошвѣчала, какъ о томъ уже сказано.

Всякое объясняемое Сиромъ Карломъ восхищеніе ощущаемо было Моршимеромъ. Казалось, что душа его хотѣла вылетѣть къ Аминшѣ, дабы объяснить ей чувства его, и увѣрилась о шѣхъ, кошорыя она къ нему сохраняла,

и пожаловаться на ея съ нимъ пошупокъ. Но упало сіе первое движеніе нѣжности, какъ скоро приводилъ на память ученный противъ него пошупокъ. Съ какимъ безчеловѣчіемъ, съ какою неблагодарностію она убѣждала ошъ него тогда, какъ позволила ему сооружать наисладчайшія упованія! съ какою жестокостію предала его недовѣрчивости, гореспямъ и мученіямъ, оставя ему опасность какой либо обидной для него привязанности, въ которой ни она, ни отецъ ея признались не хошбли! Весьма далекъ онъ былъ ошъ мысли, чшобъ мнишельная нѣжность Фипзалана была единственною причиною побѣга Аминшы; онъ всегда обожалъ ее; не могъ и не хошблъ изгнать ее изъ мысли своей, прежде нежели увѣрился, что она недостойна была приверженности его. Смершель-

ною объявъ былъ неперпбливо-спію, имѣшь объясненіе о ея сокровенномъ посшупкѣ. Изъ Тудор - Галла ошправился онѣ въ Лондонѣ, всшревоженѣ и уныль. Нѣсколько времени спустя послѣ его пріѣзда, Маркизѣ Рослинь предложилѣ ему сошоварищесшво-вашь имѣ въ Ирландію; онѣ ошказался ошѣ сего, имѣя причи-ны думашь, что Лордѣ Шербюр и располагалѣ женишь его на дочери Маркиза. Графѣ объяснялѣ своему сыну, что такой ошказѣ ему нѣсколько прискорбенѣ. Онѣ ему говорилѣ, что желалѣ бы его пушешесшвія въ Ирландію для того, чтоошѣ получишь его мнѣ-ніе о сосшояніи Кашеля, куда онѣ ошправилѣ пожишь вѣрнаго человекѣ, на кошорато можно бы положишься, чтоошѣ засшавишь сдѣлашь сѣ бережливосшпію и раченіемѣ всѣ передѣлки и по-правки, какія бы расшудились за

нужныя и полезныя, и назвалъ ему Фишзалана. Весьма велики были движенія и удивленія Моршимера; однакоже онъ скрылъ ихъ, и съ видомъ равнодушія сдѣлалъ отцу своему вопросы о семъ человѣкѣ; и позналъ, что то былъ отецъ Аминшы. Не упомянувъ о ней ни мало, сказалъ, что такъ какъ Лордъ Шербюри споль усиленно того желаетъ, то онъ соглашается бѣжать съ Маркизомъ. Сей весьма былъ симъ доволенъ; ибо онъ и Графъ Шербюри согласились соединить обѣ фамилии бракомъ Моршимера съ Леди Евфразіей. Лордъ Моршимеръ имѣлъ нѣкошорое подозрѣніе о намѣреніи, а Леди Евфразія совершенно о томъ была увѣдомлена. Льстила щцеславію ея мысль, бытъ соединенной съ молодымъ человѣкомъ, заслуживающимъ всеобщую похвалу и уваженіе. Къ любви шущъ ни ма-

лыхъ не было видовъ ; ибо душа ея не была способна оную чувствовашь.

Что касаешся до Моршимера, то онъ осперегался подавашь надежды , кошорымъ удовольшворить никогда не имѣлъ желанія. Съ учшивостию посшупалъ онъ въ разсужденіи Лади Евфразіи , и всегда непремѣнно казался находить болѣе пріяшности въ разговорѣ съ машерью , нежели съ дочерью. Желалъ попушить намѣреніе сіе прежде произведешя его , и пощадишь самого себя ошъ шягости сдѣлашь явной ошказъ , хошя бы сердце его и свободно было ; Лади Евфразія никогда бы не была предметомъ его выбора. Ешъли бы позналъ Аминшу таковою же , какъ была она прежде , то бы счишалъ себя какъ обязаннымъ всѣми узами чести и любви , никогда кромѣ ея не имѣшь другой супруги ; но въ

поже самое время онъ рѣшился не внимашь гласу нѣжности въ пользу Аминшы, какъ тогда, когда онъ совершенно будещъ увѣренъ, что она не заслуживала пошерьять ее. Онъ прѣхалъ въ Карбери - Кастль, ушвердясъ въ намѣреніи увѣришь о его равнодушій, и ошнясъ у Аминшы всякую мысль о томъ, будшо онъ для нее въ Ирландію прѣхалъ. Не осперегался онъ оскорбишь нѣжность ея, естли она еще оную къ нему сохраняла признакомъ холодноши, кошорая послужила бы только маленькимъ мщеніемъ за скорбь, причиненную ему шоль безчеловѣчнымъ побѣгомъ отъ него; но рѣшился по томъ достигнуть до обьясненія, по кошорому бы впредь упорядишь свои прошивъ нее поступки.

Расположился провести весь вечеръ совершенно незнакомымъ Аминшѣ; но она казалась шоль

любезною, и Сирѣ Карлѣ былѣ къ ней сполько вѣжливѣ, что сполько разѣ покушался онѣ обнаружити истинное свойство, и разрушити принужденіе, на себя возложенное.

Маркиза и Лади Евфразіа не однѣ были особы, перзаемыя успѣхами Аминшы: двѣ Миссы Килькорбанѣ повергались шѣмѣ вѣ опчаяніе. Онѣ льстились на однѣхѣ себя всѣ похвалы привлечь, и шѣмѣ еще безчеловѣчнѣе были обманушы вѣ упованіяхѣ своихѣ, чѣмѣ болѣе употребляли на наряды свои заботѣ и убышка. Кѣ приговорамѣ шщеславія ихѣ во все продолженіе шуа-леша присоединялись похвалы матери ихѣ, которая всякую жинущу провозглашала: хорошо! хорошо! весьма шрудно будешѣ мужчинамѣ защищаться ошѣ споль опасныхѣ враговѣ!

Одѣшы въ плащя пестраго флера, и шацивъ за собою хвосты длиною болѣе аршина, съ шумомъ проходили залъ, чшобъ сдѣлать Аминшѣ привѣщивіе; увѣряли ее, что ради были увидѣться съ нею, но что онѣ сомнѣвались, здорова ли она, пошому что лице ея весьма было дурно. Аминша отвѣчала имъ, что она не чувствовала никакого извѣженія. Миссѣ Килькорбанъ сказала ей на ухо: съ самой шой минушы, какъ вы вошли, Маркиза спала очень невесела, и я боюсь, не дурно ли машушка сдѣлала, позвавъ насъ имѣшѣ. — Грубое сіе замѣчаніе пронуло Аминшу, и она ничего не отвѣчала. Когда сказала Миссѣ Алисія, что Лордъ Моршимеръ до безумія влюбленъ въ Лади Евфразію, то Аминша неволью подняла глаза, чшобъ найши Моршимера, и увидѣла подлѣ себя Сира Карла

Бинглей. Простишься ли мнѣ, сказалъ онъ, что попревожилъ споль прелестное шріо? Но солдашу случай надобно за волосы хвапашь; а сей споль благопріяшенъ желаніямъ сердца моего, что я могу спрашиться никогда не вспрѣшишь подобнаго. Миссѣ Килькорбанъ поправлялась при семъ разговорѣ, играла своимъ вееромъ, и благопріяшно усмѣхалась Сиру Карлу, никакъ не сомнѣваясь въ томъ, что онъ будешъ просить ее бышь ему парюю на первый конспр - дансѣ. Но пройдя между двухъ сесшрѣ, пріяшно Аминшѣ поклонился, и просилъ ее сдѣлашь ему чесшь ея рукою. Согласіе свое обѣяснила она ему прошкою улыбкой, и онъ сѣлѣ подлѣ нее во ожиданіи начала шанцовѣ. Обѣ Килькорбаны бросили на нихъ недоброхопный

взоръ, и удалились съ видомъ равнодушія и презрѣнія.

Лади Евфразія надбѣялась, что Сиръ Карлъ и Лордъ Моршимеръ будутъ спорить о ружьей, и до безконечности досадовала за отдаченіе перваго, а болѣе еще за преимуществво, сдѣланное имъ сестрѣ ея. Сиръ Карлъ былъ молодой и преисполненный живости человекъ. Она часто удоспоивала его своею благосклонностію, и желала поставитъ его въ число своихъ обожашелей, или присоединитъ къ шѣмъ, копорыхъ она считала оными. Одно только по крайности предложеніе Лорда Моршимера могло ее успокоитъ. Какъ лишь только обязался онъ ей, подошелъ молодой Килькорбанъ, и Лордъ Моршимеръ искренно сожалѣлъ, что онъ не допустилъ его предупредить себя. Молодой человекъ былъ въ оцѣ

чаяніи , знавшую Даму сію на-
шедѣ уже опозванною ; но по-
корно просилъ ее позволить ему
имѣшь высочайшую честь , на-
слѣдующій конпр - дансѣ полу-
чить ея руку ; что она ему же-
маннымъ и дерзкимъ пономѣмъ обѣ-
щала, ешьли , говорила она , въ
силахъ будетъ снести успа-
лосшь для другога конпр - данса.

Аминша и Сирѣ Карлѣ , Ла-
ди Евфразія и Лордѣ Моршимерѣ
были двѣ пары въ конпр - дансѣ
рядомъ стоящія . Аминша слу-
шала Сира Карла , разговоры ко-
шораго были живы и пріятны .
Лордѣ Моршимерѣ глядѣлъ на
нихъ съ прискорбнымъ внимані-
емъ . Лади Евфразія примѣчала
Моршимера ; видѣ ея и нѣкошо-
рыя коверканья лица довольно
означали ея неудовольствіе . Мор-
шимерѣ усиливался повелѣвать
собою и старался бышь вѣжли-
вымъ : но Евфразія , не удоволь-

сшвуюсь шѣмъ, что онъ относился къ ней, щилась также привлечь вниманіе Сира Карла: она обращала къ нему рѣчь, перебивая Аминшу; но всѣ усилія ея были напрасны. Мимоходомъ нѣсколько словъ говорилъ Евфразія, а глаза его не могли совращаться съ прелестнаго образа пары его. Трепепала рука Аминши, когда надлежало ее подавать Лорду Моршимеру; но сей, просягивая свою, убѣгалъ допрогиваясь до Аминшиной: шаковымъ презрѣніемъ пронзалось сердце ея! Она вздохнула, сама шого не примѣшивъ. Сиръ Карлъ улыбаясь спрашивалъ ее, куда сей вздохъ былъ посланъ?

Примѣчаніе сіе привело въ себя Аминшу; она воспріяла весельй видъ и поддерживала оный во весь осташокъ шанца. Когда онъ былъ окончанъ, Сиръ Карлъ проводилъ ее на шуль ближай-

шій онъ того, на кошоромъ сидѣлъ Лордъ Моршимеръ. Примѣчая, что сей часно усремлялъ на нее глаза, надѣялась она, что онъ будетъ просить ее танцовать съ нимъ. Сиръ Карлъ сожалѣлъ, что былъ уничтоженъ древній обычай, не перемѣняшь дамъ, и клялся, что онъ свою не оставитъ безъ того, чтобъ не общали ему прешій конгрдансъ. Она не могла ему въ томъ отказать. Въ самую ту минушу Моршимеръ оставилъ Лади Евфразію; прешало сердце Аминшы, видя его приближающимся. Онъ остановился; она чувствовала духъ ослабѣвающимъ; онъ бросилъ на нее другой взглядъ, и пошелъ прочь. Аминша преслѣдовала его глазами, и видѣла просящаго Миссу Килькорбанъ.

Жесточайшимъ было сіе ударомъ для Аминшы. Благоприспой-

нось , говорила она сама въ себѣ , дѣйствительно требовала , чтобъ онъ прежде танцовалъ съ Лади Евфразіей ; но когда бы онъ не былъ совершенно равнодушенъ , не оставилъ бы на другой разъ мнѣ предложиться ; я для него уже болѣе ничто : онъ не занимается , какъ только Евфразією и такими женщинами , которыя могущъ бытъ пріятны сему единственному предмету попеченій его . Многіе мужчины приходили просить , ее танцовать , но она отговаривалась усалостію , и пошла къ окну , чтобъ сѣсть одной , предшавляя видъ , будто со вниманіемъ смотритъ на балъ , но въ самомъ дѣлѣ погружена была въ печальныхъ мысляхъ своихъ . Окружные лѣса , освѣщаемые сіяніемъ луны , приводили ей на память Тудор - Гальскіе , гдѣ она столь часто при свѣтѣ семъ бродила , и гдѣ вѣчной вѣр-

ности обѣщанія получала; обѣщанія, въ сердцѣ ея запечатлѣныя, но во исполненію которыхъ никакой уже надежды не имѣла.

Танцы прервались; вся компанія пошла въ другую залу для прохладенія. Аминша, углубленная въ свои размышленія, не успѣла еще сего движенія замѣтить, какъ молодой Килькорбанъ подбѣжалъ къ ней, прыгая, дабы сказать ей, что она сколько шире была уединенна, какъ пустынный, и смѣючись ей въ глаза, съ безпримѣрною наглостію ушелъ отъ нее. Онъ еще и не взглянулъ на нее во весь вечеръ. Это было одно изъ шибкихъ несносныхъ насѣкомыхъ, которыя показываются только при сіяніи счастья. Надменный знакомствомъ съ Маркизою и Леди Евфразією, онъ не уважалъ Аминшою, не потому, чтобъ считалъ ее мало достойною вниманія его,

но для сдѣланнаго имъ замѣчанія, что не уваженіе сіе послужитъ средствомъ къ пріобрѣтенію благосклонности сихъ женщинъ. Аминша, увѣдомленная имъ, примѣшила, что она почти одна оставалась, и хотѣла пройши въ другую комнашу: нашла тамъ всѣ спуля заняшы. Близко дверей была Евфразія и двѣ Миссы Килькорбанъ, Лордъ Моршимеръ стоялъ облокотясь на спуль Милади, а молодой Килькорбанъ сидѣлъ подлѣ нее, и не помыслилъ предложитъ спуль свой Аминшѣ. Сія, сшоявши въ весьма не пріятномъ находилась положеніи. Сверхъ того она еще имѣла прискорбіе слыпашъ замѣчанія многихъ особъ о томъ, сколь странно было видѣть, что она не имѣетъ привѣшствія отъ столь близкой родни, какъ Маркиза Рослинъ. Она видѣла себя предметомъ переходшовъ между сооб-

щества, окружающаго Лади Евфразію, выключая Лорда Моршимера. Божусь вамъ, сказалъ молодой Килькорбанъ, что есть женщины, кошорыя берушъ на себя шакіе виды, ошъ коихъ ошказавшись, онъ бы гораздо лучше сдѣлали. Да, а особливо замѣчая приличность, сказала Лади Евфразія съ обычною ей надменноспію. Она бы могла, продолжала она, служишь образцомъ для изображенія надежды. Да, прервалъ Килькорбанъ, давши ей оперешся на якорь. Безподобно, отвѣчала Евфразія качая головою, а чрезъ шо и букли волосъ приводя въ движеніе и вскидывая помные глаза. Она бы шакже могла изобразишь задумчивости на надгробномъ зданіи, продолжалъ Килькорбанъ. Но, сказала Евфразія, нѣшъ ли для нее здѣсь какой печали, къ кошорой бы она приласкашься могла? Такъ, Ми-

лади, прервалъ онъ; есть оная для нее, но не угодная ей, по естѣшъ ша, что прелести ея совершенно затмили въ вашихъ.

Лордъ Моршимеръ, котораго глаза во весь сей разговоръ блистали негодованіемъ, сказалъ наконецъ: что бѣ вы подумали, государыни мои, когда бы нарисовали ее другимъ образомъ, въ видѣ Премудрости, съ жалостію взирающей на глупости человѣческія, и усмѣхаясь зрѣвъ спрѣлы злости, направляемыя въ грудь невинности и крошости, обращающимися на тѣхъ, кошорыми испускаемы были?

Аминья не слыхала словъ сихъ; ибо Моршимеръ произнесъ оныя въ полголоса. Сердце ея съ негодованіемъ воспоминало прошиву дерзосшей, коихъ она была предметомъ, и оставила бы она шу комнашу, естѣли бы выходъ изъ оной не былъ спѣсень мно-

жестивомъ гостей. Сиръ Карлъ Бинглей былъ занявъ молодою Госпожею, съ кошорой танцовалъ, и до сихъ поръ не вида въ Аминшты. Подошедъ къ ней, вы однѣ? говоришь онъ, и стоише? Я только шеперь сіе примѣшилъ; кажешся вы успали? И дѣйствительно она была очень блѣдна. Килькорбанъ! сказалъ Сиръ Карлъ, подошедъ къ молодому чловѣку: вы конечно не видали; что Миссъ Фишзалавъ стоишь? иначе бы вы ей предложили свое мѣсто: и взявъ его за руку, принудилъ вспашъ, и отвесъ стулъ къ Аминшѣ; попомъ доставая ей прохладительностей, сѣлъ у ногъ ея, сказавъ: вопъ мой тронъ! пускай и сами Короли придуть упасъ предо мною. Милыя и непришворныя пріятности Аминшты восхищали Сира Карла; видѣлъ неуваженіе, съ каковымъ поступаютъ съ нею, и сіе въ обхожденію его приба-

вило крошосшь и нѣжносшь , ка-
кой онѣ до сего еще не оказы-
валѣ. Чувствительность его шѣмѣ
прогалась. Хошя бы она и обык-
новенная была женщина , вѣ па-
комѣ положеніи сдѣлалась бы
особеннымѣ предметомѣ его вни-
манія. Возненавидѣлѣ онѣ Мар-
кизу и дочь ея, и ощущалѣ пре-
зрѣніе къ гнусной дерзости Киль-
корбановѣ. Маркиза продолжи-
тельно рассказывала ему несно-
сные посшупки опца и мащери
Аминшы, кошорыхѣ дурныя свой-
ства, говорила она , означающся
вѣ дочери ихѣ ; напослѣдокѣ ни-
чего не щадила , чшобѣ огадишь
ее вѣ глазахѣ его , но сіе было
не возможно.

Боже мой! сказала Лади
Евфразія вставѣ сѣ мѣста : пу-
стше меня выдши ! право эшо
сцена весьма отвращительна.
Лордѣ Моршиерѣ оставилѣ ее
одну идши , а самѣ бродилѣ по

залѣ, часто бросая взоры на Аминшу, кошорой надежды въ сію минушу оживлялись. Глаза ея воспріяли блескъ свой, щеки вновь пѣкрылись легкимъ румянцемъ; хошя и дала Сиру Карлу слово шанцованъ, но желала бы, чшобѣ Лордѣ Моршимерѣ предложился ей. Собраніе возвращалось опяшь въ бальную залу, и Сирѣ Карлѣ подалѣ ей руку, чшобѣ проводить ея шуда. Въ самую сію минушу приближается Лордѣ Моршимерѣ, и Аминша осшанавливается, какѣ будшо бы для какого поправленія въ одеждѣ ея. Онѣ подходитѣ къ одной очень пригожей дѣвицѣ, и предлагаешѣ ей свою руку. Аминша, пребывая неподвижна, преслѣдовала его глазами до шѣхъ порѣ, какѣ была Сиромѣ Карломѣ извлечена изѣ мысли, ея занимающей.

Опшанцовавъ съ Сиромъ Карломъ, Аминша охотно бы убъхала, ешьлибъ шушъ былъ ея слуга; но опложивъ лошадей, онъ возвратился въ Камбери-Кашель, и не прежде, какъ уже гораздо поздно, могла его дождашься. Она предложила свое намбрение болбе не шанцовашъ, и Сиръ Карлъ шакже опъ шого опказался; прошли они въ шу комнашу, гдб играли въ каршы, и гдб шолько же было госшей, какъ и въ другихъ. Лади Грейшпокъ сидбла за шоломъ съ Маркизомъ и Маркизою; сдблала знакъ Аминшб подойши къ ней, и изъяснила ей удовольшвие свое видбшься съ нею. Маркизъ надблв очки, чшобъ посмотрбшь на Аминшу. Маркиза оказывала великую досаду, и объяснялась, что впредь очень будешъ она опсерегашься принимашъ приглашенія къ собраниямъ, въ коихъ будущъ присуш-

спивовашь шакія особы , которымъ бы шущьбышь не надлежало. Обинякъ сей былъ весьма вразумишеленъ. Аминша желала скрись свое движение ; но какъ чувспивовала , что шрудно ей было въ шомъ повелшь себя , шо и ошошла ошъ шела. Сиръ Карлъ послбдовалъ за нею , шшараясь усердно скрись ее ошъ примбчанія , равно какъ и проливаемыя ею слезы. Проклятое злорбчје ! сказалъ онъ ; но , дражайшая Миссъ Фипшаланъ , вы пошому шолько предметомъ онаго , что достоинство ваше и красота надмбру блиспащельны. Сје ешь порокъ слабыхъ умовъ , ненавидшь превосходшно , для шого что сами онаго достигнуть не могушь. Безчеловбчно и ужасно , сказала Аминша , допусшивъ вражду пережишь предметъ оной , до гроба преслбдуемой ею , и ненавидшь дия для шого шолько , что ненавидѣли мать. И

какую мать! продолжала она, обращая глаза на поршрешъ, кошорой на себѣ имѣла; сколь мало заслуживала она такихъ безчеловѣчныхъ пошупокъ! Сирѣ Карлѣ взглянулъ на сей поршрешъ; оный былъ омоченъ слезами Аминшы; онъ ихъ обшеръ своимъ плашкомъ, кошорой шопчасъ поднесъ къ своимъ ушамъ, и положилъ пошомъ къ груди своей.

Въ сію минушу примѣшилъ онъ Лорда Моршимера, кошорой, не бывъ видимъ, замѣчалъ разговоры ихъ на единѣ, и шопчасъ удалился, какъ скоро шолько привлекъ на себя ихъ взоры.

Лордъ Моршимеръ, сказалъ Сирѣ Карлѣ, какъ шѣнь какая, шолько и дѣлаешъ, что вадъ да впередъ бродишъ; видно что-то поразладили они съ Лади Евфразіей. А что? сказала Аминша, развѣ между ими что нибудь заключаешся? Говорящъ шакъ,

опвѣчалъ Сирѣ Карлѣ, но я не всегда вѣрю свѣтской молвѣ; давно уже знаю Лорда Моршимера, и послѣ воспріяшаго мною о немъ мнѣнія никогда не повѣрю, чтобъ Лади Евфразія могла ему нравиться. Напрошивъ много споришь гошовъ, что онъ ни малѣйшей склонности къ ней не имѣетъ; не скажу шого обо всѣхъ находящихся здѣсь женщинахъ. Не рѣдко приходило мнѣ на мысль въ сей вечеръ, по часто обрацаемымъ на васъ взорамъ его, что онъ бы шопчасъ радъ былъ учинить вамъ присягу, что, признаюсь вамъ, не сошавило бы мнѣ удовольствія. Моршимеръ еще гораздо болѣе имѣетъ достоинства и пріяшности, нежели какъ шо наружность его обѣщаетъ. И такъ весьма прискорбна встрѣча шакого соперника.

Аминша, смущенная симъ разговоромъ, старалась отвратить оный, и наконецъ успѣла въ томъ. Они пріятно разговаривали о разныхъ вещахъ до самаго ужина, во время котораго Сиръ Карлъ не переставалъ оказывать шаковое же вниманіе къ Аминшѣ. Лордъ Моршимеръ былъ, или казался бытъ весь преданъ Леди Евфразіи, которая по временамъ перешопывала съ двумя Миссами Килькорбанъ, и насмѣшливые взоры бросала на Аминшу. Оставя споловую комнату, Аминша нашла своего слугу, и приказала подвезши карету свою. Сиръ Карлъ, подавая руку ей, просилъ еще на нѣсколько остановиться; но признавался, что онъ просьбу сію только для самаго себя дѣлалъ; ибо согласенъ въ томъ, что для нее никакого не было удовольствія еще пребыть тутъ. Провождая

ее до карешы, объяснялъ ей, что онъ самъ послѣдуешь ея примѣру, убѣжавши ошсюда, шѣмъ паче, что оспавляемое ею собраніе шеряло для него свои пріятности. Онъ шребовалъ, и получилъ отъ нее позволеніе, завшре по у шру засвидѣшельствовашъ ей почшеніе.

Она пріѣхала въ Карбери-Касшль въ весьма различномъ состояніи отъ шого, въ какомъ была по ушру, отшѣзжая изъ онаго. Блѣдну, шрепещущу, слабу, принялъ ошецъ ея въ свои руки; ибо онъ до возвращенія ея не хопѣлъ ложиться. Топчасъ отгадалъ причину ея унынія. Душа его ощущала всѣ удары, нанесенные сердцу дочери его.

Увидя, что онъ обращалъ къ ней взоры печали и нѣжности, спаралась ободрить духъ свой; и рассказавъ ему нѣкошорыя подробносши шоржесшва, ошвѣчала ему

на всѣ вопросы его, сдѣланные имъ въ разсужденіи поступка прошивъ нее Маркизы и Евфразіи. Жестюко пронувъ былъ симъ повѣсповованіемъ. Великій Боже! сказалъ онъ, какія свойства! Но, моя любезная Аминша, ты надмѣру любезна, и надмѣру великое имѣешь сходствіе со всѣми изящными качествами швоей матери, дабы не бышь, шакже какъ она, гонимой злобою. Ахъ! ешь-либъ не досшигла она до шого, чшобъ учинишь тебя нещасшною! Да возможешь покровъ Провидѣнія, вседневно умоляемаго мною, защитишь дшя любви моей, и возвеселишь нѣкогда глаза мои зрѣлищемъ благополучія ея!

Аминша удалилась въ свою комнату, довольно разпроганная слышанными ею выраженіями. Такъ, говорила она, имѣя сердце преисполненное къ ошцу

своему соспранданія и благодарности, сокрою в предъ ошъ него мученія мои, дабы не давашь ему возчувспвовашъ оныя. Такъ, Моршимеръ! печаль, причиненная мнѣ швоимъ непосредствомъ, пребудешъ сокрыта во глубинѣ сердца моего, и никогда благополучіе ошца моего не будешъ нарушено свѣденіемъ о помъ, что мое навсегда поперяно.

День начиналъ уже разсвѣтатъ, а Аминша никакого еще желанія ко сну не имѣла. Сидѣла у своего окна. Ношная тишина нарушалась шокмо развѣдомъ карешъ, ошвозащихъ домой ошпаченныхъ усшалосшію дѣйспвовашелей сцены удовольствія и разсѣянности. Нѣсколькo часовъ назадъ была я весела, восхищена, и щасплива; а шеперь уныла и печальна. О Моршимеръ! чему одолжена я перемѣною сею? Предъ симъ считала себя люби-

мою побою, а теперь заблужденіе исчезло; я не могу болѣе надѣяться, и ты не можешь болѣе меня обманывать. Напоследокъ раздѣвшись, утомленная шоскою, бросилась въ свою постель и заснула.

Г Л А В А 10.

На другой день поутру, Сиръ Карлъ Винглей явился въ Карбери - Касль. Фишзалла не было дома, но Аминша приняла его въ своемъ уборномъ кабинетѣ. Онъ ей сказывалъ съ явнымъ прискорбіемъ, что онъ гошовъ былъ ѣхать въ Дублинъ, а оттуда въ Англію, куда призывали его полученныя имъ письма. До безконечности сожалѣлъ онъ, что знакомство ихъ, или лучше сказать дружба: выраженіе, ко

упошребленію копораго онъ убѣдительноѣше просилъ ея позволенія : при самомъ началѣ прерываешся. Увѣрялъ ея, что прошивность сія была для него гораздо огорчительноѣе, нежели она могла по вообразить себѣ, или бы онъ самъ возмогъ рассказать о томъ ; что онъ поспѣшишь возвращеніемъ своимъ въ Ирландію, дабы приближиться къ ней ; убѣждалъ ея сохранить нѣкоторое воспоминаніе о немъ. Аминша опшвѣчала ему, полагая, что просшая учтивость обязывала его къ сему требованію. Башюшка мой, говорила она, весьма будетъ радъ познакомиться съ вами по возвращенія зашемъ въ сію сторону. Вошедъ, сказалъ онъ, что не могъ побыть болѣе, какъ нѣскольکو минутъ, а проводилъ подлѣ Аминши около двухъ часовъ. Опходя, божидся, что счишалъ замокъ

сей очарованнымъ: сполько было шрудно выдши изъ онаго! и однако же, примолвилъ онъ, не равняясь съ древними бродящими Кавалерами, я бы не хотѣлъ разрушишь шалисманъ, меня шущъ удерживающій.

Дни прошекали, а Лордъ Моршимеръ опяшь не появлялся. Часшо Аминша слыкала о немъ, и всегда какъ объ одномъ изъ обожателей Лади Евфразіи. Бывала она увѣдомляема о празднествахъ, даваемыхъ въ Ульшеръ-Лоджъ и въ окружноспяхъ. Килькорбаны, казалось, совсѣмъ ее осшавили. Изъ всего семейшва одна Лади Грейсвокъ продолжала имѣть къ ней нѣкошорое вниманіе: раза два или шри пріѣзжала она въ Калбери-Каспль, чшобъ провѣдашь, окончанъ ли ее передникъ, и рассказашъ Аминшѣ новости, какія шолько могла она собрашь. Довольно хорошо под-

держивала Аминша принятое ею швердое намѣреніе скрывать опѣ опца печаль свою, но во уединеніи свободно оной опдавалась. Мысль о союзѣ Лорда Моршимера съ Евфразією овладѣла воображеніемъ ея, и изливала горестъ на всѣ минушы ея. Такъ! вскричала она прогуливаясь въ саду, кошорому попеченіями ея возвращена дрежня красота его: я посадила цвѣты сіи, а благовоеніе ихъ послужишь для другой; розы сіи, обрабошанныя руками моими, рассыплешъ Моршимеръ предъ шопами Евфразіи, и она будешъ наслаждашься пріятношю земли, кошорую я украсила!

Около трехъ недѣль послѣ бала, въ одно ушро, какъ была въ своемъ уборномъ кабинетѣ, разгоняя шоску свою жалобною и нѣжною пѣснею, слышала, что позади ея дверь опворилась. Она думала, что шо была Елена; но

никто не приближается; она оборачивается, и видишь, не Елену, а самого Лорда Моршимера. Въ удивленіи встаешь съ своего стула; рукодѣлье упадаешь изъ рукъ ея, и она не могла ни пронуться, ни говорить.

Я спрашусь, не испугалъ ли васъ, приведя во удивленіе, сказалъ Лордъ Моршимеръ; прошу меня простишь, что шакъ вошелъ; но мнѣ сказали, что я найду здѣсь Г. Фишзалана.

Онъ въ своемъ кабинетѣ, Милордъ, прервала Аминша съ холодноспію; я пойду увѣдомишь его, что Милордъ желаетъ съ нимъ видѣться.

Нѣтъ, сказалъ онъ ей, я не потерплю того, чтобъ вы сколько безпокоились. Мнѣ ничего нѣтъ, очень нужнаго сообщить ему. Принудилъ Аминшу

опяшь сѣспь, и занялъ стулъ
близь ее стоящій.

Она принялась за свое руко-
дѣлье, между шѣмъ Лордъ Мор-
шимеръ, окидывая гла за м и во-
кругъ комнашы, казался призна-
вашь въ оной предметы споль-
ко ему знакомые, и кошорые
видѣлъ онъ съ удовольствіемъ,
смѣшаннымъ съ прискорбіемъ;
ибо они приводили ему на па-
мяшь воспоминаніе щасливыхъ
дней, уже болѣе не существовав-
шихъ. Комнаша сія, сказалъ онъ,
была любимымъ убѣжищемъ наи-
любезнѣйшей и почтеннѣйшей
женщины.

Я сіе очень часто слыхала,
прервала Аминпа; во всѣхъ окру-
жностяхъ еще и до сихъ поръ съ
благодарностію воспоминаются
добродѣтели Лади Шербюри.

Я думаю, сказалъ Лордъ
Моршимеръ, бросивъ на Аминпу
взоръ, полный иѣжности, что

такое же надлежитъ имѣть мнѣ-
ніе и о той, кошорая шеперь за-
нимаешъ комнашу ея.

Аминша опустила глаза и
вдохнула ; но вздохъ сей проис-
ходилъ болѣе отъ сожалѣнія, не-
жели отъ удовольствія. Въ сію
минушу помышляла она, что Мор-
тимеръ предспалъ только для
того, чтобъ удосповѣришься, со-
храняла ли она къ нему какую
нибудь привязанность ? не по-
спунилъ ли онъ съ нею съ вели-
чайшимъ равнодушіемъ ? не былъ
ли онъ явный превозносишель
Евфразіи ? Пришелъ не для нее,
а къ Фишзалану. Всѣ сіи мысли
предспавились уму ея, и она рѣ-
шилась долѣе съ нимъ не оста-
вашься. Нѣжностъ ея и честполю-
біе ей то совѣшовали ; ибо боя-
лась она, чтобъ еще болѣе вни-
мая леспнымъ его рѣчамъ, не
измѣнишь чувствамъ сердца сво-
его ; и такъ всшала, сказавъ,

что идешь уведомить отца своего о том, что Милордъ желалъ его видѣть.

Хладная, нечувствительная Аминша! вскричалъ Лордъ Моршмеръ, схвативъ ее за руку и удерживая: къ чему такъ убѣгаешь меня? Когда я распался съ вами въ Княжесствѣ Валлискомъ, полагая оставить васъ только на малое время, могъ ли я думать, чтобы когда либо испыталъ отъ васъ такой приемъ?

Конечно можешь быть не думали, прервала она съ нѣкошорою надменностію; но съ сей минуты мы будемъ внимательнѣе къ совамъ благоразумія.

Какъ! сказалъ онъ, благоразумія? не должно ли бы оно заставило васъ убѣгаешь такого поступка, кошорою бы могъ подать мнѣ подозрѣніе?

Подозрѣніе, Милордъ! повторила Аминша съ нѣкошо-

рымъ родомъ ужаса, извѣснаго во взорахъ ея.

Извинише, сказалъ онъ, слово сіе грубо. Но какъ же бы вы сами заключали о поступкѣ вашемъ со мною въ разсужденіи ошѣзда поспѣшнаго, тайнаго, и въ то самое время, когда взаимное признаніе чувствъ нашихъ долженствовало бытъ преслѣдуемо наисовершенною между нами довѣренностію? Не можете вы никакъ удивляться тому, что печальныя догадки уму моему предспавлялись.

Возможно ли, Милордъ, чшобъ вы не могли дознаться о причинѣ моего ошѣзда? возможно ли, чшобъ размышленіе не довело васъ до ошгадки сей?

Нѣтъ, никогда не могъ я то обвяснить себѣ; шоржесшвенно увѣрю васъ, что никакъ не возвращишся спокойшвіе мое до шѣхъ поръ, пока не получу сего

объясненія. Онъ ошпановилъся, какъ бы ожидая ошъ нее онаго; но Аминпа, вспревоженная шбмъ, что онъ говорилъ, не въ силахъ была ошвбчать ему. Тогда, какъ онъ еще хранилъ молчаніе, шрепещуца и въ величайшемъ смущеніи, слышишъ она на лбсшницѣ голосъ ошца своего. Мнѣ надобно уйши, сказала она Лорду Моршимеру; вопъ идешъ башюшка мой. Оббщайше же мнѣ, сказалъ ей Моршимеръ, бышь въ обипели Свяшья Екашерины въ семь часовъ сего вечера; безъ шого я не ошавлю васъ. Я мучусь, не имбъя объясненія о пошупкѣ вашемъ. Я вамъ шо оббщаю, сказала Аминпа. Лордъ Моршимеръ пушилъ ее, и она удалилась въ свою комнашу горздо заблаговременно, чшобъ не бышь видимой ошцомъ своимъ.

Надежды ея начали возрождаться; обращалась она къ мыс-

ли, что Лорд Моршимеръ для нее предпринялъ путешествіе въ Ирландію. Носящійся службъ, что онъ влюбленъ въ Евфразію, основывался только на томъ, что онъ жилъ въ домъ Маркиза и въ его сообществѣ. Если бы онъ былъ, говорила она, ко мнѣ равнодушенъ, не оказывалъ бы онъ такого движенія въ различныхъ общошпельствахъ. Взоры и рѣчь Лорда Моршимера постоянно извѣщали чувства сердца огорченнаго и нѣжно приверженнаго. На послѣдокъ, развѣ какое нибудь непредвидимое встрѣлишь приключеніе воспрепятствовашъ возобновленію сей привязанности; она столько же ощущала непереносимости доставивъ ему объясненіе своего поступка, какъ и онъ получишь отъ нее оное.

Едва лишь вышелъ Лордъ Моршимеръ, какъ предстала Леди Грейшпекъ. Аминна думала,

что она по обыкновенію своему пріѣхала съблашь минушное по-сѣщеніе. Скорбь и удивленіе ея были чрезмѣрны, когда она объяснила ей, что она пріѣхала по пріятельски цѣлой день проведши съ нею, пошому что Гранжевильскія Госпожи шолько были заняшы пріугошовленіемъ къ празднеству, кошорое онѣ послѣ завтра давашь намѣрены, что ворошты ихъ для всѣхъ зашворены и въ домѣ страшная сумашоха.

Аминта всячески шаралась скрышь свою досаду; но разсуждала, что не возможно ей будешъ выдерживашъ продолженіе разговора, ибо всѣ мысли ея спремились къ опсушсвующему предмету. По щасію ея Лади Грейшокъ говорила много, и болѣе имѣла надобности въ слушапеляхъ, нежели въ раскащикахъ; слѣдовашельно и не досадовала за молчаливость милой ея себе-

сбдницы. Аминша искала успокоенія своего въ надеждѣ, что спарая Госпожа поспѣшитъ рано уѣхашь къ обыкновенной своей въ Гравжевилъ партіи въ вискъ; но пробило шесть часовъ, а она и не думала объ ошѣздѣ. Аминша была въ мученьѣ, и румянецъ щекъ измѣнялъ движенію ея; она вешавала, ходила по комнашѣ; и тогда, какъ опецъ ея разговаривалъ съ Лади Грейшокъ, подходила къ окну, дабы скрышь смущеніе свое. Фишзаланъ сказалъ напоследокъ, что ему нужно было ошправляшь въкошорыя письма, и просилъ Лади Грейшокъ извинишь его въ шомъ, что ояъ на короткое время оплучишь. Тутъ Госпожа сія вынула рукодѣльной мѣшокъ, и просила Аминшу что нибудь почипашь ей до чаю. Аминша взяла книгу; но сполько была смѣшана, что едва знала, что

чишала, да и чишала очень плохо.

Попише, пропише, любезное дитя мое! говорила Лади Грейшпокъ, копорой вниманье никакъ не могло слѣдовашь споль воспѣшному чпенію; вы на почшѣ скачеше.

Аминша покраснѣла, и чишала не шакъ скоро; но когда на часахъ замка ударило семь часовъ, шупъ уже она не въ силахъ была сполько обладашь собою, чшобъ удержашь свою неперпѣливосшь. Боже мой! сказала она, уронивъ изъ рукъ книгу, и вскочивъ со сшула своего: не могу долѣе преодолѣвать себя. Чшо шакое, моя любезная! сказала удивленная Лади Грейшпокъ, чшо съ вами сдѣлалось? Ужасная боль въ головѣ, сударыня, опвѣчала Аминша, продолжая ходить по комнашѣ.

Сильно пронушое воображеніе ея предсавляло ей въ сію минушу Лорда Моршимера, ожидающаго ея къ свиданію; она слышала шорохъ шаговъ его, и жалобы, раздающіяся среди развалинъ Свяшья Екашерины. Совершенное между ими примиреніе опсрочивалось шолько сомнѣніемъ, кошорое она увѣрена была шощасъ разогнашь. Чшо же ему заключишь надлежало изъ шого, чшо она не будешъ на споль горячо желаемое свиданіе, и споль шоржеспвенно ею обѣщанное, ежели не шо, чшо она не имѣла возможности доспавишь ему удовольспвенное обѣясненіе? Можешъ бышь не захочешъ онъ повѣритъ причинамъ, воспрепашспвовавшимъ ей въ семъ случаѣ; можешъ бышь не дастъ ей времени оныя сказашь ему, ниже обѣяснишь о послѣшномъ опѣвздѣ изъ Валлискаго

Княжества; и ежели Моршимеръ сохранишъ сомнѣнія свои, попережешъ всю нѣжностъ къ Аминѣ, и изгонишъ ее навсегда изъ сердца своего.

Терзаемой споль горесшными размышленіями, на минушу приходило ей въ мысль послашь Елену въ обитель Свяшья Екашерины, чтобъ обьяснить Моршимеру причину, препяшсшвовавшую ей самой бышь шуда; но пошчасъ оставляла сію выдумку. Не могла она рѣшишь кому либо возвѣстить о свиданіи, которе она даже отъ отца своего скрывала. Поступокъ такой казался ей прошивенъ должности и нѣжности ея. Нбуиъ, сказала она сама въ себѣ; не допущу себя до такой неразумшельности, которая многихъ особъ нашего пола заставляешъ прешунашь предѣлы благоприсшойности и скромности; для возвращенія се-

бѣ добраго мнѣнія одного, не соглашусь пошерять оное отъ всѣхъ прочихъ, а особливо свое собственное почтеніе. Если и Лордъ Моршимеръ откажетъ выслушать мое оправданіе, то нарушитъ законы справедливости и уваженія, надлежащаго моей опроверженности, и тогда честолюбіе мое поможетъ мнѣ побѣдить прискорбія мои.

Вы мнѣ кажешесь въ весьма справномъ состояніи, моя любезная, сказала ей Лади Грейшпокъ, которая пристально замѣчала ее тогда, какъ размышленія сіи шѣснились въ умъ ея. Аминта признаваясь, что дѣйствительно положеніе ея могло казаться нѣсколько необычнымъ, сѣла и старалась принять малое спокойствіе. Физзаланъ возвратился, и подавали чай. Лади Грейшпокъ замѣтила, что имъ можно сослаться въ

вари лица. Охотно бы Аминша опговорилаь опъ онаго; но учтивость преляшествовала ей оказатъ къ тому свое отвращеніе. Ощецъ ея и Лади видѣли, что она была въ чрезмѣрномъ уныніи. Сія послѣдняя полагала причиною о тому отказъ, сдѣланный опцомъ приняшь приглашеніе, учиненное дочери его къ балу въ слѣдующій день.

Любезное дитя мое! говорила она Аминшѣ, садясь и мѣшая каршы: не огорчайлесь о помъ, что не будете въ семъ собраніи; вѣшь не шѣмъ-шо, чтобъ бѣгать по баламъ и публичнымъ сборищамъ, молодья дѣвушки удобнѣе находяшъ себѣ паршю. Я при раза была за мужемъ, а ни надъ однимъ изъ мужей моихъ не сдѣлала побѣды въ собраніяхъ. Нѣшъ, а привязывала ихъ къ себѣ въ маленькихъ бесѣдахъ. Филзалавъ и Аминша усмѣхнулись. Аминша

сказала ей : я никогда не доса-
дую осп. шься дома , хошя не
желаю и не ожидаю ошѣ уедине-
нiя моего подобныхѣ в а ш и м ѣ
выгодносшей.

Вы вѣрно не хошѣли болѣе
одного мужа? сказалѣ Фипзаланѣ
Лади Грейспокѣ. Конечно ; а
вошѣ ксташи обѣ замушсшѣ.
Лади Евфразiя Суперландѣ очень
щасплива ; ибо я не вѣрю, чшобѣ
возможно было найти другова
молодаго человѣка сшоль совер-
шеннаго , какѣ Мортимерѣ. И
такѣ вы полагаете, сказалѣ Фип-
заланѣ , чшю естѣ какое нибудѣ
основанiе носящейся молвѣ обѣ
немѣ и Лади Евфразiи ? Точно ,
сказала она, и эша паршiя очень
сходная : природа и богатсшво
сѣ обѣихѣ споронѣ ровны. Такѣ,
думала Аминша ; но какая розни-
ца вѣ свойсшвахѣ ! Я увѣрена,
продолжала Лади Грейспокѣ ,

что Евфразія прежде года будетъ Лади Моршимеръ.

Фипзаланъ обратилъ глаза на Аминшу. Она была блѣдна, какъ смерть, и играла совсѣмъ не шакъ. Напоследокъ кареша Милади прѣехала, и прервала паршю игры, копорой бы Аминша долбе продолжашъ была не въ силахъ. Отецъ ея замѣшилъ шягосшныя усиля, копорыя она себѣ дѣлала, дабы скрышь смущеніе свое. Онъ пришворялся думать, что она нездорова, и понуждалъ ее ийти въ свою комнату. Съ одного слова она шо исполнила, и начала подробнѣе размышляшь о шомъ, что слышала шеперь отъ Лади Грейшокъ. Не похоже ли эшо на правду? спрашивала она сама у себя. Не оказывалъ ли Лордъ Моршимеръ равнодушія своего ко мнѣ, съ самага прѣзду его сюда? Нѣжноспь, съ какою онъ мнѣ говорилъ се-

го ушра, не была ли ему внушаема единственнымъ желаніемъ знать о причинѣ скорого моего изъ Валлискаго Княжества отъѣзда, или нуждою удовольствоваться щеславіе его, изпоргнувъ отъ меня еще нѣкошорыя доказательсшва моей привязанности къ нему? Есть сполько браковъ, о которыхъ говорашъ, но о коихъ сами шѣ особы никогда и не намышляли. Не могла она думать, чшобъ Лордъ Моршмеръ былъ сполько высокомеренъ, или сполько лживъ, чшобъ сшграть предъ ея пришворную нѣжностъ, въ единомъ намѣреніи удовольствоваться свое любопытство и щеславіе. Но размышленія сіи всегда оспавляли ее въ великой горести, и къ отпадъ ей служило шокмо шо, что надѣялась скоро увидѣть конецъ сей мучшельной неизвѣсшности.

Она не смыкала глазъ во всю ночь, и въ шакомъ же смущеніи проводила утро: не могла она замѣшья никакимъ изъ обыкновенныхъ ея упражненій. Всякой шагъ, слышанной ею въ домъ, заставлялъ ее воображать, что то былъ Лордъ Моршимеръ. После обѣда она вышла одна, и направила путь къ Святой Екашеринѣ. Пришедъ въ средину сихъ развалинъ, чувствовала она усталость, и сѣла близь церкви на одной гробницѣ, положивъ голову на руку. Здѣсь, сказала она, можешъ бышь Моршимеръ дожидался меня съ нѣжною непербивливостію, можешъ бышь также укоряя меня въ равнодушіи къ нему, и въ томъ, что обманула его. Слышавъ она шорохъ, и примѣчаетъ сестру Марію.

Милоспи просимъ, сказала ей добрая монахиня, нѣжно обнимая ее; но для чего же вы не въ

домъ пришли? Аминша сказала ей, что она шла съ шѣмъ на-мѣреніемъ; но почувствовала изнеможение, и желала побыть на воздухѣ, въ надеждѣ, что ей скоро лучше будетъ.

О Боже! сказала сестра, у васъ дѣйствительно лице очень дурно; я пойду спросить для васъ какихънибудь капель у нашей Настоятельница; увѣрю васъ, что она въ шомъ сколько же искусна, какъ бы Докторъ.

Когда она хотѣла идти, то Аминша удержала ее за плащъ, говоря, что ей уже гораздо лучше спановилось.

Ну, слава Богу! сказала она ей садясь; и такъ я расскажу вамъ странное приключеніе, вчера въ вечеру со мною случившееся. Я для прогулки бродила одна въ сихъ развалинахъ; воздухъ былъ немного холодноватъ, но я укуталась своимъ покрываломъ, и

была въ одномъ переходѣ монастырскомъ , какъ услышала кого - то сзади меня идущаго , весьма скорыми шагами меня преслѣдующаго. Я остановилась, полагая, что кошорая нибудь изъ нашихъ сестеръ желала соединиться со мною. Но вы можете посудить о моемъ удивленіи, когда увидѣла себя настигнушую прекраснѣйшимъ и преріятнѣйшимъ молодымъ человекомъ ! Боже ! какъ онъ вспревожился , меня увидя ! Я увѣрена, что онъ принялъ меня за бродящаго мершвеца. Взоръ его сдѣлался смутный , и онъ удаляясь что - то говорилъ сквозь зубы. Весьма странномъ показалось мнѣ видѣніе сіе , и я спѣшила возвратиться въ монастырь , какъ вдругъ выходя изъ подъ эшого свода , что вы видите вошъ здѣсь въ развалинѣ , онъ подошелъ ко мнѣ , держа въ рукѣ шляпу , съ

приятною улыбкой поклонился мнѣ; совѣспился, что засшавилъ меня ужаснуться и просилъ въ томъ прощенія. Потомъ краснѣя, и съ помощію плапка скрывая смущеніе свое, спрашивалъ меня, не видала ли я въ прошлѣ самой вечеръ одной молодой Госпожи въ сихъ окружностяхъ? что чрезъ одного изъ своихъ друзей былъ онъ увѣдомленъ, что она должна шупъ бытъ, и что онъ располагалъ препроводить оную въ домъ ея.

Любезный Господинъ! сказала я ему, я весь вечеръ здѣсь прогуливалася, и кромѣ васъ и себя не всшрѣчала ни мужчины, ни женщины, ни младенца; и такъ надлежитъ думать, прибавила я, что та Госпожа въ разсужденіи прогулки перемѣнила свое намѣреніе. Должно, чтобъ то было такъ, сказалъ онъ мнѣ; и сдѣлался шоль блѣденъ и

столь печаленъ , что я не могла запретить себѣ помыслить , что онъ бродилъ шушъ для своей любезной. Мнѣ хошѣлось податься ему небольшую опраду , и такъ я сказала ему : еспѣли вамъ угодно будетъ сказать мнѣ какую нибудь примѣшу , по какой бы я могла узнать шу молодую Госпожу , которую вы ищете , я еще нѣсколько времени подожду ее здѣсь ; и ежели она придетъ , расскажу ей , сколько вы были огорчены , не нашедъ ее , и не премину послать ее къ вамъ. Нѣтъ , поблагодаривъ меня сказалъ онъ мнѣ ; не слишкомъ важно для меня то , что не нашелъ ее здѣсь , равно какъ и то , чтобъ никогда съ нею не встрѣчаться , и сказавъ сіи слова , онъ ушелъ.

Онъ вамъ это сказалъ ?
вскричала Аминша.

Ахъ, Боже мой! сказала монахиня : вамъ еще гораздо хуже, нежели какъ вы пришли сюда!

Аминша въ томъ соглашалась ; но просила извинить ее , что не зайдетъ теперь въ монастырь. Безполезно убѣждала ее сестра напишья чаю , или принять чего нибудь подкрѣпляющаго силы. Она опъ всего опказалась , и пошла въ путь , къ великому прискорбію доброй монахини.

Едва шолько вышла она на большую дорогу , какъ карета въ шесть лошадей , сопровождаемая верховыми , съ такою скоростію пролетѣла, что она шолько лишь успѣла нѣсколько посторониться опъ оной. Видѣла путь Лорда Моршимера и Евфразію , другъ противъ друга сидящихъ. Примѣтила она , что опъ нихъ не укрылась , и что Евфразія съ дерзкою усмѣшкою на нее взгля-

нула. Встрѣча сія весьма ей была досадна ; нѣчто унижающее находилось въ прошивности ея положенія предъ Евфразією. Она видѣла себя уединенну , ошавленну , унылу , тогда , какъ та наслаждалась всѣми выйдностшями щасшія. Однако же , говорила она , чувствительное сердце , такое , какъ Моршимеръ имѣетъ , по различности сей не можешь меньше цѣнить меня. Ахъ ! если ли онъ подобно мнѣ мыслить и чувствуетъ , то удивенную прогулку , какую теперь я въ сихъ развалинахъ имѣла , онъ бы долженъ предпочесть всѣмъ великолѣпіямъ , коимъ онъ свидѣтелемъ бываетъ. Возвратилась домой. Ночь казалась ей чрезмѣрно долгою. Не выходила изъ ума ея мысль о услужливостяхъ , какія Моршимеръ распочаетъ Лади Евфразіи.

На другой день поутру, первый предметъ, представившійся взору ея, когда она подошла къ окну, былъ большой фрегатъ на якорѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ замка. Елена вошла въ ея комнату, и испустя глубокий вздохъ, что она дѣлала всякой разъ, когда увидитъ какое судно, сказала она, что очень бы желала, чтобъ на палубѣ онаго находился любезный ея Шипъ. Во все шененіе дня Аминша льстилась надеждой увидѣть появившагося Моршимера. Ожиданіе ея было обмануто; послѣ чаю удалилась въ свой кабинетъ, и стоявъ подлѣ окна, наслаждалась шогательною сценою среди пишины ночной. Въ мрачной лазури неба не зрѣлось ни малѣйшаго облачка; луна какъ бы полосками разсвѣвала серебристый свѣтъ свой на волны, о берега ударяющіеся съ глухимъ

и унылымъ звукомъ , которой одинъ , присоединяясь къ гораздо еще слабѣйшему , отъ отдаленности происходящему отъ головъ мапросовъ , возмущалъ молчаніе ночи. Однако же Аминпа услышала шумъ весель , и приѣхала большую шлюбку , подходящую къ фрегату , управляемую мапросами , одѣлыми въ бѣлыя шировары и камзольчики. Зрѣлище сіе было самое пріятное ! Аминпа оное преслѣдовала глазами до шѣхъ поръ , какъ шлюбка скрылась въ возвышенныхъ каменистыхъ горахъ , касающихся береговъ моря. Колоколъ , призывающій къ ужину , отвлекъ ее отъ окна ; но едва лишь она опяшь шуда возвратилась , какъ Елена , прелещущая , и казалось упоенная радостію , вошла къ ней.

Я его видѣла , сударыня ! я видѣла бѣднаго Шипа , и доброе

сердце его всегда ко мнѣ таково же. Въ вечеру севодни пошла я повидаться съ спарушкою Норши, которой вы посылали рубашки, и которая по испиннѣ добрая женщина, пошому что она никогда не смѣется надо мною, какъ другія, когда я говорю своимъ деревенскимъ языкомъ; какъ возвращалась я ошъ нее, шо повстрѣчалось со мною множество людей, всѣ въ бѣломъ одѣтые. А я вишь сколько наслышалась о эшихъ бѣлыхъ робятахъ! они подходили ко мнѣ съ смѣхомъ, и гораздо веселѣе, нежели бы самыя разбойники. Какъ скоро шолько меня увидѣли, шо шотчасъ окружили меня и приспавали ко мнѣ. Я кричала изо всей мочи, и вдругъ услышала голосъ, которой привелъ меня въ шренетъ: эшо Елена! и въ ту минушу вижу себя въ рукахъ Шипа. Эшо были машросы съ

фрегата, которой прїбжалъ къ деревнѣ для закупки нѣкошорыхъ запасовъ. И такъ я съ ними ворошилась, и мы выпили добрую чашу пуншу и побли множество пироговъ, а Шипъ рассказалъ мнѣ свои приключенія. Онъ очень обрадовался услышавъ, что я съ вами, пошому говоришъ онъ, что вы предобрая Госпожа, и онъ увѣренъ, что вы мнѣ объ немъ говаривали. Онъ надѣшся получишь опсшавку, и шогда...

И шогда на шебѣ женишся, сказала Аминша во исполкованіе ошановки и смущенія Елены.

Такъ, сударыня; и повѣрише ли, что Шипъ будучи на морѣ ни мало не перемѣнился! Голосъ его шолько спалъ погрубѣе; но онъ сказалъ мнѣ, что это опъ шого, что онъ учился командовать рабошниками.

Бѣдной парень завшра по ушпру опяшь убъзжаешъ; ибо ко-

рабль спойтѣ въ Ирландіи, и
идешѣ въ Дублинѣ.

Щасливая Елена ! говорила
Аминша удаляясь въ свою комна-
ту : присвѣрбія швои разруши-
лись ; ты увѣрена о привержен-
ности Шипа. Спокойствіе и ра-
дость спѣшащѣ бытъ швоимѣ
удѣломѣ.

На другой день, около суме-
рекѣ, сошла Аминша съ опцомѣ
своимѣ на берега морскіе, дабы
увидѣшь рыбаковѣ, достающихѣ
сѣти ихѣ. Тогда, какѣ Филза-
ланѣ разговаривалѣ съ ними,
Аминша сѣла на пригоркѣ, чпобѣ
насладиться зрѣлищемѣ с имѣ.
Обыкновенный унылый шумѣ
волиѣ согласовался съ печальны-
ми мыслями ея ; мало по малу
удаляясь въ самое себя, теряла
совсѣмѣ вниманіе къ сценѣ, на-
ходящейся въ глазахѣ ея, какѣ
вдругѣ позади ея не въ дальнемѣ

разсвояніи звукъ голоса извлекъ ее изъ сей глубокой задумчивости. Она мнила слышать голосъ Моршимера, и не обманулась въ пошѣ. Ближнею пропильной всходилъ на берегъ съ однимъ морскимъ Офицеромъ. Не лзя ему было пройти, не выдавъ ее. Въ нѣсколькихъ шагахъ оспановился, какъ будто размышляя, говоритъ ли ему съ нею, или нѣтъ, чрезъ кошорое время казалось, что нерѣшимость его исчезла. Въ рукѣ у него былъ плашокъ : онъ имъ махнулъ, какъ бы сдѣлая знакъ прощанія ; приблизился къ маленькому судну, между каменистыхъ горъ стоящему, кошорое его съ товарищемъ доспавило къ фрегату. Сердце Аминши съ жестокостію билось. Елена сказывала ей, что сію самую ночь фрегатъ пускался въ море, и ничто бы не могло въ такой часъ привести шуда Лорда Моршимера.

ра , кромѣ намбренія убхашь на ономѣ.

Неизвѣстность естѣ самое жесточайшее мученіе. Аминпа спрадала онымѣ. Возвращаясь съ опцомѣ своимѣ домой , удалилась она въ свою комнашу ; шопчасѣ позвала къ себѣ Елену , и спрашивала ее , очень ли были вѣрны извѣстія , данныя ей Шипомѣ обѣ опшѣздѣ фрегата. Увы ! очень вѣрны , сударыня , со вздохами отвѣчала ей Елена ; и я весьма понимаю причину , побуждающую васѣ спросить меня о томѣ. Вы видѣли Лорда Моршимера , вошедшаго на фрегатѣ ; я и сама его видѣла въ низу берега , разговаривая съ Шипомѣ , кошорой находишся мапрсомѣ на суднѣ , везущемѣ Милорда и Капитана. И подлинно я была внѣ себя , когда увидѣла Милорда , всходящаго на фрегатѣ ; ибо я знала , что онѣ убзжалѣ въ великой досадѣ за

обидной опѣ васѣ съ нимѣ поступокѣ.

Опѣ меня? вскричала Аминша.

О моя любезнѣйшая Госпожа! вскричала Елена ушопая въ слезахѣ: вы никогда не проспите мнѣ шого, чшо я сдѣлала; но право, увидя бѣднаго моего Шипа, я ни о чемѣ, кромѣ его, не думала, и все прочее забывала. Вчера около вечера, какѣ шла я къ старушкѣ Норши, Милордѣ повспрѣчался со мною на дорогѣ, прогуливаясь весьма печально, какѣ мнѣ казалось. Не лзя мнѣ было обойтись безѣ шого, чшобѣ проходя не отдашь ему поклона. Онѣ подошелѣ ко мнѣ съ пріятнѣйшею улыбкой, и самымѣ ласковымѣ видомѣ взявѣ мою руку въ свои, копорыя поверите ли, чшо почной бархатѣ? и сказалѣ мнѣ: прошу васѣ, любезная Елена, скажете мнѣ: въ замкѣ ли Миссѣ.

Фитзаланъ, и одна ли она тамъ? Такъ, Милордъ, сказала я ему, она дома, и Богъ знаетъ, какъ печальна! Я ее оставила въ уборномъ кабинетѣ у окна, смотритъ на моръ, и слушаетъ шумъ вѣтра. И шакъ, моя любезная, сказалъ онъ мнѣ, подише прошу васъ, сказать ей, что она меня обяжетъ до безконечности, ежели согласишся пошчасъ придти къ камениснымъ пригоркамъ по шу сторону замка. Я ему обѣщала сходишь, и онъ мнѣ положилъ въ руку и принудилъ меня взять пяшь гвиней; поворотился въ другой пушь, убѣждая меня покорбе выполнишь его препорученіе. Но какъ я была очень близко отъ Норти, зашла къ ней; а когда только вышла отъ нее, повспрѣшилась съ бѣднымъ Шипомъ, которой, прости Боже мое согрѣшеніе, заставилъ бы меня опца и мамъ забышь.

Ахъ, Елена! вскричала Аминта: того ли я должна была ожидать отъ себя?

О любезная Госпожа моя! сказала Елена, умножая рыданія и слезы свои: я дѣйствительно самое несчастнѣйшее твореніе, какое только есть въ свѣтѣ. Но на что же вы такъ много огорчаешесь? Милордъ васъ слишкомъ нѣжно любилъ, чтобъ могъ на васъ выдерживать гнѣвъ. Бѣдный Шипъ, кошорой думалъ, что я любила священника Говеля, не забылъ однако же меня, и возвратился ко мнѣ.

Безполезны были усилія Елены. Она ее опослала, дабы безъ свидѣтелей совершенно предаться раздражающей мысли продолжительной, и можетъ быть вѣчной разлуки съ Лордомъ Моршимеромъ. Имѣя справедливыя причины считатьъ его раздраженнымъ, полагала, что Милордъ

конечно изгналъ ее изъ мысли своей ; или естъли и сохранялъ о ней нѣкоторое воспоминаніе , по было сіе безъ всякаго чувства нѣжности и почтенія , и впредь могъ бышь расположенъ къ другому выбору. Въ окно видишь фрегатъ , на коемъ поднимающъ якорь , расправляющъ парусы ; слышишь она крикъ мажорсовъ. О Моршимеръ ! говорила она сама въ себѣ : такъ - по мы разлучаемся съ побою ! такъ по обманывающся надежды , произведенныя побою въ сердце моемъ ! Ты опѣвжаешь , счиная меня недостойною того , чщобъ проспшишься со мною ! Въ сію самую минупу . можетъ бышь обращаешь глаза швои на Карбери - Касшль , не ошнося ни малѣйшаго сожалѣнія къ шому , чщо въ ономъ обитаешъ. Ахъ ! естъли бы шы истинно любилъ , никогда бы гнѣвъ не восшоржесшвовалъ споль много надъ

твоею нѣжностію ; ты обманывалъ меня, говоря мнѣ , что я тебѣ была любезна ; а можешь быть ты въ томъ и самого себя обманывалъ. На моемъ мѣстѣ я никогда бы подобно тебѣ не поступила. Предаваясь симъ печальнымъ размышленіямъ , преслѣдовала она глазами своими корабль до тѣхъ поръ , какъ онъ , удаляясь за горизонтъ , исчезъ отъ взора ея.

И такъ уже онъ уѣхалъ ! говорила она , отходя отъ окна и упоая въ слезахъ ; а ежели я когда либо и увижу его , то уже сіе будетъ не иначе , какъ супругомъ Лады Евфразіи.

Г Л А В А 11.

Лордъ Моршимеръ дѣйствительно уѣхалъ, съ чувствами, весьма неблагопріятными Аминшѣ. Онъ дожидался ее въ общи- шели С. Екашеріны, въ сладост- ной надеждѣ, что она разсѣшетъ всѣ его сомнѣнія, давъ полное объясненіе причинъ, побудившихъ ее къ столь поспѣшному побѣгу изъ Княжества Веллискаго. Онъ жаждалъ примиренія; нѣжность его, оспановленная столь мно- гими препонами, еще живѣе отъ того спановилась. Съ воспор- томъ наслаждался онъ мыслию, принявъ въ объятія свою дражай- шую Аминшу, и внять изъ устъ ея, что она еще заслуживала всю горячность его. Трудно выра- зить ощущаемую имъ печаль, когда часъ свиданія прошелъ,

и онъ не могъ уже надбѣяться увидѣшь шуда пришедшую Аминшу. Онъ пробовалъ, какъ мы выше сего видѣли, сеспрѣ Маріи дблать нѣкоторыя вопросы; долго еще продолжалъ бродить въ развалинахъ и послѣ того, какъ уже добрая монахиня въ монастырь удалась, и даже до тѣхъ поръ, какъ ночь не позволяла болѣе различать предметы. Она боялась, говорилъ онъ, оставляя сіе печальное мѣсто, и имѣя сердце стѣсненное смертельною тоскою; она боялась придти сюда для того, что не могла объяснить моихъ сомнѣній. Сего дня по утру замѣтилъ я смятеніе и шрепешъ ея, когда я ей далъ знать объ оныхъ. Нѣшъ, различившая насъ тайна отбѣзда ея никогда объяснена не будетъ; и щещно бы я льспился надеждою опяшь ее увидѣшь, дабы полу-

чишь ошъ нее столь желаемое изъясненіе.

Съ сей минушы потерялъ онъ всю надежду. Печаль его и смущеніе, во всѣхъ чертахъ означающіяся, не избѣгли примѣчанія и насмѣшекъ Маркисы и Лади Евфразіи; но шутки ихъ мало прогали его. Онъ и не отвѣчалъ на нихъ: шакъ сильно былъ онъ погруженъ въ горестныя свои размышленія, что не могли онъ извлечь его изъ оныхъ!

Совсѣмъ прошивъ воли его было по, что онъ сошоварищеслововалъ имъ на нѣкошорое превеликое собраніе у одного изъ ихъ сосѣдей. Неожидаемая всцѣрѣча Аминшы, тогда, какъ она, возвращаясь изъ монастыря Св. Екатерины, видѣла его бдущаго въ карешѣ, причинила ему величайшее движеніе. Наисильнѣйшія

доказательства краснорѣчія не могли бы съ такою силою и успѣхомъ защитить сторону Аминшы, какъ присутствіе ея въ такую минушу. Блѣдность, разпространившаяся по лицу ея, крошечное выраженіе каждой черты, задумчивое положеніе, робкая смиренность, съ которою усиливалась укрыться онъ примѣчаніи, все сіе подвигнуло чувствительность Лорда Моршимера, возбудило его вѣжность, оживило надежды его, и заставляло его еще постараться получить онъ все столь много желаемое имъ изъясненіе. Переменная была замѣчена Госпожами, съ коими онъ находился; съ злоспійю между собою онъ усмѣхались. Лади Евфразія не устыдилась сказать: безъ сомнѣнія дѣвица сія стоитъ на заставѣ для полученія дани удивленія, котораго, сказалъ ей

старой отецъ ея, она имѣеть право пребывать; или для встрѣчи какого нибудь хорошенькаго приключенія. Лордъ Моршимеръ вслушался въ сіе вранье. Никогда прошивность между Лади Евфразіею и Аминшою не казалась ему столь прогашельною въ выгодность сей послѣдней, копорая сполько же пріобрѣшала почшенія его, сколько первая шеряла онаго.

На другой день, около вечера, долго бродилъ онъ вокругъ замка, въ чаяніи встрѣшитъ Аминшу. Поджидалъ ее, поговоря съ Еленою и обязавъ ее исполнить его препорученіе. Въ семъ упованіи пошелъ къ каменисшымъ горамъ, внимая всякую минушу, нейдетъ ли Аминша на свиданіе. Прошелъ цѣлый часъ въ ожиданіи семъ, и гнѣвъ снова засшудилъ

мѣсто нѣжности. Никакъ не сомнѣвался онъ о исправности Елены, и относилъ все по къ расположеніямъ Аминшы. Долго пробѣгалъ онъ берега въ смертельномъ уныніи и нешерпѣливости; наконецъ услышалъ колоколъ Ульсперъ-Лоджа къ ужину, въ кошорой всегда очень поздно удалялось.

Тутъ потерялъ онъ всякую надежду увидѣть Аминшу, и отказался даже отъ мысли впредь искашь свиданія съ нею. Покушался припомъ досадовать на самого себя за то, что извѣявлялъ столько желанія опяшь узрѣть ее, и оскорбленное честолюбіе его ужасалось мысли той, чтобъ опяшь извѣскивать свиданія. Нѣтъ, Аминша! говорилъ онъ самъ въ себѣ, проходя замокъ, нѣтъ! никакого не будешь имѣшь

права на мою нѣжность. Тайна швоего побѣга долженствовала соорудить въ умѣ моемъ сомнѣніе и подозрѣніе, доставляя тебѣ случай расшоргнуть ихъ объясненіемъ. Я сдѣлалъ все, что требовали права души, нѣжность и честь. Впредь вмѣстѣ шого, чшобъ употребляшь усильнныя старанія увидѣшься съ шобою, я обращу ихъ на то, чшобъ забыть себя, и надѣюсь лучше въ шомъ успѣшь.

На другой день по утру пошелъ онъ съ Маркизомъ на фрегашъ, гдѣ былъ въ пріятномъ удивленіи, нашедъ въ Капитанѣ одного изъ старинныхъ друзей своихъ, Сира Сомервиля, которой сошовариществовалъ имъ до Ульстеръ-Лоджа. Тамъ болѣе шутя, нежели въ самомъ дѣлѣ, предложилъ ему Капитанъ, не со-

гласится ли онъ оправдаться съ нимъ въ одинъ отбѣздъ, которой онъ предпринималъ. Моршмеръ тотчасъ принялъ его предложеніе; весьма наскучило ему семейство Рослина, и онъ радъ былъ найти случай показать Аминшѣ, оставляя спрану сію прежде своихъ хозяевъ, что онъ не столь слѣпо побѣжденъ былъ ею, какъ она по думашь могла. Когда шелъ онъ садиться на фрегатъ, встрѣча Аминши поколебала рѣшимость его; казалось, что для того только она предстала ему на дорогѣ, чтобъ возбудить сожалѣніе его. Жестоко покушался онъ подойти къ ней; но опроверженъ былъ ошъ того воспоминаемъ, съ какимъ тщаніемъ и съ какою непоколебимостию до сихъ поръ она его убѣждала. Честолюбіе его вело прочь; но когда судно уда-

лялось отъ берега, глаза его пребыли усшремлены на шо мѣсто, гдѣ онъ ее видѣлъ; и когда уже совершенно потерялъ изъ виду бѣлое плашье ея, по волѣ вѣтра развѣвающееся, шо опдалъ одинъ вздохъ восшоминанію щасштливыхъ дней, въ Тудор - Галлѣ съ нею проведенныхъ, а другой посвятилъ шой мысли, что уже не возврашяшя болѣе сладосшныя минушы шѣ.

Госпожи Ульшер - Лоджскія весьма были разогорчены и разшроены отъ вѣдомъ его. Напрасно сшарался онъ умягчить негодование ихъ, обѣщая дождашься пріѣзда ихъ въ Дублинъ, дабы въ Англію возврашиться съ ними вмѣстѣ. Отъ вѣздъ его довольно означалъ имъ, что онъ не былъ столько привязанъ къ Ладі Евфразіи, сколько имъ шого

хотѣлось. Подозрѣніе сіе и прежде приходило имѣ на мысль, и онѣ даже полагали, что сердце его уже было гдѣ нибудь обязано. Имѣли онѣ нѣкошорую причину думать послѣ великой перемѣны, примѣченной ими въ немѣ скоро по прїѣздѣ его въ Ульспер-Лоджѣ, что соперница Евфразіи обитала тушѣ въ сосѣдствѣ. Въ чаяніи опкрыть оную, съ великимъ стараніемъ примѣчали онѣ за Лордомъ Моршимеромъ во всѣхъ собраніяхъ, куда онѣ ѣзжали съ ними; но скоро дознались, что движенія его причиняемы были опсущствующимъ предметомъ. При имени Аминлы, или Фипзалана, замѣчали онѣ всегда нѣкошорую перемѣну, въ лицѣ его означающуюся, и часто видѣли его обращающаго взоры къ сторонѣ Карбери - Касшля. Вообразили наконецъ, что то была Амин-

ша, которую онъ любилъ, и что привязанность сія началась на балѣ у Килькорбановъ, гдѣ замѣтили онѣ нѣсколько взглядовъ, обращенныхъ Лордомъ Моршимеромъ на сію родственницу, на предметъ ненависти ихъ, тѣмъ болѣе съ ихъ стороны жестокой, чемъ болѣе находили ее любви достойною. Бѣшенство овладѣло сердцемъ ихъ; онѣ были въ ошчаяніи, для чего предприняли путешествіе сіе въ Ирландію, которое доставило, какъ онѣ думали, Моршимеру случай унасть Аминшу. Лордъ Шербюри много разъ сказывалъ имъ, что ни онъ, ни сынъ его не знали дѣтей Фишлана; известна имъ также жестокость спрасшей Лорда Шербюри, и что честолюбіе было главнѣйшею его пружиною; увѣрены пребывали онѣ, что Лордъ Шербюри, горячо

желая извясненія между обѣими фамиліями , никакою препотою не оспановишся достигнуть цѣли сей ; и такъ взяли намѣреніе , ежели Лордъ Мортимеръ по возвращеніи ихъ въ Англію окажетъ хотя малѣйшее упорство исполнитъ намѣренія отца, увѣдомишь Графа о причинахъ спротивленія сына его , и изобразишь ему Физзалана и дочь его шаками , кои пославляли Лорду Мортимеру сѣши , дабы уловишь его и довести до неравнаго союза. Клевета сія весьма бы вѣроятною показалаь человѣку свѣдѣскому и сполько знающему людей, какъ Лордъ Шербюри. Почтеніе, которе до сихъ поръ имѣлъ онъ къ Физзалану , премѣнилось бы въ ненависть и презрѣніе ; потерявъ подпору въ Графѣ , и должность, ввѣренную онъ него Физзалану , ошецъ и дочь впади бы опять въ

нищету и мрачность. Мыслишь, что убожество подвергло бы Аминпу необходимости служить, что красота ея спана сокрылась бы подъ грубыми одеждами бѣдности, и пріятности лица помрачились бы нищетою, были споль сладостными и споль восхищительными для нихъ воображеніями, что дабы увидѣшь событіе оныхъ, онѣ находились гошовыми въ опсушсвіи Лорда Моршимера ушѣшишься надеждою имѣшь возможность погубишь несчастнаго Физзала. Не бывъ швердо удосновѣрены въ ихъ подозрѣніи, не хотѣли онѣ пускаться на то, чтобъ сообщить ихъ Лорду Шербюри; но для собственнаго ихъ удовольсвія рѣшились съ щаніемъ изыскивать средсва увѣришься въ нихъ. Лади Грейстокъ была единая особа, которая въ семъ случаѣ

могла имъ бышь полезна помощію ея знакомства съ Аминшою. И такъ начали онѣ унижать свою обычную надменность до того, чшобъ по пріятельски обходиться съ нею; сдѣлали ей нѣкошорыя ошкрытія, кошорыя приняшы были съ радосшію, и засшавили забышь прошедшія ихъ къ ней неуваженія. Подружась еще болѣе съ спарою Госпожею, гораздо лучше наслаждались онѣ дарованіемъ, кошорое она имѣла рассказывать забавныя повѣсти, въ коихъ всякой день помѣщала она слабости и пороки людей ихъ сообщества, а особливо пѣхъ, кошорые не были ею любимы. Лади Грейспокъ въ вышнемъ степеніи обладала симъ искусствомъ; она знала людей, и умѣла пороки ихъ обращать въ свою пользу. Не укрылось опъ нее чрезмѣрное щеславіе Маркизы

и ея дочери, и съ избыткомъ
изливая въ кубокъ ихъ, что
Спервъ называетъ бальсамъ души,
совершенно приобрѣла сердце ихъ.
Маркиза, обязавъ прежде хранишь
шайну, сообщила Лади Грейспокъ
опасенія свои относительно Лор-
да Моршимера и Аминшы; опа-
сенія сіи, говорила она, возбуж-
даемы были уваженіемъ, каковымъ
обязана одному, и жалостію, ко-
порую имѣла къ другой. Она
знала, что Лордъ Шербюри ни-
когда бы не просилъ сыну сво-
ему привязанности къ сей дѣвуш-
кѣ, на какъ бы она ни была
основанія. Нужно было знать,
далеко ли были расположенія
между имъ и ею, дабы предупре-
дить послѣдствія. Лади Грей-
спокъ не была обманута сими
ложными причинами; очень по-
знала, что то не было сожалѣніе
къ Амминтѣ, но зависъ и уча-

стіе, побуждающее Маркизу; помыслила также, что ежели Лордъ Моршимеръ былъ привязанъ къ Аминтѣ, по извѣстному ей его свойству, то привязанность его была конечно на честныхъ основаніяхъ. Скрыла однако же образъ мыслей своихъ, и припворялась входить въ опасенія Маркизы, и общала ей всѣ силы употребить къ открытію, какого рода была приверженность, существующая между Моршимеромъ и Миссою Фипзалаиъ. Для исполненія сего, посѣщенія ея въ Карбери - Каспль сдѣлались гораздо чаще и продолжительнѣе; цѣлые дни препровождала тамъ по пріятельски, пробуя всѣ средства похитить шайлы сердца Аминты. Иногда шутила надъ ея меланхоліею; иногда наивеличайшее оказывала ей участіе въ самыхъ обольстительныхъ выра-

женіяхъ; рассказывала ей истинные или ложные анекдоты своей молодости, въ копорой, говорила она, весьма была она несчастлива одною нѣжною привязанностію; опшуда проходила она къ Лорду Моршимеру; удивлялась тому, что съ шакою скоростію онъ уѣхалъ; дѣлала самыя лестныя похвалы о немъ, и обьясняла, что ежели бы Лади Евфразія могла его привязать къ себѣ, въ чемъ она очень сомнѣвалась, то подлинно была бы наищасливѣйшая въ свѣтѣ женщина.

Надмѣру велика была шонкость Аминшы, чтобъ признасться ей въ своихъ чувствованіяхъ; опнынѣ полагала она спрасть свою безнадежною, и не малое бы для себя ощутила униженіе получасть въ шакомъ случаѣ утѣшенія. Но хопя успа ея оспо-

рожноспію ограждались, лице ея измѣняло ей : при имени Морпимера краснѣла ; означалось мученіе, когда говорили о союзѣ его съ Евфразією; улыбалась, слыша о какомъ нибудь препяпствіи, могущемъ разрушить оный. Наконецъ Лади Грейспокъ, не возмогши извлечь опъ Аминпы признанія чувствъ ея, не сомнѣвалась болѣе, и считала себя въ правѣ сказать Маркизъ, что она увѣрена была въ томъ, что какое нибудь да было между ими происшествіе, и что Морпимеръ и Миссъ Физзаланъ имѣли какое либо сношеніе ; что по причинѣ великой скромности Аминпы, она ничего не могла опкрыть, но не возможно однако же и сомнѣваться въ томъ. Маркиза взбѣслась, больше нежели когда нибудь, рѣшилась погубить

Аминь, ежели бы Лордъ Мор-
шимеръ хотя одну минуточку по-
колебался повиноваться отцу сво-
ему, дашь руку свою Лэди Ев-
фразии.

Г Л А В А 12.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Лорда Моршимера, Ульшеръ - Лоджъ былъ оставленъ семействомъ Рослина. Вздыхала Аминша, видя ихъ уѣзжающихъ, бывъ пронюха мыслию, что онѣ увидяшся опять съ Лордомъ Моршимеромъ, и что свиданіе сіе скоро не оставитъ ей ничего болѣе, какъ только одно плачевное воспоминаніе о Лордѣ Моршимерѣ, и которое уже ей краише болѣе не прилично будетъ. Владѣльцы сосѣдственныхъ земель Карбери - Касшля почти всѣ уѣжали для препровожденія зимы въ городъ. Тѣ, которые до свашокъ оставались еще въ деревнѣ, въ числѣ коихъ были Килькорбаны, споль малое имѣла вниманіе къ Аминшѣ съ самаго пріѣзда Маркизы, что не

осмѣливались болѣе показаться въ замокъ, бывъ увѣрены въ холодномъ приѣмѣ Физзалана и дочери его, имѣющихъ довольно благородства души, дабы умѣшь возчувствовать свою обиду.

Время года было споль жестокое, что Аминша не могла имѣшь уже обыкновенныхъ своихъ прогулокъ. Грусть сего уединеннаго замка уныніемъ Аминши еще умножилась. Очаровательная сила надежды не приходила уже болѣе придавать прелестныхъ видовъ зрѣлищамъ, въ глазахъ ея находившимся. Сердце ея было какъ бы необитаемая и опустошенная страна, подобная шой, которая видима была изъ окна ея. Обычныя ей упражненія не имѣли уже болѣе для нее никакой пріятности; не прилагала уже къ нимъ никакова спа-

ранія ; все пропивно спало ей опѣ мысли шой , что она сама и дарованія ея сдѣлались не нужны Лорду Морпимеру. Здоровье ея умалялось, и Физзаланѣ снова имѣлъ прискорбіе видѣшь милой сей цвѣшокѣ уязвленный червемѣ горести. Розы удалились опѣ щекѣ ея, и нѣжность сложенія обращалась въ слабость, угрожающую близкимѣ разрушеніемѣ. Не ушла опѣ него причина болѣзни , но не хошѣлъ умножать скорбь дочери своей, касаясь раны сердца ея. Безполезны были усилія его, доставивъ ей нѣкошорую опраду. Улыбка на устахѣ Аминшы была сполько же скоропроходяща, какѣ лучи зимняго солнца, и дѣлало еще гораздо чувствительнѣе молчаливую и мрачную печаль, преслѣдующую ее.

Въ сихъ обстоятельствѣхъ
Леди Грейстокъ, всегда продол-
жающая дѣлать свои посѣщенія
въ Карбери - Каспль, представи-
ла Фипзалану предложеніе, ко-
торое онъ съ радостію принялъ.
Оное состояло въ томъ, чтобъ
Аминту отпустить съ нею въ
Лондонъ, куда она принуждена
была ѣхать для одной тяжбы
между ею и племянникомъ по-
слѣдняго мужа ея.

Фипзаланъ надѣялся, что
перемена видовъ извлечетъ Амин-
ту изъ унынія духа, въ како-
вомъ она находилась, и будетъ
способствовать къ поправленію
ея здоровья. Не страшился онъ
болѣе, чѣмъ Лордъ Моршимеръ
опять началъ искать ее послѣ
того, какъ не помышлялъ и ма-
ло употребить на то пребыва-
ніе свое въ сосѣдствѣ Карбери-

Каспля. Мнилъ онъ , что сіе равнодушіе было дѣйствіе восприимчивой имъ къ Лади Евфразіи привязанности. Не извѣстно ему было дружество , недавно начавшееся между Лади Грейспокъ и семейства Рослина , и не нашедъ причинъ въ знакомствѣ ихъ опасаться того , чтобъ Аминша часто могла имѣть случай встрѣтиться съ Лордомъ Морпимеромъ. Ежели бы она его и увидѣла , воображалъ онъ , что уже не иначе , какъ мужемъ , или какъ опличнымъ искашелемъ Лади Евфразіи ; а въ томъ и другомъ предположеніи довольно извѣстны ему были возвышенныя и честныя правила дочери его , дабы быть твердо увѣреннымъ , что еще гораздо болѣе , нежели когда нибудь , употребила бы она наивеличайшія усилія къ побѣжденію привязан-

ности своей. Усиліямъ симъ много бы споспѣшествовали для нее разсѣяніе и удовольствія, которыя бы Лади Грейшокъ ей доставила: она въ Лондонѣ имѣла многочисленное и лучшее знакомство. Онъ почиалъ, шакъ какъ и многіе другіе, Госпожу сію пріятною и припомъ разсудительною женщиною, которой безъ опасенія могъ ввѣрить надрагоцѣннѣйшее сокровище свое. Покровительство сіе было дочери его полезно не только теперь, но и впредь; здоровье его было слабое, и онъ льстился, что Лади Грейшокъ, взявъ однажды его дочь, сколько бы могла сдѣлалась къ ней привязанною, что захотѣла бы всегда имѣть ее съ собою, и даже взять попеченіе о участи ея, въ случаѣ ежели онъ похищенъ будешъ отъ дѣтей своихъ, не успѣвъ упорядить ихъ

состоянія. Къ таковымъ упованіямъ Физзалана ни мало не приобщались личная выгоды и подлая корысть. Лади Грейспокъ часпо увѣряла его, что она имѣла только самыхъ дальнихъ родственниковъ, и что была очень богата; и такъ ежели бы Аминта и получила отъ нее какое нибудь доказательство дружбы, то бы чрезъ сіе ни чьи права ею не нарушились.

Не таково однако же было положеніе дѣлъ, хопя не извѣстное Физзалану, равно какъ и цѣлому свѣту, по чрезмѣрному щирію, каковое Лади Грейспокъ къ сокрытію онаго прилагала. Воспитаніе ея имѣло, или возродило въ ней, или усовершенствовало искусство сокровеннѣйшаго пришворства. Она была изъ одной многочисленной и не очень бога-

ной фамилии восточной Ирландии. Мать ея, хорошая хозяйка, видя, что мужъ ея не способенъ былъ пецися о благосостояніи дочерей своихъ, воспитывала ихъ такимъ образомъ, чтобъ были въ состояніи сами себѣ какую нибудь участь сослужишь.

Въ девятнадцать лѣтъ, Миссъ Бриджеса доброю славою о ея хозяйствѣ и прилѣжаніи къ домоупроишельству, привлекла вниманіе нѣкошораго дворянина въ ихъ сосѣдствѣ, имѣющаго изрядное имущество; онъ былъ, какъ Немродъ, знаменитый у Господина охотникъ, и имѣлъ нужду въ женѣ, которая бы заботилась о домашнемъ порядкѣ, какого онъ не могъ наблюдать, занимаясь всегда лошадьми и собаками. На сіе-шо Миссъ Бриджеса весьма была способна;

спирасць его къ охотѣ и жизнь получили свой конецъ на впоромъ году по бракѣ ихъ : онъ ушибся до смерти, желая перескочить одинъ ровъ. Жена его получила послѣ его изрядную часть, и въ пошерѣ сей скоро ушѣшилась приходскимъ Ректоромъ : онъ былъ малорослой челоуѣкъ, толстой и низкой, настоящій кубарь ; пришелъ сдѣлать ей поученіе, и столь хорошо въ томъ успѣлъ, что ни мало не медля, по окончаніи праура имѣлъ щастіе получить ея руку. Весьма благополучно препроводили они вмѣстѣ чешыре года; но крайне неумѣренное употребленіе благихъ міра сего исковало гибель здоровью бѣднаго Ректора такимъ образомъ, что принужденъ былъ имѣть къ Башскимъ водамъ прибѣжище. Коса смерти преслѣдовала его туда, и все имѣніе, оставшееся

послѣ него , досталось вдовѣ его.

Въ томъ домѣ , которой она занимала , жилъ одинъ старой неженатой Баронетъ ; имѣніе его было велико , но нравъ имѣлъ вздорной и привычки странныя ; однако же ко вздорливости своей присоединялъ доброе свойство. Какъ пригожая вдова осталась одна безъ всякихъ друзей около ее , то пошелъ посмолръшь на нее , и предложилъ усѣщенія и услуги , каковыя бы ей потребны были. Вниманіе сіе внушило вдовѣ мысль , постараться обязательному сосѣду вдохнуть какое либо другое чувство , кромѣ состраданія. Тщла и богатство имѣли столько для нее привлекательности , что ни вздорной нравъ Баронета , ни престарѣлая лѣта его (онъ имѣлъ

шесъдесятихъ, а она двадцать восемь лѣтъ), не отвратили ее отъ намѣренія выдти за него. Долгое время старанія ея пребывали бесполезны; но непоколебимость чудака спрости! Непременное ея къ нему усердіе, постоянное прилагаемое ею попеченіе о здоровьи его, которое было въ весьма слабомъ состояніи, смягчили наконецъ сіе каменное сердце; и въ одно время добраго расположенія его предложилъ ей руку свою, которую принявъ она не колебалась.

Настоящій наследникъ великаго имѣнія Баронеша былъ единственный сынъ одной изъ его сестеръ, давно уже умершей. Во время сего неожиданнаго брака, сей племянникъ имѣлъ около двадцати лѣтъ, пріятнаго вида, милыхъ и крошкихъ свойствъ, и

нѣжнѣе любимъ былъ дядю своимъ. Сія дружба дяди была препоною желанія Лади Грейспокъ, достигнуть обладанія всемъ имѣніемъ Баронета. Различныя сооружала она выдумки, чинобъ повредить Рузброку, но ни на одной не осмѣивалась. Наконецъ неожиданной случай доставилъ ей средство къ исполненію сего.

Въ сосѣдствѣ той деревни, гдѣ Баронетъ имѣлъ свое пребываніе, Рузброкъ возчувствовалъ привязанность къ дочери одного челоука, къ которому изстаріи дядя его имѣлъ непреоборимую ненависть. Лади Грейспокъ нѣмчасѣ смекнула, что союзъ молодого Рузброка съ сею дѣвцею непременно доставилъ бы ему всю злобу дяди его; дала ему выразумѣнь, что ей извѣстна была его привязанность, и что

она искренно сожалѣла о его положеніи; ободряла любовь его самыми лестнѣйшими обожасмой имъ Эмили похвалами. Грустила о разлученіи двухъ сердецъ, столь хорошо одно для другаго сошворенныхъ, и говорила ему напоследокъ, что ежели онъ женился на милой сей особѣ, польстилась она испросить ему прощенье отъ Сира Гофруа. Коварная ея ласкашельства повергли несчастную и доврчивую чепу въ сѣти, отъ нея съей поставленныя, и поступокъ ихъ скоро сопровождаемъ былъ плачевнѣйшими для нихъ послѣдствіями, копорыя заранѣе предвидѣвъ она, ихъ на то поощряла.

Гибъвъ Сира Гофруа былъ непримиримъ, и онъ являлся никогда не видашь болѣе своего племянника. Лади Грейстокъ по на-

ружності спаралась спасти, себя опѣ нареканія свѣтскаго; выпросила у своего мужа для Рузброка пять сотѣ фунтовѣ шерлинговѣ, и сполько же прибавила кѣ шому изѣ собственнаго своего имѣнія. Доспавивѣ ему помощь сію, увѣряла его, что не преспанешѣ ходашайшвовашѣ за него у дяди всякой разѣ, какѣ сполько вспрѣшишѣ кѣ шому удобной случай.

Онѣ купилѣ чинѣ Прапорщика вѣ шомѣ полку, кошорой спходилѣ вѣ Америку; тамѣ лучше желалѣ влачитѣ бѣдспвіе, нежели вѣ шѣхѣ мѣспахѣ, гдѣ нѣкогда видали его вѣ изобиліи.

Лади Грейспокѣ умножила усердіе и угожденіе кѣ мужу своему, и сполько увѣрила его вѣ нѣжной своей кѣ нему привер-

женности, что онъ сдѣлалъ за-
вѣщаніе, по кошорому оставлялъ
ей все свое имѣніе. И такъ она
льстилась скоро наслаждаться
онымъ; но сложеніе Сира Гофруа
было гораздо крѣпче, нежели она
по себѣ воображала, и она ви-
дѣла себя принужденною гораз-
до долѣе, нежели она чаяла, вы-
держивать притворныя поступ-
ки, чрезъ кои она приобрѣла оное,
зная, что малѣйшее упущеніе
предъ человѣкомъ такого нрава
испровергнуло бы всѣ ея надеж-
ды.

Такимъ образомъ препрово-
дила она пятнадцать лѣтъ, какъ
Рузброкъ былъ увѣдомленъ отъ
одного изъ друзей своихъ о томъ,
что бесполезно было долѣе пола-
гаться на обѣщанія, кошорыя Ла-
ди Грейспокъ не пересказала по-
вторяшь ему. Предложилъ ему

свое за него у дяди его предстательство ; но обязывалъ его самого припомъ писать къ Сирю Гофруа , испрашивая его прощенья.. Руброкъ послѣдовалъ сему совѣту, и писалъ къ своему дядѣ весьма прогашельное письмо, которое другъ его взялся вручить ему. Письмо и убѣжденія друга произвели великую перемену въ чувствахъ Баронета. Возбудилась нѣжность его къ племяннику, котораго онъ съ младенчества его признавалъ своимъ наследникомъ. Размышлялъ, что обогативъ чуждую ему фамилію, оспашимъ своей подвергнетъ нищету. Мыслию сею честолюбіе его оскорблялось, и далъ замѣтить челоуишнику, что не былъ онъ удаленъ отъ примиренія съ своимъ племянникомъ.

Лади Грейстокъ, скрывшись въ ближнемъ кабинетѣ, выслу-

шла весь, приведши ее въ ужасъ разговоръ сей, и скоро овладѣло ею опчяніе, какъ увидѣла вошедшаго Ношаріуса, и внимала сказываемое оному мужемъ ея завѣщаніе въ пользу Рузброка.

Скоро попомъ дядя согласился увидѣнь своего племянника. Не хотѣлъ принять жену и дѣшей его, но дославлялъ имъ весьма изобильное вспомошествованіе, чрезъ пособіе кошораго все семейство его въ состояніи было отправиться съ полкомъ въ Америку.

Спустя малое время послѣ отбѣзда ихъ, Сиръ Гофруа получилъ ударъ паралича, отъ кошораго никакъ не возможно было надѣяться, чтобъ онъ выздоровѣлъ. Состояніе его способство-

вало намѣреніямъ Леди Грейспокъ. Въ комнату мужа ея никто не входилъ, кромѣ ея и такихъ людей, въ кошорыхъ она была очень увѣрена. Послала сыскашь Ношаріуса, служившаго ей и прежде по дѣламъ ея въ Ирландіи, и задобривъ его хорошо суммою денегъ, заставила написать завѣщаніе, похожее на то, кошорое уже дѣлалъ для нее Баронешъ. Поддерживала на рукахъ своихъ Баронеша тогда, какъ Ношаріусъ, водивъ руку умирающаго, принудилъ его подписать бумагу, къ кошорой еще двое, какъ свидѣтели, руки приложили. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего Сиръ Гофруа умеръ.

Другъ Рузброва, пекущійся о немъ, поспѣшилъ явиться, дабы ушвердиль право племянника. Прочитали завѣщаніе, найденное

въ кабинетѣ покойнаго , въ копоромъ Рузбровъ названъ былъ единственнѣмъ наслѣдникомъ. Но радость друга его была непродолжительна : повѣренныя предсказали , и объявляли завѣщаніе послѣдней воли Сира Гофруа ; она уничтожила прежнее. Чрезмѣрна была печаль и удивленіе друга Рузброкова ; предлагаемая ему бумага была столь ограждаема законнымъ порядкомъ , съ коимъ составлена , что никакъ не возможно было оспаривать ону. Подозрѣвалъ онъ однако же плутовство , и не терялъ времени сообщить Рузброку подозрѣнія свои.

Вдова шоропилась упорядить всѣ дѣла свои , и съ великою поспѣшностію возвратилась въ свою сторону , ошѣ кошорой давно уже удалена была. Боль-

шая часть ближайшихъ родственниковъ ея померли, и оставались ей изъ оныхъ только весьма дальніе, кои, привлекаемы прелестію богатства ея, прібіждали напомигать ей родство, и одинъ передъ другимъ старались оказывать услужливости. Госпожа сія усердіе ихъ упошребляла себѣ въ пользу, жила и наслаждалась на счетѣ ихъ, весьма бережлива бывъ на свое собственное имущество. Будучи приглашаема во многіе дома, рѣдко въ своемъ пребывала; судя по себѣ о другихъ, оказываемыхъ ей услужливости относила къ истинной ихъ причинѣ, къ корыстолобію, и внутренно смѣялась надъ ними, коихъ она по расчету ея за носѣ водила.

Спокойствіе, коимъ она наслаждалась два года, послѣдую-

ице смерти Сира Гофруа, было нѣсколько поколеблемо возвращеніемъ ея племянника изъ Америки, кошорѣй по совѣшу нѣкоторыхъ людей, свѣдущихъ въ судебныхъ дѣлахъ, началъ прошивъ ее процессъ, дабы уничтожить завѣщаніе, въ пользу ея составленное, и уже въ безпамятствѣ Сиромъ Гофруа подписанное.

Не очень она однако же огорчалась симъ произшествіемъ. Она знала, что Рузброкъ не имѣлъ денегъ продолжать дѣло сіе, и что приказные люди пошчасъ оставятъ его, какъ увидятъ, что имъ шутъ поживишься нечемъ. Но не взирая на то, принуждена была ѣхать въ Лондонъ для своего процесса. Размышляла она, что Аминна была бы для нее пріятна, не только для того, чтобъ составить ей компанію,

когда она останешся дома; но и для того, чшобъ дблать ей модные уборы, и чрезъ то избавишь ее опъ излишнихъ расходовъ.

Аминша сначала со всею силою пропивилась предложенію, удаляющему ее опъ опца; она увбряла Фитзалана, что перембна видовъ ни мало не нужна ей къ возвращенію обычныхъ ей спокойствія и веселости, и что она всб силы употребитъ по доказашь ему. Фитзаланъ не сомбвался о искренности дблаемаго ею оббщанія; но зналъ также невозможность, вб кошорой она находилась сдержашь оное. Говорилъ онъ ей, что разлука сія становилась весьма нужною; что онъ и самъ поправилъ бы свое здоровье, опдавшись нбкопорому разсбянію, вб

кошоромъ для нее онъ себѣ отказывалъ. На послѣдокъ уговорилъ ее, и она начала дѣлать пріуготовленія къ путешествію. Какъ надлежало ей возвращаться въ Англію чрезъ Голигадъ, то Фишзаланъ разсудилъ отправить Елену къ роднымъ ея до возвращенія дочери его въ Ирландію; что чрезвычайно нравилось Еленѣ, желающей увидѣть свое семейство, и поговорить съ ними о Шипѣ. При приближеніи отъѣзда печаль Аминты, оставивъ отца, раздирала душу ея, и она не могла скрыть оной. Не меньше чувствительна была скорбь Фишзалана. На послѣдокъ, въ минуту разлученія, послѣ послѣдняго обѣщанія и поцѣлу и другая оставляя другъ друга, мнили съ жизнію разлучаться. Самъ Фишзаланъ сооружалъ печальныя предчувствія; рассказывая, принудивъ

дочь свою къ опѣкѣ, и едва не предложилъ ей съ нимъ остаться.

Лади Грейспокъ, которая во всѣхъ положеніяхъ и оборотахъ жизни пребывала всегда сама собою повелѣвающей, возвѣстила ему, что онъ великой причинялъ вредъ дочери своей, отдаваясь такимъ движеніямъ, и напоминала имъ обѣимъ, что разлука ихъ будетъ не продолжительна, и что Аминта получилъ отъ того выгоды, которыхъ пренебречь не должно.

Разсужденія сіи успокоили отца. Онъ проводилъ обѣихъ женщинъ до ихъ кареты; за оной послѣдовала наемная коляска съ Еленою и компаніюю женщиною. Лади Грейспокъ. Послѣ послѣдняго прощанія Фишаланъ воз-

вратился въ свою комнату, и во зло всякаго разсудка, горько плакалъ, видя себя разлученнымъ еб дочерью своею.

Изъ глазъ Амипгы текли слезы по блѣднымъ и похудѣвшимъ щекамъ ея; удвоились онѣ, когда кареша съ вышины спустилась, и она обратила послѣдній взоръ на Карбери - Касшль.

Скоро примѣшила однако же, что не пріятна была для Лади Грейспокъ столь печальная спущеница; принуждала себя принять иѣкоторое успокоеніе и войти въ разговоръ.

Лади Грейспокъ великое множество имѣла друзей въ сей часши Ирландіи, копорую проѣзжала: шо никогда и не останавливалась ни въ какой корчмѣ.

Любезная моя! говорила она Аминиѣ: я всегда умѣла пользоваться дружбою, которую мнѣ оказывали, и сіе искусство доставляло мнѣ пріятную жизнь.

На шрешій день пріѣхали онѣ въ Дублинѣ, въ Саксвилъ-спреенѣ, гдѣ Лади Грейсшовѣ имѣла домѣ. Два дни спустя, сѣли въ судно, и оправились въ Англію. Пріѣхавѣ въ Англезей, вочевали въ Голи-Гадѣ, и на другой день рано поуутру пустились въ путь.

Конецъ второй Части.

